А. Ларионов

Лейтенантами не рождаются

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей предлагается книга воспоминаний бывшего декана экономического факультета Пермского государственного университета А. П. Ларионова, участника Великой Отечественной войны.

- Алексей Ларионов
  -
  - Глава II
  - Глава III
- notes
  - 1

Алексей Ларионов
ЛЕЙТЕНАНТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

А. Ларионов

ЛЕЙТЕНАНТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Издательство Пермского университета
Пермь 2000

Глава I
ПОДМОСКОВЬЕ

Война украла у нас юность.
Взрослели мы на войне, и только трое из каждых
ста солдат смогли полюбить и быть любимыми,
остальные лежат «у незнакомого поселка…»

Каждый год отдаляет нас от исторической даты — дня Победы нашего народа над фашистской Германией. За 55 лет о войне написано немало, к сожалению, есть правда и ложь, особенно много ее распространяется в последние годы. По заказу пишутся пасквили на советскую действительность, в том числе измышления о начале, ходе и завершении войны, чтобы умалить роль советского народа в победе над фашистской Германией.

Волею судьбы я оказался в этой грандиозной «мясорубке». Попытаюсь воспроизвести отдельные моменты своей жизни, связанные с войной, не исключаю, что мои суждения очень субъективные. Мне шел в ту пору восемнадцатый год.

Я жил в сибирском городе Тюмени. 20 июня 1941 г. в нашей школе состоялся выпускной бал десятиклассников. Мы решили 22 июня вместе с учителями собраться на Андреевском озере и устроить прощальный вечер. Днем, часа в 2–3, к нам прибежали ребята из города и объявили — началась война.

Представьте себе, что все мы это известие восприняли очень спокойно, вернулись в город, я пошел в горвоенкомат и подал заявление о зачислении меня в ряды Красной Армии и отправке на фронт. В экстренном выпуске тюменской газеты мое заявление и заявления некоторых других добровольцев были опубликованы. В этот период в Тюмени я жил один, родители в начале июня уехали в Выборг, к месту работы моего отца. Забегая вперед, отмечу, что с отцом мы больше не встретились, он умер в блокадном Ленинграде.

Время шло, выступил по радио В. Молотов. Война разгоралась, немцы, не считаясь с потерями, стремительно продвигались вперед. Мы же к войне оказались не готовы, воевали вначале, как в русско-японскую войну, по принципу «сила есть — ума не надо», неся огромные потери.

Я каждый день ходил на призывной пункт, но на фронт меня не брали и, наконец, где-то в середине июля принесли повестку на отправку с одной из воинских команд.

В день отъезда приехала из Ленинграда мать с предписанием адмирала Кузнецова командировать меня в распоряжение Краснознаменного Балтийского флота. Но было уже поздно. На

вокзале я попрощался с матерью и уехал, но не на фронт, а в Томское артиллерийское училище. К сожалению, набор в него был уже закончен, и нас перевели в северный городок, куда эвакуировалось Киевско-Белоцерковское стрелково-пулеметное училище.

В училище я проучился три месяца вместо двух лет по программе. В середине ноября 1941 г. нас собрали по тревоге, приказав сдать оружие, погрузили в товарный поезд. Нужно заметить, что за период учебы боевые стрельбы (три патрона, дистанция 100 м) были всего один раз, боевые гранаты мы не видели, а о бутылках с горючей смесью и представления не имели.

Переформирование проходило на станции «Татарская», в 150–200 километрах от Омска. Воинские звания нам не были присвоены. В училище я был заместителем командира взвода, а на формировке был назначен командиром взвода курсантов. Оружие нам не выдали, вместо винтовок были деревянные палки, на которых обучались рукопашному бою. В середине декабря мы прибыли в Хотьковский монастырь. (В то время это было Подмосковье, в 15 километрах от Москвы, а теперь район столицы.) Хотьково, особенно железнодорожный мост, немцы часто бомбили. Оружия у нас не было, мы пугливо озирались по сторонам. Ночью нас построили в колонну, зачитали приказ о том, что немцы в районе Истры форсируют канал и наша задача — не допустить немцев в Москву, опрокинуть их на канале и вести наступление в направлении г. Клина. Мы спросили: «А как быть с оружием?» Последовал ответ: «Если к месту боя не доставят, будем отнимать оружие у немцев». Оружие нам подвезли, когда до встречи с немцами оставалось 1,5–2 километра. Винтовки, патроны, гранаты получали прямо с машин и с ходу вступали в бой. Наша 41-я стрелковая курсантская бригада, впервые встретившись с противником, оказалась в самом пекле. Немцев мы не только остановили, но и погнали на запад. Так на нашем участке, всего в 15 километрах от центра Москвы, начался разгром немцев под Москвой.

В этот момент, кроме нашей курсантской бригады, других воинских частей здесь не было, стык был открыт, но немцы об этом, видимо, не знали. Сюда были брошены курсанты нескольких училищ из разных городов, в том числе и из Москвы. И именно им, курсантам, принадлежит большая заслуга в ее спасении. К сожалению, о мальчишках-курсантах, их боевых подвигах мало информации в документах и литературных источниках.

Молодые ребята смело атаковали, энергично продвигались

вперед. На западном берегу канала, отсекая огнем немцев от берега, втянулись в широкий овраг, поросший мелким лесом и весь заваленный замерзшими лошадиными тушами. Это попали под штурмовку пикировщиков конники генерала Белова, пытавшиеся прорваться из окружения. На этом участке в тылу у немцев действовали два крупных конных соединения: корпус генерала Л. Доватора и корпус генерала Белова. Об их подвигах было много сообщений в прессе и по радио. Генерал Л. Доватор был смертельно ранен.

С боями мы прошли Волоколамск, Клин. На западной окраине г. Клина шли кровопролитные бои с переменным успехом.

Наше наступление под Москвой пошло на убыль и в начале января 1942 г. захлебнулось. Однако бои были ожесточенные. В это время в Москву по приглашению Ставки Верховного командования съехалось большое количество иностранных корреспондентов и представителей военных миссий. В пропагандистских целях для них было показано специально организованное наступление наших частей. В нем участвовала и наша 41-я стрелковая курсантская бригада. Была поставлена задача — выбить немцев из впередилежащего населенного пункта и стремительно «оседлать» перекресток шоссейных дорог. Немцы хорошо организовали оборону в подвалах жилых домов. Вся местность впереди простреливалась ружейно-пулеметным огнем. Мы находились на опушке леса, между нами и немцами было широкое снежное поле. Мороз в этот день был ниже -40 градусов.

С утра до поздней ночи наш взвод восемь раз ходил в атаку. Немцы подпускали нас метров на 100–150 и огнем укладывали на снег. Пять раз в этот день я получал пополнение из маршевых рот. Не успевал ознакомиться с личным составом, наспех назначал командиров отделений и — снова в атаку. Были ранены и убиты командир батальона, начальник штаба и командир роты. В этом бою я был дважды тяжело ранен. Произошло это так. Когда захлебнулась очередная атака, те, кто остался в живых, залегли в 50–80 метрах от передней траншеи немцев. Казалось, один бросок и — все, но огонь немцев был настолько плотным, что практически было невозможно не только поднять голову, но и пошевелиться.

Психологически для солдат это очень страшно: сильный огонь, рядом никого нет, а тот, кто находится поблизости, лежит и не шевелится, кажется, что все убиты и только ты один живой. Нужно принимать решение самому: двигаться вперед, лежать и не шевелиться или отползать на исходные позиции. Желание выжить в большинстве случаев заставляет солдат двигаться назад. Роль

командиров отделений, взводов и рот в этот момент очень трудная. Они сами лежат в боевых порядках пехоты, и тот из них, кто встанет и попытается поднять курсантов вперед, сразу же будет убит или тяжело ранен, все команды отдаются лежа, но когда солдат не видит действий своего командира, они малоэффективны.

И наступает момент, когда все живые начинают отползать назад. Убитых выносить некому, тяжелораненные остаются замерзать на снегу. В период такого отхода бывает много убитых и раненых.

Я со своим взводом тоже вернулся на исходные позиции. От взвода осталось девять человек, способных стоять в строю. В это время подошла новая маршевая рота. Получив пополнение, мы пообедали, выпив по триста граммов, вместо положенных ста. Водка была получена на весь личный состав, а пить-то ее досталось тем, кто остался в живых. Роту построили, командир роты тут же отдал боевой приказ на очередное наступление и предупредил, что позади наступающих будет поставлен заградотряд с пулеметами, и каждый будет расстрелян на месте, если он попытается вернуться назад.

Итак, мы снова — вперед и как-то очень быстро достигли того места, с которого немцы огнем отбросили нас на исходные позиции. С каждой минутой огонь немцев усиливался, но каждый знал, что лучше быть убитым здесь, чем получить пулю от своего заградотряда. Страх, ненависть к немцам и желание выжить заставляли всех живых двигаться только вперед.

Вот уже первая траншея немцев, и, как в замедленной съемке, в памяти всплывают детали…

Впереди блиндаж, взбираюсь на крышу, веду огонь вдоль траншеи по ходу сообщения. Вдруг просвистела очередь у самого уха, оборачиваюсь и вижу: немец, точно такой, как сейчас показывают по телевидению — мафиози из бандитских формирований, в черной маске, в каске с рогами, ну просто черт из преисподней. Вместо того, чтобы сразу же лечь и скатиться в траншею, я стою перед ним как кролик перед удавом. Он хладнокровно дает по мне очередь, ранит в ногу, руку и грудь, я падаю, он еще раз «прострочил» по моей голове. К счастью, я был в каске, очередью отбило весь зад у каски, а голову не задело.

Атака начала захлебываться. Мимо меня пробегал курсант Автушко, имени не помню, и крикнул: «Взводный, ты ранен?» — «Да, видимо, тяжело». Он стащил меня с блиндажа, окопал в снегу и сказал: «Лежи, я найду санитаров». Вскоре появились двое санитаров и Автушко, пытались поставить меня на ноги, но ничего не получилось, кости оказались перебиты. Они сняли

ремни, привязали к рукам и потащили. Вначале ранило Автушко, видимо, легко, он попрощался и самостоятельно направился в санбат. Через несколько минут ранило одного из санитаров, и он ушел в санбат. Оставшийся со мой санитар ушел в тыл и привел собаку с волокушей. На ней и добрался до санбата. Мороз стоял жуткий: -40 градусов, но я не чувствовал холода.

В санбате, в палатках, на морозе оказывали первую помощь. Из палатки вышли военврач и фельдшер, знакомые еще по формировке в Сибири. Врач узнал меня, спросил, куда я ранен, и, убедившись, что я не ранен в живот, сказал: «Открывай рот». Я открыл, он взял из ящика бутылку водки и влил мне. Я пил и не чувствовал ни горечи, ни запаха. Меня положили в сани, сели еще двое раненных в ноги и мы поехали в бригадный госпиталь.

Навстречу шли новые маршевые роты, и солдаты с тоской смотрели на нас. Забегая вперед, скажу, что населенный пункт был взят, потери мы понесли большие. Показушное наступление обошлось нам дорого, но впечатление на иностранных корреспондентов и военных атташе произвело хорошее. Об этом я узнал уже в армейском госпитале во время перевязки в Клину.

На лошади мы въехали в какой-то населенный пункт, остановились у большого красивого дома, из него вышел военфельдшер и спросил: «Из какой части раненые?» Я ответил: «Из 41-й бригады». Он сказал, что это госпиталь другой части, и нас не принял.

И так мы ездили от дома к дому и нигде нас не принимали. Я начал мерзнуть, очень обозлился и приказал вознице подъехать к первому дому, где нас не приняли.

На крыльцо вышел тот же щеголь, молодой розовощекий лейтенант медицинской службы с самодовольным видом, и резко заявил: «Вы не из нашей части, вас не приму, вам об этом уже было сказано». Я, видимо, потерял много крови, чувствовалась тошнота, без движения сильно замерзли ноги и раненая рука. Меня взбесило заявление розовощекого «поросенка», я достал пистолет и пригрозил ему, что если он не примет и не окажет нам помощь, пристрелю как собаку. Угроза подействовала, вышли санитары и нас внесли в дом. Меня посадили на стул рядом с горячей железной печкой. Вскоре потерял сознание, очнулся, когда нас везли в машине в г. Клин, пистолета уже не было.

В Клину, когда переносили в госпиталь, с машины украли мои сапоги и шинель, которые положили мне еще в медсанбате.

К счастью, обработку ран начал делать врач — полковник медицинской службы (главный врач госпиталя). В разговоре он спросил, из какой я части. Я ответил: «Из 41-й стрелковой бригады». Тогда он заметил: «Я видел вас в деле, вы лихо

наступали, мы в это время наблюдали за вами вместе с нашими союзниками англичанами и американцами с наблюдательного пункта вашей бригады. Ваше наступление высоко оценили представители Ставки Верховного командования, и оно вселило уверенность в достойном завершении войны в иностранных военных специалистов».

Полковник заметил, что якобы есть распоряжение — всех раненных в этом бою представить к награждению орденами и медалями. К сожалению, за этот бой я не был награжден.

Сделав перевязку ног и руки, врач предложил сесть, посмотрел на меня и произнес: «Вид твой мне не нравится, подними рубашку». Я поднял.

Указательный палец провалился в грудную клетку. Он произнес: «Я не ошибся, ты еще ранен и в грудь». Обработав рану, сказал: «Моли бога за то, что родился в „рубашке“. Тебе очень повезло, пуля прошла спереди и сзади между ребер и во время выдоха, когда легкие сжались и их не пробило».

В настоящее время следов от этого ранения, будем считать, что после нескольких сеансов Кашпировского, почти не осталось.

Из Клина меня эвакуировали вначале в Москву, а затем в Арзамас. Немцы часто по ночам летали через город бомбить Горький. В Арзамасе пробыл больше месяца, раненая нога сильно болела, температура поднялась под 42 градуса. Палатная сестра, видимо, по заданию молодого хирурга, стала убеждать меня, что ногу, скорее всего, придется по голеностопному суставу отрезать. Я дал понять, что лучше смерть, чем ампутация конечности. Положение мое ухудшалось, настойчивость сестры и врача становилась сильнее. Но и здесь мне повезло. Из Москвы приехал профессор-хирург, осмотрел рану, вытащил несколько костных осколков и кусок валенка. После этого я ожил, температура спала и меня начали готовить для дальнейшей эвакуации в глубокий тыл в г. Иркутск.

Путь наш проходил через Тюмень. Когда проехали Свердловск, я попросил дежурного санитара по вагону пригласить главного врача санитарного поезда. Ему я объяснил, что Тюмень — мой родной город, в нем вырос, учился, из него ушел в армию. И здесь мне повезло, врач выслушал и пообещал снять с санитарного поезда и оставить в Тюмени. Радости моей не было предела, когда рано утром меня на носилках вынесли с поезда и погрузили в машину.

Привезли меня в железнодорожную школу, в ней был развернут госпиталь. Через санитаров и сестер успел передать своим ребятам, бывшим десятиклассникам, где нахожусь.

На другой день, после завтрака, в палату ввалилась целая

ватага друзей, ребят, еще не призванных в армию, и девчат. Встреча с раненым, первым из десятиклассников выпуска 41-го г., вернувшимся с фронта, была бурной.

Всем было интересно узнать подробности о делах на фронте, очень ли страшно, когда бомбят, обстреливают из пушек и поливают ружейно-пулеметным огнем. Разговаривая со мной, ребята как-то странно вели себя, все посматривая на одеяло, где были ноги. Вдруг Маргарита Зайцева хватает за конец одеяла, поднимает его высоко кверху и кричит: «Покажи ноги, ноги покажи, есть они у тебя или нет?» Им кто-то сказал, что меня привезли без ног. Ноги-то оказались на месте, правда, в гипсе, но трусов и кальсонов на мне не было. Все прыснули от хохота, ну а каково было мне?

Когда все угомонились, ноги прикрыли одеялом и условились, что завтра же они договорятся с начальником госпиталя, который был развернут в нашей средней школе, о моем переводе.

Начальник госпиталя, полковник медицинской службы И.С. Карелин, был рад меня встретить. Я с его сыном Володей вместе уезжал в училище в Томск и вместе был отправлен на фронт под Москву.

Володя был убит у меня на глазах во время рукопашного боя в первой траншее, там же, где меня тяжело ранило. Когда он прыгнул в траншею, то не заметил немца, который прижался в нише, а после прыжка Володя, естественно, какое-то мгновение был не готов к бою.

В рукопашном бою решает одно мгновение, и этого было достаточно, чтобы немец первым ударил Володю штыком в шею. Так погиб мой товарищ по школе и друг по несчастью в этой войне.

Через день ребята пришли ко мне в госпиталь с носилками и через весь город, от станции до центра, до моей бывшей школы, несли меня на руках, вызывая у прохожих недоумение.

Наш госпиталь размещался рядом с сельхозтехникумом, в здании которого стоял саркофаг с телом В.И. Ленина, который в 1942 г. был перевезен в г. Тюмень, так как немцы в это время часто бомбили Москву.

В госпитале поместили меня в тот самый 10 класс «в», где проходили последние выпускные экзамены. Вскоре сделали операцию левого голеностопного сустава под общим наркозом. Наркоз подействовал не сразу, когда наложили маску, видимо, сильно брыкался и слышал, как хирург велел сестрам держать крепче и плеснул еще эфира, чтобы я перестал дергаться. В ушах зазвенели колокольчики, в глазах загорелись огоньки, и я будто

полетел в какой-то тоннель.

Проснулся я уже в палате, говорят, во сне сильно ругался. Потом мне было из-за этого очень неудобно, так как рядом сидела мама Володи Карелина. Она работала в этом госпитале старшей операционной сестрой.

Карелины полюбили меня и очень хотели, чтобы я остался жить у них после выздоровления.

Время и лечение делали свое дело. Я начал быстро поправляться. В это время администрация госпиталя делала мне небольшие поблажки. В отдельные дни разрешали получать форму и на костылях выходить в город. Наша школа была переведена в другое здание недалеко от госпиталя.

В новой школе я был частым гостем, встречался с десятиклассниками, был на их выпускном вечере. Мне казалось, что ребята горели желанием поехать на фронт и мне даже чуть-чуть завидовали. Иногда Карелины приглашали в гости, дома за чаем я вспоминал о нашей с Володей службе в армии, о его последних днях и минутах.

Однажды Иван Сергеевич Карелин очень подробно рассказал о перевозке саркофага с телом В.И. Ленина в Тюмень, сообщил много интересного об академике И.Н. Збарском, начальнике лаборатории, в которой находился гроб с телом В.И. Ленина.

Впоследствии судьба академика оказалась очень трагичной. Его родной сын, работавший вместе с ним в лаборатории, неизвестно по какой причине дал на него показания о том, что он якобы умышленно делал так, чтобы тело В.И. Ленина быстро испортилось: в промежутки, когда проводилась профилактика, в бальзам подмешивались добавки, не предусмотренные по инструкции. Отец, как враг народа, отбыл срок и остаток своей жизни провел в подвальном помещении своего дома, в котором жил его сын.

В мае 1942 г. состоялась медицинская комиссия, меня перевели на инвалидность (определив II группу) и предоставили 3 месяца отпуска для поездки к матери. Она к этому времени приехала из блокадного Ленинграда в поселок Павловск Очерского района Пермской области.

Получив деньги, проездные документы, продовольственный аттестат, старое потрепанное обмундирование (мое новое было украдено еще в госпитале в Клину), попрощавшись со всеми знакомыми, я выехал к месту жительства матери.

Она похоронила отца, точнее, отвезла его тело в морг больницы «Эрисмана», в тот день он был уже 15-тысячным. Ленинградцы умирали сотнями, многие прямо на улицах и в подъездах.

Мать приехала не одна, с «невестой», дочерью начальника НКВД Октябрьского района г. Ленинграда. Он помог оформить проездные документы и пароходом ночью отправил их на восточный берег Ладоги.

С большими мытарствами, потеряв часть вещей, им удалось добраться до Павловска, места родины моих родителей. Их приютила жена брата матери в своем стареньком домишке.

Приехав в Павловск, я познал все прелести тыловой жизни. Поселок и завод расположены на живописном берегу большого пруда, богатого рыбой. Завод, по всей вероятности, был построен еще при Строгановых, претерпел целый ряд модернизаций, выпускал литовки (косы), станочное оборудование (перед войной освоил выпуск малых турбобуров), в войну — минометы и различную «мелочевку», необходимую для фронта.

Мать выглядела очень плохо, еще не оправилась от последствий блокады. Встреча с ней была трогательной, она долго плакала, пересказывая ужасы блокадного города и все, что связано со смертью отца. Отец умер 15 мая 1942 г., в этот период уже увеличили количество выдаваемого хлеба до 400 г, но для подорванного здоровья этого хлеба было недостаточно, он сильно ослабел.

Для обессилевших от истощения в городе стали выдавать путевки в дома отдыха на две недели. Такую путевку получил и мой отец, но долго не мог отправиться туда, так как в эти дни шел сильный обстрел центра города, где они жили. Переждав обстрел, мать повела его. Когда спустились с третьего этажа на площадку второго, отцу стало плохо, он обнял мать за шею и успел сказать: «Прости, Михайловна, за все, я умираю». Мать двое суток не могла поднять его на свой этаж в квартиру. Мир не без добрых людей, ей помогли.

Впоследствии, когда окончательно вернулся с войны, я предложил матери поехать в Ленинград, квартира у них была на Невском проспекте, но мать категорически отказалась.

И хотя в войну мать привезла письмо за подписью адмирала Кузнецова с разрешением на мой переезд в Ленинград, после войны сама воспротивилась переезду туда, я же не настаивал.

Ходил все еще плохо, с «клюшкой», но время шло, молодость, свежий воздух, грибы, ягоды, рыба (дом стоял на берегу пруда, рыбачил прямо из огорода) сделали свое дело.

Через 2,5 месяца мне пришла повестка на перекомиссию в г. Очер (10 км от Павловска). В кабинет врачей вошел без палочки, они бегло глянули: руки есть, ноги есть, в туалет могу ходить самостоятельно, значит, годен к строевой службе. В военкомате получил предписание через 5 дней явиться на формировку в

поселок Юг Пермской области. С большим трудом из Очера добрался пешком до Павловска. Я был рад ехать на формировку, а затем на фронт, так как жить на голодном пайке в тылу очень трудно.

Все военное обмундирование оставил матери, а сам, как партизан, в худенькой гражданской одежде приготовился к отъезду. Проводы были недолгими, мать плакала, девочка, которая приехала, тоже плакала: она привыкла ко мне.

(Судьба свела девочку с сыном генерала Пузырева, командира дивизии одного из укрепрайонов на старой границе, расстрелянного вместе с командующим западным фронтом по приказу Сталина.

Сталин колебался с приговором, но судьбу генералов предопределил выскочка Мехлис. Он подал ему мысль, что, если генералов не расстреляют, то вина за поражения в войне на первом ее этапе ляжет на Политбюро. Сталин не захотел брать вину на себя и перекладывать ее на свое «мудрое» окружение. Приговор был подписан, генералы расстреляны.

Жена генерала Пузырева с сыном была сослана в Павловск под надзор местного НКВД. Парнишка оказался смышленым, очень общительным, девчата на него засматривались, но боялись его как сына врага народа. Он подрабатывал тем, что пас стадо коров и коз, подкармливался сам, и кое-что перепадало матери. Но судьба ему более благоприятствовала, чем, например, сыну Тухачевского, он не стал вором, точнее, из него не сделали вора, после войны разрешили жить в Ленинграде, где он окончил среднюю школу и получил высшее образование.)

Начальство в части удивилось моему виду, вначале хотели наказать, но, учитывая мой фронтовой опыт, направили для прохождения службы в отдельную разведроту на должность командира взвода. Началось трудное формирование всей мотострелковой бригады и нашей роты. По замыслу командования рота должна была иметь следующую штатную структуру: два взвода автоматчиков, два взвода бронетранспортеров, два взвода легковых бронемашин, отделение управления. Рота была отдельная: командир на правах командира батальона, а поэтому в составе отделения управления были адъютант командира, связные заместителей командира роты и командиров взводов, санинструктор и два писаря.

Огневое могущество роты было очень сильным и она могла самостоятельно решать вынужденные боевые задачи за батальон и выше. Ее основные задачи: систематическое наблюдение за противником, ближняя разведка в полосе противника, захват «языка», глубокая разведка в тылу противника и разведка боем.

Комплектованием роты занимались с особой тщательностью, офицеров, старшин и сержантов подбирали, как правило, из числа участников боевых действий на фронте. Во всех частях, где разведподразделения имели авторитет, они пользовались поблажками и им многое сходило с рук, что не позволялось солдатам и офицерам в других подразделениях.

В период формировки командиры рот часто заменялись и даже был такой период, когда больше недели командиром роты был Ахромеев, который впоследствии стал маршалом и начальником Генерального штаба армии.

Он прибыл к нам из госпиталя в звании майора, был ранен в ногу, воевал где-то под Ленинградом в морской пехоте. Через какой-то промежуток времени его назначили командиром первого батальона. Военная судьба у него сложилась удачно, но вот жизнь закончилась трагически. Будучи связанным с ГКЧП, он, верный своему долгу, ушел из жизни как подобает солдату. Лучше смерть, чем позор от недругов и завистников.

В период формировки много было различных интересных, на мой взгляд, событий. Во-первых, пришла аттестация о присвоении мне воинского звания лейтенанта, а это уже давало возможность ждать внеочередного присвоения звания и повышения в должности и в зарплате.

Однажды ночью по боевой тревоге подняли роту и всю бригаду. Зачитали боевой приказ, что в 30 километрах на северо-западе в лесу высадился десант «противника» и продвигается в направлении поселка Юг. Наша задача его упредить и во встречном бою уничтожить.

Зима наступила ранняя, с сильными морозами, а нам предстояло неделю провести в лесу в боях с условным противником. Построив роту, сделав перекличку, выяснили, что кроме больных и наряда дежурных оказались и симулянты. Особенно любил «сачкануть» ефрейтор В. Моисеенко. Он обычно поступал так: получив сообщение по солдатскому «семафору», что будет боевая тревога, незаметно от всех обрывал подметку у ботинка и требовал оставить его дома для ремонта обуви. Обычно это у него проходило, а на сей раз не вышло.

Осмотрев солдат и убедившись, что они готовы к длительному маршу, я приказал ефрейтору оборванную подошву примотать проволокой. Я понимал, какую ответственность беру на себя, солдат может обморозить ногу, но уж очень хотелось проучить наглеца, чтобы он не вздумал выкидывать подобные штучки на фронте. Подозвав старшину Л. Мухортова, прибывшего с укрепрайона Дальнего Востока, приказал ему, чтобы во время похода и ночевок в лесу, он посматривал за симулянтом и не

давал бы ему обморозить ногу, чтобы избежать фронта.

Все обошлось благополучно, но по пути домой Моисеенко со злобой прошипел: «Запомни, лейтенант, на фронте я тебя пришью!» Я спокойно ему ответил: «В трибунал сообщать не буду, но тоже запомни, что пристрелить тебя сейчас не могу, будут судить, а как только будем находиться во фронтовой полосе, где действуют фронтовые законы, за эту угрозу расстреляю на месте». Он, видимо, это запомнил и, не доехав до фронта, дезертировал из части. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Был и такой инцидент: 7 ноября по случаю праздника бригада построилась на пруду. Он уже затянулся льдом, который, хоть и потрескивал, выдержал и людей, и технику. После поздравления личного состава бригады с праздником был зачитан приговор о смертной казни за дезертирство солдата Н. Лопатина. Он сбежал из части и был задержан в районе Хабаровска. Это было его второе дезертирство, первое ему сошло с рук, а вот второе стоило жизни.

Прокурор обратился к личному составу бригады и спросил: «Кто хочет принять участие в расстреле дезертира?» Из строя вышли человек 8 и вскинули винтовки, по команде дали залп — и все было кончено. От праздника остался неприятный осадок, а случай этот запомнился на всю жизнь.

Однажды отрабатывали на учениях тактику ведения боя — батальон в наступлении, рота в обороне. Задачу за роту решал я. Нужно было перехватить батальон на марше, навязать ему бой, заставить его преждевременно развернуться и атаковать, нанести ему решительный удар, по сигналу красной ракеты перейти в контратаку. Поскольку бой условный, противник условный, ракетницы не было, ее должен был заменить выстрел из пистолета.

Я находился под высокой елью в боевых порядках роты, на правом фланге, отсюда удобнее вести наблюдение за «противником», рядом находились командиры взводов.

Когда «атака» начала захлебываться, я достал пистолет, поднял руку вверх и выстрелил, что означало переход в контратаку. К изумлению офицеров, после выстрела к моим ногам упала серенькая белочка с пробитой головкой. Пуля ударила снизу в челюсть и прошла насквозь. Стреляя, я не смотрел вверх и белку не видел. Жаль ее было, однако я не растерялся и, обращаясь к офицерам, сказал: «Вот так стреляют фронтовые офицеры — учитесь».

На квартире мы жили вдвоем с лейтенантом В. Беловым, командиром взвода бронетранспортеров. Хозяйка наша, попадья, имела двоих детей: дочь и горбатого сына, батюшка у них умер.

Все они были отличными портными, хорошо подрабатывали, от заказов не было отбоя, да и мы свои новые шинели перешивали у них.

Отправляясь на фронт, я оставил у них комплект летного обмундирования и сапоги, которые просил передать матери, когда она приедет. Все это тогда стоило очень дорого, а главное, можно было в деревне обменять на продукты. Матери я написал письмо, и она съездила к ним. Они обругали меня и мать, заявив ей, что я ничего не оставлял, и пожелали мне первую пулю в лоб.

В середине ноября 1942 г. на станции Бершеть нас погрузили в товарный эшелон и наш путь был на запад.

Итак, впереди Сталинград.

Глава II
СТАЛИНГРАД

«… Мы научились под огнем ходить, не горбясь,
С жильем случайным расставаться не скорбя…»

Для нас, переживших эту страшную войну, Сталинград стал городом-легендой, где произошла одна из величайших битв в истории человечества. Именно в Сталинграде черная сила — немецкий фашизм — встретила мощное сопротивление свободолюбивого народа.

Справедливость, как правило, побеждает. Победили и мы. Эхо победы под Сталинградом донеслось до народов Европы, известив о том, что час избавления от фашистского ига приближается. Пройдет еще много времени, будут разные сражения, легкие и трудные победы, земля будет обильно полита потом и кровью солдат, но сталинградский прорыв был знамением полного освобождения. Армия и народ были едины в стремлении победить и победили.

Из Бершети до Сталинграда нашему эшелону давали «зеленую улицу». Поезд останавливался только для смены бригады. Вперед, вперед и только вперед, под Сталинград, где уже концентрировались воинские части. Нужно отдать должное Генеральному штабу — операция была уникальной, проведена в очень сжатые сроки, немцы о ней ничего не знали.

Мы прибыли ночью под Сталинград на какой-то полустанок в пятидесяти километрах от города. Близость фронта и несмолкающий гул самолетов-разведчиков заставляли выгрузку из вагонов и отход от железной дороги делать стремительно. Если бы в этот момент нас «накрыла» авиация, потери были бы большие. К счастью, мы этого избежали, а вот соседям досталось.

Утром мы обнаружили рядом полусгнившие дощатые бараки с пленными румынами. Их почти не охраняли, и они, как цыгане, бродили около нас и побирались. Ненависти к ним не было, скорее чувство брезгливости. Одеты были плохо, а мороз стоял крепкий. Грязные, вшивые, выговаривали по-русски хорошо: «Антонеску — капут, Гитлеру — капут, дай хлеба».

Через два дня после выгрузки бригада в составе второго танкового корпуса двинулась в направлении г. Калача, где сходу должна была опрокинуть немцев в Дон, по льду форсировать реку

и захватить город.

Немцев застали врасплох, они не ожидали нашего удара, и вся операция по форсированию реки, захвату города длилась не больше часа. Побросав технику, боеприпасы, продовольствие, горючее, немцы побежали на юг и юго-запад, да так быстро, что первые 90 километров мы не могли их догнать. Наши солдаты на марше выбрасывали все лишнее вплоть до противогазов. Впоследствии специальная команда подбирала брошенные противогазы и немецкие трофеи.

Как сейчас находятся желающие «погреть руки» на гуманитарной помощи, так и тогда определенная часть офицеров здорово наживалась на трофеях.

Досадно, когда немцев не можешь выбить с их позиций, и такие же чувства испытываешь, когда они бегут и не можешь их догнать. Форсированный марш по 70–80 километров в сутки — очень трудное дело, а такое случалось. На привалах солдаты падали в снег и засыпали. Удивительно, что даже в строю на марше некоторые умудрялись поспать. После такого изнурительного марша солдат, как правило, к бою не готов.

Засыпали и танкисты в танках. Помню, как в одном населенном пункте водитель задремал, танк вышел из колонны и протаранил дом.

При подходе к станции Вешенская, родине М. Шолохова, повстречали колонну румын и итальянцев. Они двигались к линии фронта, а наше наступление было настолько интенсивным, особенно танкового корпуса, что их прихватили прямо на марше. Заставили бросить оружие и под командованием своих же офицеров направили в наш тыл для окончательной сдачи в плен. Бежать им не было смысла, фронт стремительно уходил на запад, а одиночного солдата могли принять за разведчика и расстрелять на месте.

Вскоре наше наступление приостановилось. На помощь окруженным немцам под Сталинградом подходил танковый корпус фельдмаршала Манштейна. Он с ходу вступил в бой с нашими передовыми частями и начал теснить их обратно к Дону.

Организовав совместную операцию по прорыву из окружения, фельдмаршалы Паулюс и Манштейн лобовым ударом танкового корпуса ударили изнутри сталинградского кольца. Обстановка сложилась критическая. На нашем участке немцы смогли приблизиться друг к другу до пяти километров. Узкий коридор простреливался артиллерийским и минометным огнем.

Не считаясь с потерями, немцы настойчиво пробивались друг к другу, и был момент, когда это воссоединение могло произойти. Они ударили в стык нашей бригады с соседней

дивизией, и положение стало угрожающим. Но вовремя подошел четвертый танковый корпус, и совместными усилиями с нашими частями вначале остановили немцев, а потом отбросили на исходные позиции.

Итак, у нас начались постоянные так называемые стычки с корпусом Манштейна, переходящие в ожесточенные бои. В роте ощущались потери, почти полностью было уничтожено отделение сержанта Бабичева. Бойцы возвращались из разведки, а при переходе линии фронта были обнаружены немцами. В коротком жестоком бою многие погибли и часть раненых, видимо, попала в плен. Сведения, полученные нашими, были очень важные, поэтому сержант приказал двоим разведчикам отходить к своим, а с остальными, заняв круговую оборону, организовал огневое прикрытие и сдерживал огнем немцев сколько мог. Но силы были неравные, немцы забросали их гранатами. Двоих израненных разведчиков ночью наши ребята вытащили с нейтральной полосы.

Через день сгорел экипаж бронемашины во главе с водителем Машковым. Немцы машину расстреляли почти в упор, вместе с машиной они сожгли танк Т-34 со всем экипажем.

Ночью, организовав группу прикрытия, обгоревшие трупы из бронемашины привезли к своим в расположение роты.

Наши бронемашины БМ-2 на фронте называли «братская могила на двоих». Машины с бензиновым двигателем, слабой броней горели как свечки. Спастись экипажу было невероятно трудно. Горели как немецкие танки, так и наши. Чаще немецкие, наши были более совершенные.

Преодолевая сопротивление немцев, мы освобождали населенные пункты на западном берегу излучины Дона. В районе конного завода № 4 немцы сильно «потрепали» наши части. Днем мы с ходу заняли ряд населенных пунктов, немцы едва успевали уносить ноги, но их авиация активно бомбила наши боевые порядки. Днем, после ночного боя, бригада расположилась на отдых в балках и лесных сколках. Наша рота разместилась на опушке большого поля. В это время налетели немецкие пикировщики, на фронте их называли «лапотники». Шасси у них не убирались и торчали как две ноги, обутые в лапти.

Началась прицельная бомбежка и штурмовка. Особенно много погибло среди тех, кто в это время пытался укрыться в балках. Погиб и славный разведчик, старшина Мухортов, ему оторвало обе ноги.

К этому времени сплошной линии фронта не было ни у нас, ни у немцев. Много было открыто флангов и стыков. Обходя очаги сопротивления, наши части попадали иногда в тыл фашистам, но и немцы часто «бродили» по нашим тылам…

Однажды произошел такой случай. Заняв с боем очередной населенный пункт, начальник разведки майор Гребенюк поставил нашей роте задачу провести разведку в крупном населенном пункте в районе конного завода № 4. Взяв два отделения разведчиков, разместив их в бронетранспортерах, мы начали движение в указанном направлении. Задачу выполнили. Доложили, что немцы этот населенный пункт покинули еще ночью. Параллельно с нами такую же задачу выполнял танковый батальон 99-й бригады. Они тоже не обнаружили немцев. Командир бригады приказал форсированным маршем двигаться в этом направлении и занять населенный пункт. Бригада вытянулась в колонну, впереди разведрота. Когда оставалось преодолеть длинный тягучий подъем, выйти на гребень и совершить спуск по широкому полю, справа в излучине Донца показались пятнадцать немецких танков. На поле они перестроились в боевой порядок и, пытаясь психологически воздействовать, имитировали атаку на нашу колонну.

К счастью, танки находились в низине Донца, а мы на высоком берегу, поэтому они не могли из танковых пушек вести огонь по нашим войскам на марше. Это был отвлекающий маневр, так как еще двадцать танков вышли из расположения конного завода № 4 и раньше нас заняли это село; они приготовились атаковать колонну войск на марше, когда те минуют гребень высоты и начнут спускаться по полю к селу, будучи не в состоянии организовать отпор танкам.

Этот зловещий план чуть было не увенчался успехом. Немцы могли нас смять танками и соединиться с окруженными войсками Паулюса в Сталинграде. Но надо отдать должное нашим солдатам и офицерам. Это были уже другие люди — не те, что в 1941 г. Когда танки пошли на нас в атаку, солдаты не дрогнули. Мы на бронемашинах и бронетранспортерах двинулись в лобовую атаку, зная, что идем на верную гибель. Но было необходимо отвлечь внимание немецких танков на себя и соблазнить их легкой добычей, тем самым дав возможность первому батальону развернуться и подручными средствами — гранатами и бутылками с зажигательной смесью — оказать сопротивление.

Под сильным пулеметным огнем батальон развернулся, солдаты под командованием командира батальона майора Аносова с гранатами и бутылками с зажигательной смесью двинулись вперед, понимая, что позади смерть и, если дрогнут и побегут, то немцы передавят их танками.

С майором Аносовым судьба нас свела вновь. Впервые мы встретились в Томске в училище, он был первым моим

командиром взвода, вскоре стал командиром роты.

Это был в полном смысле кадровый командир, хорошо знающий военное дело, умеющий не только рассказать, но и показать, как это делается. Курсанты его очень любили. У меня с ним сложились особые, дружеские отношения, я был его связным. Когда объявляли боевую тревогу, я должен был бежать в город к нему на квартиру и сообщить о тревоге. Телефонов в ту пору было очень мало, и связь в армии осуществлялась через связных, посыльных и т. д. К началу войны у нас по всей стране количество действующих телефонных точек было примерно столько, сколько в одном Нью-Йорке.

В его батальоне воевал наш пермяк бронебойщик Ф. Старцев, и он начал разгром этой танковой группировки Манштейна. Когда немцы, обнаглев, начали «утюжить» нашу пехоту, разгонять и уничтожать наши бронемашины и бронетранспортеры, Старцев со своим ружьем ПТР отполз в сторону, к оврагу, и притаился. Все ждали танки, но их не было. А Федор лежал, плотно прижавшись к земле и упершись плечом в приклад ружья ПТР, и ждал своего мгновения. Когда танки развернулись в линию, Старцев понял: ослепляющая белизна снега скрыла от немецких танкистов овраг, где он находился. Если немцы не заметят оврага, танки завалятся в него и застрянут; если заметят, то должны будут повернуть вправо и подставить свои борта под огонь ПТР.

Немцы заметили овраг, затормозили танки и, гудя моторами, стали разворачиваться по ходу вдоль оврага. Автоматчики, спрыгнув в снег, открыли сильный огонь из автоматов по позициям батальонов. Но и наша пехота вела плотный ответный огонь. Вдруг наши солдаты и командиры увидели, как одна за другой вспыхнули три машины. Радости не было предела. Танкисты засекли место, откуда по ним стреляли, и сразу несколько танков открыли огонь. Но Старцева с ружьем там уже не было, он скатился в овражек, пробежал по нему, вылез наверх, замаскировался в кустах и вновь открыл огонь, подбив еще четыре танка. Немецкие автоматчики бросились к оврагу, но было уже поздно, наши разведчики подоспели к оврагу, и мы огнем отбросили немецких автоматчиков.

Старцев, меняя огневую позицию, подбил одиннадцать немецких танков. За этот бой он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В нашем городе одна из улиц Мотовилихинского района носит его имя.

Разгром немцев завершили наши танкисты 99-й танковой бригады. Она зашла в тыл немецким танкам, отрезала им отступление и почти в упор расстреляла остальные машины. Командир бригады также был представлен к званию Героя

Советского Союза. Но это звание он не получил, так как честно признался, что в пути сбился с дороги и не успел занять село до подхода нашей части, а из-за этой ошибки мы понесли значительные потери в живой силе и технике.

Этот бой имел неприятные последствия и для нашей роты. Командование было недовольно качеством проведенной нами разведки в этом селе и даже усомнилось в том, что мы там вообще были, поскольку не могли увидеть немецкие танки.

Объяснение было непростым, обвинение сняли, однако командира роты из разведки перевели в стрелковый батальон без повышения. Будучи в пьяном виде, он грозился пристрелить меня. Дело, действительно, дошло до пистолетов, но трагедию предотвратил наш политрук Г.Л. Барышев. Он был назначен на должность командира отдельной разведроты. О нем более подробно будет сказано позднее.

Очень успешно в ночных операциях по тылам противника действовал лейтенант Сухарев со своими разведчиками. Он одним из первых в роте получил высокую награду — орден Красной Звезды.

Войдя в село, наша рота разместилась на его окраине. Невдалеке на холме виднелось «тригонометрическое» сооружение — деревянная вышка высотой 20–25 метров. Я направился к ней, решив с высоты осмотреть окрестности и понаблюдать за движением немцев. С собой не взял никого, да и автомат оставил в машине. Не дойдя до вышки 15–20 метров, вижу: поднимается немец с автоматом. Он, видимо, вел наблюдение за нами в селе. Я встал как вкопанный и начал лихорадочно думать, как лучше поступить. Если выхватить пистолет, он первый меня пристрелит; если упасть в снег, мне не успеть в него зарыться, он также застрелит. Я стоял в растерянности, немец тоже стоял и что-то соображал. Наконец, он помахал мне рукой и крикнул: «Рус, рус, ком, ком,» — и сделал шаг назад. Я ответил ему: «Фриц, ком, ком», — и тоже помахал рукой и сделал шаг назад. Так мы, помахивая друг другу, стали расходиться и, наконец, разошлись. Когда я вышел на дорогу, то понял, что немец испугался стрелять в меня, так как на окраине села стояли наши танки с автоматчиками на броне и ему вряд ли удалось бы спастись.

Вернувшись в село, я промолчал об этом инциденте, так как не знал, как воспримет командование мое похождение. Однако послал к вышке отделение разведчиков и приказал им организовать наблюдение за противником.

Немцы продолжали отходить, оставляя населенные пункты. Пытаясь уточнить пути их следования и выяснить, какие впередилежащие села свободны от немцев, где они готовят

оборону, их тактические и огневые ловушки, я на машине выехал в ночную неизвестность, взяв с собой отделение разведчиков. Не доезжая до ближайшего крупного населенного пункта примерно километра полтора, мы вышли из машины и пешком направились к домам на окраине села. Постучав в ближайшем доме в дверь, не получили ответа. Начали беспокоиться и приготовились к бою. Но опасения были напрасными. Вскоре за дверью послышался женский голос: «Кто стучит и что надо?» Мы ответили: «Свои». «А кто такие — свои?» Хозяйка, действительно, не могла понять, кто мы: немцы, поляки, полицаи? Она не могла представить, что в дверь стучат советские разведчики.

Когда кое-как разобрались, кто есть кто, я спросил хозяйку, есть ли немцы в селе? Она пояснила, что в центре, около церкви, там, где живет староста и находится полицейское управление, с вечера стояли бронемашины, бронетранспортеры и было много немцев. Я спросил: «А рядом в домах есть немцы?» Она показала на один из домов и заметила, что вечером к Марийке заходил солдат, а поскольку она баба молодая и безотказная, он и ночевать у нее остался. Я попросил ее одеться и пойти с нами. Подойдя к дому, попросил ее постучать в дверь и сказать, чтобы пустила ее к себе, так как, мол, страшно оставаться одной дома. Она постучала. Долго не открывали и никто не подавал голоса. Наконец, через дверь услышали голос Марийки: «Кто там, чего надо?» «Марийка, открой, это я, Оксана, твоя соседка, мне страшно одной». Препирательство шло несколько минут, наконец дверь открылась.

Зажав Марийке рот и пригрозив пистолетом, мы ввалились в избу. Оглядевшись, мы стали глазами искать немца. В углу, при входе, стоял карабин, лежала сумка с гранатами, висела шинель, а немца не было. Подойдя к кровати и подняв одеяло, увидели голого фрица, утонувшего в перине.

Стегнули его ремнем, он выскочил из кровати, растерялся и задрожал. Голый мужчина в кругу неизвестных людей, а тем более врагов, от которых ожидать можно всего, что угодно. Я представляю, какое у него было самочувствие — отвратительное.

Одевшись, немец опустился на колени и начал просить, умолять сохранить ему жизнь. И все время твердил: «Гитлер — капут, война — капут, я не немец, я поляк».

Позднее, будучи в нашем расположении, этот поляк бродил по нашим квартирам и был рад, что попал в плен. Впоследствии он уехал служить в Войско Польское. Польская армия совместно с нашими войсками освобождала свою родину от немецких захватчиков.

Вытесняя немцев на запад, именно вытесняя, а не уничтожая,

мы продвигались по излучине Дона по направлению к городу Каменску, пытаясь «оседлать» единственную железнодорожную магистраль, по которой немцы подвозили пополнение в живой силе и технике.

В 1942–1943 гг. таких крупных операций с окружением немецких войск, как под Сталинградом, больше не было. До Каменска оставалось каких-то 30 километров, но сделать бросок и захватить город у нас уже не хватало сил. В прошедших боях мы понесли серьезные потери, а поступления свежих сил и новой техники еще не было.

После злополучного боя под конзаводом № 4 мы повернули на юго-восток и стали угрожать взять город в «клещи». Помню, в одну из ночей меня вызвал начальник штаба по разведке майор Погребной и поставил задачу — срочно провести разведку в направлении Каменска. Вводя в курс оперативной обстановки, он объяснил, что впереди по гребню холма, где утром шел бой, стоят наши танки. Чуть впереди два сгоревших немецких танка и один бронетранспортер. Между нашим селом и танками, на мосту через речку, расположился наш пост. Майор назвал пароль и ответ. За танками впереди была неизвестность.

Я взял два взвода разведчиков, объяснил им задачу, порядок движения, связи и сигналы, и мы в темноте выступили в путь. Нас догнал старший лейтенант Даулеталеев, оперативный работник ОКРСМЕРШа, и заявил, что он пойдет с нами. Я пытался отговорить его, ссылаясь на различные обстоятельства, но он не хотел и слушать.

Пришлось взять его с собой, хотя отлично понимал, что это «балласт» для выполнения задания.

Прошли мост, и уже где-то близко должны были находиться наши танки, вдруг в пелене густого снега появился силуэт немецкого танка Т-4. Я приказал прекратить движение, распределиться вправо и влево от дороги и залечь в снег. Солдаты выполнили приказание. Со мной на дороге остались командиры взводов и оперуполномоченный ОКРСМЕРШа. Старший лейтенант подошел ко мне с претензией, будто я испугался и прекратил движение: «Ты же знаешь, что впереди наши танки». «Знать-то я знаю, — заметил я, — но по форме башни это немецкий танк». «Но ведь тебе известно, что у нас бывают и трофейные немецкие танки». «Бывать-то бывают, но в этой бригаде, которая находится впереди, трофейных танков не было». Он выругался, обозвал меня трусом и направился к танку. С танка крикнули по-русски: «Стой, кто идет?» Старший лейтенант ответил: «Свои». Ему приказали подойти к танку, что он и сделал.

Вдруг мы услышали пронзительный крик, его схватили за

воротник и забросили на машину, ударив по нам из пулемета и автоматов. Все было ясно — он попал в плен к немцам, а затащили его на танк, видимо, власовцы или белоказаки.

Мы с дороги отскочили, кто вправо, кто влево. Я упал в кювет. Танк, стреляя на ходу, двинулся в нашем направлении. Был сильный снегопад, и видимость была плохой, танк двигался медленно и оказался над кюветом, в котором я лежал. И надо же так случиться: танк остановился надо мной, я был под его днищем. Промелькнула мысль: «Все, конец. Сейчас он развернется и гусеницами искромсает в клочья». Но, постреляв, танк пошел вперед в направлении моста. До моста было метров 300, на посту все слышали, однако никак не реагировали. Власовцы спрыгнули с танка, подошли к мосту и без выстрелов вырезали всех солдат, находящихся в засаде.

Я до сих пор мучаюсь, и во сне снятся кошмары, спрашиваю себя: «Могли ли мы помочь солдатам в засаде?» И не нахожу ответа.

Противотанковых гранат и бутылок с зажигательной смесью у нас не было, их умышленно не взяли с собой, так как путь до Каменска был более 25 километров. Нам нужно было добраться до города, оценить обстановку и к утру вернуться обратно — словом, за ночь проделать 50 километров, а с лишним грузом это невероятно сложно.

Осколочные гранаты Ф-1 особого вреда танкам не нанесли бы, а своих, находящихся по обе стороны дороги, могли бы побить. Осколки этих гранат поражают насмерть в радиусе до 100 метров, их и бросают из-за укрытия. Но вот открыть огонь из автоматов по десанту на танке и сразу же разбежаться по полю, наверное, нужно было. Всех танк, конечно, в темноте не передавил бы. И эта трагедия мне до сих пор не дает покоя. Видимо, выбравшись из-под танка, я не сразу пришел в себя и не смог правильно оценить обстановку. Как командир я должен был принять какое-то решение.

Танк двинулся в наш тыл и пропал в темноте. Вдали послышались выстрелы и разрывы гранат. Мы вышли на дорогу, построились, сделали проверку личного состава и двинулись вперед выполнять задание. Настроение было мрачное, шли молча, стыдясь посмотреть друг другу в глаза. Задачу выполнили, к утру вернулись к своим, но об этой истории правдиво никто не рассказывал, да и старались ее не вспоминать.

В следующую ночь бригада двинулась в направлении Каменска и, не доходя 4–5 километров до города, заняла оборону. Немцы почувствовали неладное и организовали усиленный заслон.

Холодные, голодные, измученные переходом, мы ждали солдатскую кухню. Вскоре она прибыла, с ней приехал лейтенант Басос — цыган, заместитель командира роты по технической части. В разведку он никогда не ходил, выбирал работу подальше от «передка». Откровенно говоря, кому хотелось лезть на «передок» под пули.

Кормили солдат в этот период здорово, почти одним мясом. Немцы пытались угонять стада скота к себе в тыл, но наше быстрое наступление помешало этому. Погонщики разбежались, скот был брошен, и целые стада бродили в полосе боев. Немецкие летчики пикировали и расстреливали из пулеметов невинных животных. Поэтому все подразделения собирали туши и кормили солдат одним мясом.

К утру мы сделали попытку продвинуться к городу, но не очень удачно. В тыл к немцам, в город ушел лейтенант Сухарев с группой. Разведка у них началась успешно, они достигли города, просочились к железнодорожной станции, пытаясь освободить наших пленных из железнодорожного состава. Однако попытка не удалась, завязался бой. Немцы всполошились и блокировали отход группе. Лейтенант Сухарев погиб в этом бою.

Бригада разместилась вдоль балки. Измученные переходом и разомлевшие от сытного ужина, солдаты валились с ног, падали в снег и засыпали. Некоторые обморозились, хотя офицеры по очереди наблюдали и переворачивали солдат. О боевом охранении почти никто не беспокоился.

Я тоже ужасно хотел спать, натянул подшлемник на голову, встал на край оврага и спрыгнул в сугроб. Так, в снегу на морозе, мне удалось поспать 2–3 часа и не обморозиться.

На развилке двух оврагов, наверху, стоял одинокий домик. В него набилось столько бойцов, что некуда было ногу поставить. Понятно, всем хотелось в тепло. Здесь же оказался мой друг лейтенант Маликов, с которым жили в одном доме на формировке. Офицеры проявили беспечность, не выставив охранения. Когда все крепко уснули, разморенные теплом топившейся печки, к дому подошел немецкий танк с десантом на броне и открыл огонь. В живых осталось мало. Маликову сильно разбило ногу, я видел его мельком, когда тащили мимо меня на шинели в медсанбат.

В эту ночь погиб и замечательный человек — начальник штаба бригады Кузнецов, только что получивший очередное звание подполковника. Смерть его была не совсем обычной. Проходя по днищу широкой балки, группа офицеров услышала, как «зашипела» немецкая мина. На фронте все знали, если снаряд или мина со свистом, можно смело стоять или двигаться, не

пригибаясь. Но если услышал, как она зашипела, ложись или прыгай в укрытие — разорвется где-то рядом.

Адъютант схватил начальника штаба в охапку и бросил в снег, прикрыв Кузнецова своим телом. Сверху на них упало еще несколько человек. Мина, действительно, разорвалась поблизости. Вскоре все встали, целые и невредимые, кроме подполковника Кузнецова. Он лежал в самом низу под грудой тел, но осколок «нашел» его и ударил в голову. У каждого своя судьба…

Перед рассветом был получен приказ двигаться на юго-запад и занять станицу Каменскую. Продвигаясь вперед, мы натыкались на бродячих немцев, выполнявших разные задания. С ними завязывалась перестрелка, некоторым удавалось уйти, но оставались раненые и убитые. Несли потери и мы.

Подойдя к восточной окраине станицы, заняли ее с ходу. Попытались взять западную часть — не получилось. Станица поделена речкой Каменкой и расположена на крутых берегах. Это та самая станица, о которой идет речь в кинофильме «Тени исчезают в полдень». В ней, действительно, был лютый староста и такие же полицейские. Первый батальон несколько раз по ночам пытался, спустившись по очень крутому берегу, атаковать немцев. Но не успевали выбраться наверх, как немцы усиливали огонь, атака захлебывалась, и солдаты скатывались обратно вниз к речке. Староста с полицаями ходил в темноте, выискивая раненых и добивая их штыками.

Несколько раз с группой разведчиков мы пытались выкрасть его, но ничего не получилось. Закрепившись на разных берегах реки, вели позиционную войну. Обстреливали друг друга из пушек и минометов, привлекая к работе снайперов. Для них дома были удобным местом для маскировки и наблюдения за противником. Снайперы работали успешно с обеих сторон. Помню такой случай. От скуки офицеры устроили игру на «интерес». Ставили на кон свою жизнь и немецкие трофейные пистолеты, фотоаппараты, часы и т. д. Каждый играющий должен был размеренным шагом пройти между двумя домами на виду у немцев, а значит, и у снайперов. Если прошел и тебя не убили — снимаешь весь кон. Убили — приготовленное заранее письмо вместе с похоронкой отошлют родителям.

При мне в такой игре был убит старший лейтенант Нагагога. На войне изнуряет тяжелый затяжной бой, но и не просто бывает, когда наступает тишина. В этот период люди на фронте теряют бдительность и часто становятся жертвой различных обстоятельств.

Однажды ночью нам пришлось ночевать в избе на соломе,

после солдат-штрафников. В штрафной роте нет офицеров, все рядовые. После этой ночевки мы набрали вшей и долго не могли их вывести. Вшивость в армии, даже на фронте — явление чрезвычайное, меры по борьбе принимаются срочные, так как эта гадость распространяется моментально. Борьба с ней должна вестись одновременно во всех подразделениях. На фронте это сделать трудно. Я остригся наголо, менял часто белье, побрил везде, где только можно, но результаты были неутешительные. Однако теперь я точно знаю, где на человеческом теле водится эта мерзость.

Где-то в конце января 1942 г. мне была поставлена задача: южнее станицы на западной окраине перейти с группой речку Каменку, «оседлать большак», захватить «языка» и на рассвете вернуться в расположение.

Наши танкисты днем пытались действовать на этом направлении, некоторые машины прорывались на улицы, но успех развить не смогли и вынуждены были вернуться на исходные позиции.

Ночью мы выступили. Через речку перебрались благополучно, поднялись в гору, немцы нас не заметили. «Оседлав» дорогу, стали ждать. Ночью немцы, как правило, не воевали, сидели в селах или в теплых землянках, действовали только патрули, охрана и посты наблюдения. Обычно все они систематически пускали осветительные ракеты, по которым мы определяли, где проходит передний край обороны у немцев.

Под утро услышали шум приближающейся машины. Когда она поравнялась с нами, открыли огонь. Водитель был убит сразу. В кабине оказался унтер-офицер, а в кузове трое солдат, которых пришлось расстрелять на месте. В машине кроме боеприпасов стояло три мешка денег. В одном были немецкие оккупационные марки, во втором — румынские леи, в третьем — советские деньги.

Распоров мешки, я разрешил солдатам взять, кто сколько хочет, себе набил полную полевую сумку. Машину подожгли и стали отходить. Нас обнаружили немцы, началась перестрелка. В это время с погодой произошло нечто невообразимое: небо потемнело, стало тепло, пошел дождь и потекли ручьи. Уходя в разведку, мы оделись потеплее, по-зимнему, с таким расчетом, чтобы можно было долго лежать в снегу. И вдруг в январе — весна. Мы все промокли, немцы огнем прижали нас к земле. В расположении бригады поняли, что с нами происходит что-то неладное, и по вспышкам выстрелов со стороны немцев открыли минометный огонь.

Немцы попритихли, мы стали отходить. И вдруг погода вновь

резко изменилась: подул холодный ветер и ударил мороз. Наши валенки, полушубки, маскхалаты — вся одежда стала превращаться в ледяной панцирь, трескаться и ломаться. Унтер-офицера в перестрелке тяжело ранило, ходить он не мог, пришлось добить. Подойдя к реке, мы увидели, что льда нет, вода бурлит.

Выбираться на свой берег нужно по горло в ледяной воде. Но что делать? Другого пути у нас не было.

Перейдя речку вброд, зашли в заброшенный сарай, сняли обмундирование и белье, пока оно не замерзло вновь, отжали, вылили воду из валенок, выпили НЗ и почти бегом направились к своим.

Могла быть пренеприятная история, если бы в это время возвращалась из нашего тыла аналогичная группа немцев и «засекла» нас голенькими в сарае, смех был бы на весь фронт.

Впереди показался маленький хутор, мы зашли в один из домов. На чемоданах и завязанных узлах сидела молодая женщина и очень неприветливо и со страхом смотрела на нас. Мы пытались выяснить, куда и с кем она собралась ехать? Она что-то путано объяснила, трудно было понять.

Обыскав дом, мужа не нашли. Мы не могли понять, почему она боится прихода нашей армии. Но выяснять это и задерживаться здесь у нас не было времени. Тащить женщину с собой не захотели из гуманных соображений, а может быть, и зря.

Подойдя к своей станице, мы встревожились не на шутку. На окраине и на дороге при въезде в станицу почему-то не было боевого охранения и никто не контролировал обстановку. Издалека мы увидели, как из нашего дома вышел солдат, помахали ему, он остановился. Я спросил, что здесь произошло. Солдат объяснил, что, когда мы ушли в тыл к немцам, он, выполняя мое задание, меняя позиции, вел систематически огонь из винтовки по расположению противника в станице на другом, высоком, берегу реки. Под утро ему надоело стрелять и он ушел в дом к ребятам подремать. Вскоре немцы открыли сильный минометный огонь по дому и его постройкам.

Я осмотрелся кругом. Все пространство перед домом было перепахано разрывами мин, но постройки уцелели. Хозяйка дома отругала моего солдата за то, что он мешал немцам спать, стреляя из своей винтовки. Солдат выполнял задание, но, видимо, поленился менять позицию при стрельбе и немцы засекли его расположение. Этим и был вызван обстрел.

Вошли в дом, быстро затопили печь, разделись и начали сушить белье. Солдат продолжал рассказывать, что наша часть покинула эту станицу, а куда нам двигаться — написано в

записке.

Пока сушилось белье, мы задремали. Нас разбудил часовой, он вел наблюдение за немцами: «Одевайтесь быстро, немцы готовятся захватить нашу окраину станицы. На том берегу идет подготовка к форсированию реки». Мы встали. О, ужас! Голова кружится, в глазах огоньки, в ушах звон колокольчиков, полная апатия. Оказалось, когда мы уснули, хозяйка пожадничала и рано закрыла вьюшку в трубе. Мы все угорели, я уже стал подозревать, что хозяйка сделала это умышленно. Но времени не было на выяснение обстоятельств.

Мы очень вяло одевались, солдат-наблюдатель нас торопил. Кое-как оделись, собрали оружие, вышли на улицу и попадали в снег. Голова закружилась, нас тошнило, в ушах стоял страшный звон, небо и земля переворачивались, а деревья качались перед глазами. Стараясь стряхнуть весь ужас, который происходил с нами, мы поплелись к роще, до которой было метров 300. Солдат ругал нас, как только мог, за то, что спим на ходу. Немцы еще не обнаружили нас, прицельного огня не вели, свистели только шальные пули.

Когда стали подбираться к роще, фашисты открыли прицельный огонь, мы вновь попадали в снег и поползли. Желание выжить, заложенное в нас природой, заставляло делать над собой нечеловеческие усилия и двигаться вперед и только вперед.

В лесу мы слегка передохнули. В висках стучало, сердце готово было выпрыгнуть из груди, тошнота продолжалась. Наблюдение показало, что немцы нас не преследуют.

Мы вышли к развилке дорог, здесь нас должна была ждать машина: к сожалению, ее не было. Впоследствии водитель объяснял, что ждал он нас долго, но посчитал погибшими или самостоятельно ушедшими догонять свою роту. Я до сих пор думаю, что водитель, услышав стрельбу, а шальные пули, возможно, долетали и до него, струсил и удрал, оставив нас на произвол судьбы.

Прилагая неимоверные усилия, преодолевая отравление угарным газом, мы поплелись к своим. При смене позиций и направления наступления в нашей бригаде из-за гололеда не обошлось без ЧП. Погиб на марше командир взвода бронемашин. Он стоял на ходу в машине, наполовину высунувшись из люка. При повороте машину занесло, она опрокинулась и краями брони тело было срезано как бритвой.

Вспоминая прошедшие годы войны, ранения на фронте, гибель людей, задумываешься, что заставляет человека идти на верную смерть и есть ли у солдата предчувствие близкой гибели?

За три дня до отхода из станицы я вызвал связного, чтобы направить его к начальнику по разведке с донесением. Он пришел возбужденный, был чисто выбрит, обмундирование постирано, отглажено, запах одеколона был такой, будто бы он только что вышел из парфюмерной лавки, на шее красовался ярко-зеленый трофейный шарф. Я спросил у него: «Слушай, чего ты так выпендрился?» Он обиженно посмотрел на меня и произнес: «Командир, у меня предчувствие, что сегодня меня убьют». «Перестань нести чушь, — сказал я ему, — нам с тобой еще нужно топать до Берлина». «Нет, командир, Вы пойдете туда без меня». Я еще раз ругнул его и отправил в штаб. Козырнув, он вприпрыжку побежал по улице, и был уже около штаба, когда начался минометный обстрел. На крыльце мина разорвалась рядом с ним, и связной погиб от осколков. Предчувствие не обмануло его.

Примерно так же погиб старший лейтенант Нагагога, играя с офицерами в дурацкую фронтовую «рулетку». Были и другие случаи.

Лично у меня не было предчувствия смерти. Я довольно смело вел себя на переднем крае и, будучи в тылу у немцев, почему-то был уверен, что ранить меня могут, а убить — нет. Надеялся увидеть долгожданный День Победы. И, видите, предчувствие сбылось. За войну был дважды тяжело ранен, но вот остался жив.

После утомительного перехода угар прошел, безразличие и апатия исчезли, появились энергия и желание действовать. Умывшись снегом и приведя себя в относительный порядок, пошел искать «летучку» (крытую машину) командира роты. Она оказалась на окраине села рядом со штабом бригады. Командир бригады не разрешал нашей роте размещаться далеко от штаба. Функции охраны штаба кроме комендантского взвода выполняла и рота. Обычно почти половина личного состава роты всегда находилась на месте, что позволяло выделять людей для охраны штаба. Ведь не секрет, что у разведчиков всегда были хорошие трофеи, в том числе винные, что тоже прельщало штабных офицеров.

Командир роты капитан Г.Л. Барышев уже сам меня разыскивал, его связной, увидев, помахал рукой и крикнул: «Идите в „летучку“, там Вас ждут». В машине за столом сидели офицеры и уже были изрядно навеселе. Командир кричал: «Давай, давай поторапливайся, чего долго копаешься?» Поздоровавшись со всеми, я коротко доложил командиру о всех наших удачах и неудачах и о том, что немцы, видимо, обратно взяли восточную часть станицы. Он удивился, почему вовремя не подошел новый стрелковый полк? Если опоздали, значит, снова с боем будут

брать.

Дальше все было проще: стакана мне не нашлось, командир приказал налить штрафную прямо в крышку солдатского трофейного котелка. Голодного, уставшего, да еще отравленного угарным газом, после приличной дозы трофейного коньяка меня «развезло».

Выпили за очередные звания, которые присвоили некоторым офицерам, за погибшего командира взвода легковых бронемашин лейтенанта Силаева, потом еще пили за что-то, затем за нашего командира. Одним словом, набрались до чертиков.

Из «летучки» разведчики вынесли меня на руках и увели в какой-то дом. Только уснул, во всяком случае так показалось, прибежал связной от командира и начал меня будить: «Вставай, вставай, командир уехал с группой на бронетранспортере в соседний хутор, его до утра не будет. Вызывает начальник штаба по разведке». Я хоть и был пьян, но понял, что командир схитрил и мотанул на хутор, чтобы пьяному не попадаться на глаза начальству. Все шишки в таких случаях обычно достаются замам.

Кое-как вышел на улицу, разделся до пояса, приказал связному снегом надраить мне спину. После трех таких процедур стало легче, оделся, слегка опохмелился, чтобы не пахло перегаром, а пахло «свежьем», и направился в штаб.

Начальник штаба по разведке, конечно, унюхал запах, но не подал виду. Объяснив обстановку на нашем участке фронта, он поставил задачу: «Смотри на карту: мы здесь — вот железнодорожный переезд, справа и слева населенные пункты, до переезда 15 километров. Через два часа у меня на столе должны быть данные: занят переезд немцами или нет и есть ли фашисты на хуторе за переездом?» Задача сложная, время ограничено, полный цейтнот. Бегом вернувшись в роту, поднял дежурное отделение автоматчиков, попрыгали в машину и без головных дозоров, по существу на «ура», помчались вперед. Я приказал водителю выжать из машины все, что можно. Если дорога минирована, мины будут рваться сзади машины, есть надежда уцелеть. Через двадцать минут мы были у переезда. Послышался рев танкового мотора и лязганье гусениц на ближайших улицах села, по которому мы мчались на большой скорости.

Немцы не ожидали от нас такой дерзости. Спрыгнув с машины, мы установили, что на переезде есть дежурный пост немцев, а за ним в хуторе стоят немецкие машины.

Запрыгнув в машину, мы тем же путем двинулись обратно. На выезде из поселка остановились, немцев на окраине не обнаружили, зашли в ближайший дом. Нас встретил парнишка лет пятнадцати. Когда узнал, кто мы такие, заплакал от радости и

потащил меня в один из домов. В темноте, не зажигая света, сидели парни и девчонки. Их было, наверное, человек 12–15. Когда парнишка объяснил им, кто я такой, они бросились обнимать меня, целовать, запели песни. Я едва их угомонил, объяснив, что петь еще рано, мы только разведчики, а через три часа вернемся в их село, выбьем немцев с переезда и погоним дальше. Предложил разойтись по домам, предупредив родителей о возможном бое в поселке.

Возвратились в штаб, я доложил результаты разведки. Командир бригады принял решение: на машинах сейчас же двумя батальонами атаковать переезд, захватить железную дорогу, продвинуться вперед, выбить немцев из ближайших сел и занять оборону. Нашей роте — продолжать разведку ближних сел, особенно бывших немецких поселений.

Подъезжая к переезду, мы видели, как наши разведчики «сняли» немецкие посты и освободили путь на ближайший хутор. Через переезд пошел первый батальон. Немцы всполошились, началась беспорядочная стрельба. Застигнутые врасплох, немцы особого сопротивления не оказывали. Выскакивая из домов, порой в одном белье, бросали оружие и технику, огородами бежали к оврагу на другом конце хутора.

Помню, я остановился у второго от переезда дома. Солдаты из батальона вытаскивали немцев с чердаков, сеновалов, из погребных ям и других мест и тут же на месте расстреливали, в плен никого не брали. Солдаты насмотрелись на зверства фашистов в селах и на «большаках», сами озверели. Во всех случаях подобные убийства лично у меня не вызывали одобрения.

Через хутор проходил «большак» (тракт). В соседних селах немцы еще не знали, что мы контролируем дорогу. Периодически минут через 15–20 в нашем направлении двигались их машины. На развилку дороги нами был поставлен немецкий трофейный танк Т-4. Он подпускал машины на близкое расстояние и в упор расстреливал из пушки, уцелевших солдат убивали автоматчики. Вскоре все стихло, стали подбирать убитых и раненых, «оприходовать» трофеи.

Из-за трофеев иногда происходили стычки между разведчиками и солдатами и офицерами из батальона. Обычно в села разведчики заходили первыми и делиться добытым в бою не желали.

Захватив две большегрузные дизельные машины, мы освободили их от трупов. Вдруг к нам в кузов заскочили солдаты из батальона с двумя офицерами, и началась потасовка. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы в это время не проезжал мимо начальник штаба бригады. Он обратил внимание на шум,

приказал своим автоматчикам из охраны узнать, что у нас происходит. Уразумев, что мы не можем поделить трофеи, разогнал нас, пригрозив отправить в штрафную роту за бардак, устроенный на глазах у всей бригады. Отобрал трофейные машины и уехал с охраной в штаб бригады. С тех пор мы больше никогда не вступали в перепалку с другими подразделениями из-за трофеев. Обходились тем, что добывали лично сами, тогда не нужно было доказывать, кому принадлежит приоритет в захвате трофейного имущества.

При захвате трофеев учитывалось все: техника, оружие, продовольствие и прочее, и за это было соответствующее вознаграждение. О крупных трофеях передавалось в сводках Совинформбюро.

Когда командир роты узнал об этом происшествии, устроил нам хорошую взбучку. Во-первых, за нашу неизворотливость в конфликте, за то, что мы «упустили» трофеи, во-вторых, за то, что позволили «чужим» забраться в машины и учинить потасовку.

К обеду напряжение спало, немецкие машины больше не появлялись. Приехала кухня, солдатам раздали фронтовые «сто грамм». Улицы опустели, все приступили к обеду, пересказывая перипетии утреннего боя. Наши офицеры собрались у командира. За обедом он поставил задачи каждому подразделению на остаток дня.

За обедом каждый пил, сколько хотел, но с учетом поставленной задачи. Тем, кому предстояло уходить в тыл к немцам, наполнили фляжки в дорогу и выпили, сколько полагалось по норме. Вторая половина дня у меня была относительно свободной. На сон не тянуло, что бывало очень редко, обычно от недосыпания всегда хотелось «покемарить». Я вышел на крыльцо и увидел солдата, стреляющего в сторону поля. «Ты что? Сегодня не настрелялся?» — спросил я его. «Утром до „чертиков“, что даже было тошно», — ответил он. «Ну, а сейчас-то чего людям спать не даешь?» «А вот смотрите сюда», — он показал на овраг, который начинался у хутора и терялся где-то в поле. Разговаривая со мной, он продолжал методично стрелять из карабина, время от времени меняя прицел. Я внимательно посмотрел в том направлении и заметил, как из овина, стоящего на околице, время от времени выскакивали немцы и бегом устремлялись к оврагу. Расстояние до оврага было примерно 800–900 метров. По глубокому снегу туда нескоро доберешься. Приказал солдату прекратить бессмысленный огонь, сбегать в соседний переулок, там стояла зенитная установка крупнокалиберных пулеметов. Солдат ушел, показал зенитчикам цель, они открыли огонь по овину. Оттуда выскочило еще трое

немцев, одного из них ранили, двое успели убежать. Пришлось взять отделение разведчиков и «прочесать» овраг. Подобрали раненого фрица и проверили овин.

В овраге немцами была протоптана тропа, по которой они удирали еще в темноте во время завязавшейся перестрелки. Опомнившись, фрицы поняли, что их не преследуют, и, видимо, один из офицеров приказал унтеру с отделением солдат разместиться в овине и вести за нами наблюдение. Место очень удобное, кругом поле, видимость хорошая, и незаметно к ним подобраться трудно.

Однако получилось так, что наш разведчик заметил немца, вышедшего из овина в сторону оврага, видимо, с донесением к своему офицеру. По немцу был открыт огонь, не исключено, что он был ранен, к нему поспешили другие солдаты, огонь усилился, фрицы поняли, что их обнаружили. Унтер-офицер, по-видимому, троих оставил для продолжения наблюдения, а всем остальным приказал бежать к оврагу, чтобы заставить нас поверить, что из овина ушли все. Но затея эта, как видим, провалилась.

Раненого немца подобрали, он дал полезную информацию. В овине немцы приготовились к круговой обороне, но нервы у них не выдержали, и дело до этого не дошло. Осмотрели их наблюдательный пункт, пора было возвращаться. Когда вышли в поле, я посмотрел в бинокль в сторону грейдера, проходившего вдалеке по полю, вверх на безымянную высоту.

На высоте стоял немецкий бронетранспортер, от него по направлению к нашему хутору, метрах в трехстах, виднелась перевернутая машина. Мы предположили, что бронетранспортер оставлен немцами из каких-то соображений. Через поле направились к нему. Будь там снайпер в засаде, на открытом поле подпустил бы нас поближе и перестрелял всех как куропаток. Но снайпера там не было.

Когда подошли к подбитой машине, обнаружили сидевшего около нее старшего лейтенанта. Я спросил, что он тут делает. Он ответил, что еще на хуторе заметил этот бронетранспортер, долго за ним наблюдал и решил, что он брошен немцами утром после боя, возможно, неисправен или кончилось горючее. Когда подошел к этой машине, появилось сомнение, а вдруг за бронетранспортером засада, а потом увидел нас и решил подождать. Он — зампотех батальона, всякие запчасти им нужны, а потом можно будет отчитаться за этот бронетранспортер как захваченный в бою. Мы перекурили и решили разведчиков оставить здесь и осмотреть бронетранспортер. В голове промелькнула мысль, что фрицы могли организовать засаду и мы попадем в лапы немцам, как тот несчастный старший лейтенант

из ОКРСМЕРШа. К счастью, бронетранспортер был действительно брошен. В нем все было исправно: пулемет, ходовая часть, мотор, но был пуст бак, горючее кончилось. В машине лежали гранаты, лыжи, термос с кофе и несколько бутылок шнапса. Мы пытались ее завести, зажигание работало нормально.

Открыли банки с рыбными консервами, выпили по бутылке шнапса, потеряли бдительность. Беспечность нам чуть не обошлась ценой собственной жизни. Погода стояла чудесная, сияло солнце, переливаясь, сверкал снег. Хорошая закуска, тепло «разнежили» нас, и мы ударились в воспоминания. Лейтенант рассказал о своей жизни, поведал, что успел жениться, а вот толком пожить с женой ему не пришлось.

Я ему рассказал о Тюмени, увлечении охотой: ружье мне купили, еще когда учился в пятом классе.

Вдруг к бронетранспортеру подъехала легковая машина с немецкими офицерами, судя по витым погонам, чины были крупные. Машина остановилась, мы растерялись, растерялись и немцы. Я схватил по глупости гранату вместо автомата, а мой напарник выхватил пистолет, так как его автомат лежал в стороне, а о пулемете мы даже не вспомнили.

Немцы поняли, кто мы, шофер дал газу, машина рванула с места в сторону хутора, который мы заняли еще утром. Я бросил немецкую гранату с длинной деревянной ручкой, она долго крутилась и, когда машина была уже далеко, взорвалась, не причинив фрицам никакого вреда. Мой напарник стрелял из пистолета по машине, но, насколько успешно, мы так и не узнали. Легковая машина промчалась мимо опрокинутого грузовика, где оставались наши разведчики. Нас поразило, что они не среагировали на выстрелы и разрыв гранаты. Потом они путано объясняли, что выстрелов не слышали. Но, видимо, дело обстояло так: когда мы ушли к бронетранспортеру, они расположились на солнечной стороне за опрокинутой машиной и уснули. Машина же, не сбавляя скорости, приближалась к нашему хутору. На окраине у домов стояла замаскированная противотанковая пушка и располагался пост наблюдения. Стоявшие в засаде солдаты видели мчавшуюся немецкую машину, но сигнала тревоги не подали и огня не открыли. Они приняли ее за свою, хотя должны были засомневаться, ведь машина двигалась из немецкого тыла.

Немцы на машине промчались через наш хутор и, свернув в сторону, спокойно уехали обратно в свое расположение.

Мы возвращались домой, как оплеванные, пропустить такую удачу… Немцы были бы в наших руках, если бы мы не оказались растяпами. Удача отвернулась от нас, и все из-за нашего разгильдяйства. О том, что произошло с нами, доложить в штаб

не решились. Эту машину всегда вспоминаю, когда мыслями возвращаюсь к войне. Витые погоны и испуганные лица немецких офицеров до сих пор представляю отчетливо.

После «визита» фрицев и благополучного их возвращения возобновились налеты пикировщиков на хутор. Особо ожесточенно бомбили они подбитые бронетранспортеры, танки и грузовики, расставленные на окраине хутора. С высотки, неподалеку от брошенного бронетранспортера, хутор начал обстреливаться немецким танком. По нему ударили тяжелые минометы, и он вынужден был убраться восвояси.

После ужина я собрал свободных от нарядов разведчиков, провел разбор проведенных нами операций и на нашем примере показал, как легко упустить «удачу» и расстаться с жизнью из-за беспечности, из-за несоблюдения фронтовых законов. Солдатам приказал отдыхать, предупредив, что ночью пойдем в немецкий тыл.

Вместе с командиром роты отправились в штаб бригады к заместителю начальника штаба по разведке. Майор Погребной ввел нас в курс оперативной обстановки и поставил задачу. По агентурным данным и наблюдениям воздушных разведчиков, за Донцом в районе трех крупных населенных пунктов были сосредоточены значительные немецкие силы с большой численностью пехоты, танков и артиллерии. По всей вероятности, они собирались нанести нам удар в стыке нашей бригады и соседней дивизии. «Это вот здесь», — он показал на карте. «Теперь смотрите сюда, здесь тоже сосредоточились немцы, но их задача, как мы предполагаем, будет другая. Они постараются нанести отвлекающий удар для обеспечения прорыва на стыке наших соединений. Ваша задача: переправиться через Донец (он указал место), там вас будут ждать, если возникнут осложнения, прикроют огнем и постараются отвлечь фрицев на себя». Карандаш бежал по карте от высоты к высоте через овраги и балки, к перекресткам дорог, через лесные сколки. «Вот здесь на высоте, возможно, сохранился тригонометрический пункт. Это очень удобное место для наблюдения за противником. С вышки в радиусе 3–5 километров вам, как на ладони, будут видны интересующие нас населенные пункты. Старайтесь тщательно вести наблюдение, не привлекая внимания немцев и не ввязываясь в драку. Фрицы тоже знают об этом тригопункте, он обозначен на их картах, поэтому подойдите к опушке этого лесного сколка по оврагу и внимательно пронаблюдайте за вышкой. Если на ней никого не обнаружите, действуйте по обстановке, но на обратном пути постарайтесь прихватить „языка“».

Мы отправились в путь. В излучине Донца нас действительно встретила группа прикрытия, но в ней уже не было необходимости. В этом месте к Донцу ночью подошли соседняя бригада и пехотный полк, усиленный тремя батареями противотанковых пушек, сюда же подходил танковый батальон с десантом.

Одним словом, командир нашего корпуса решил упредить немцев, занять оборону на высоком берегу Донца, не дожидаясь результатов нашей разведки. Возможностей для получения оперативных данных о переднем крае немецкой обороны у него имелось достаточно. Действия нашей разведроты были только одним из звеньев огромного механизма танкового корпуса. В нем была отработана целая система по сбору разведданных.

На рассвете немцы обнаружили скопление наших войск в излучине Донца, появились их бомбардировщики, начали яростно бомбить переправу. Лед на реке был разбит, все водное пространство серебрилось от всплывшей оглушенной рыбы.

Несмотря на бомбежку, мужики из соседнего села притащили маленькую лодку и сачком черпали рыбу. Рыбалка у них прошла благополучно: и живы остались, и рыбы нагребли много.

Переправившуюся пехоту на том берегу Донца начали донимать немецкие танки. Артиллеристы не могли переправить свои пушки, стоял гвалт, мат. Не давали покоя немецкие «пикировщики». С той стороны Донца приходили недобрые вести: если пушки вовремя не переправят, танки столкнут пехоту обратно в Донец. Положение было критическим.

В это время к месту переправы подъехал на своем «виллисе» командир корпуса. Увидев всю неразбериху, приказал явиться к нему начальников артиллерии полка и бригады. Сам он был ранен в ногу, но в госпиталь не лег, а ходил с суковатой палкой.

Когда появились вызванные офицеры, он, недолго думая, хорошенько «отходил» их своей дубиной и при этом приговаривал: «Сволочи! Люди гибнут на том берегу, их гоняют танки, а вы вместо того, чтобы давно быть там, смотрите, как ловят рыбу. Да я вас, — упомянул почему-то Бога и какую-то мать, а сам не переставал раздавать „гостинцы“ палкой, — если через 15 минут ваши пушки не будут на том берегу, будете кормить рыбу. Я вам это устрою».

Пушки моментально переправили на ту сторону, открыли огонь, танки «понесли потери» и отошли, нашей пехоте стало дышать легче.

Мы, не задерживаясь у переправы, ушли вверх по реке, где лед не был разбит при бомбежке, перебрались на тот берег и приступили к выполнению поставленной задачи. Упущенное

время на переправе пытались наверстать быстрым движением. Снег был неглубоким, но все равно мешал движению. Поставили впереди крепких ребят прокладывать путь, они же выполняли роль головного дозора и боевого охранения, а сами растянулись цепочкой и, ступая след в след, на значительном расстоянии от головной группы двигались за ними вперед по азимуту без боковых дозоров и охранения.

Впереди, за оврагом, проходила дорога, наиболее вероятный путь движения немцев, сосредоточившихся в населенных пунктах, которые мы должны «отнаблюдать». Между дорогой и оврагом, где мы остановились, простиралось огромное поле. Совершенно случайно мы обнаружили, что оно заминировано противотанковыми и противопехотными минами.

Один из разведчиков сел в снегу на противотанковую мину, а мы все сидели рядом. Всем повезло, и прежде всего сержанту Старостину, в том, что он сел на противотанковую мину, а не на противопехотную. Противотанковая мина рассчитана на большое давление сверху, а вес сержанта оказался недостаточным для ударного механизма, мина не взорвалась, спасла жизнь Старостину и нам.

Мы внимательно осмотрели подступы к оврагу и убедились, что в овраге мин нет, а поле густо заминировано. Это были старые мины, поставленные нами еще летом 1941 г. В ту пору минировали поля и дороги на танкоопасных направлениях только наши войска. Немцам не было смысла ставить мины, так как они вели наступление и все время продвигались вперед.

Беда заключалась в том, что документация на заминированные участки, как правило, не хранилась. На таких полях гибло гражданское население, партизаны, а также животные.

У нас возникла идея спровоцировать немцев, заманив их на это поле. Забегая вперед, скажу, что эту идею проработали в нашем штабе и через два дня после нашего возвращения осуществили.

Немного передохнули и — вновь вперед. На склоне высоты, совсем близко от нас, показался тот самый лесной «сколок», позволявший наблюдать за вышкой. До лесу дошли благополучно, выбрали место для наблюдения, выставили дозорных и стали следить. Наблюдения показали, что немцев на ней и около нее нет. Быстро направились к тригопункту. Приблизившись, я приказал занять круговую оборону по склонам высоты, а сам полез на самый верх, где была расположена площадка для проведения работ геодезистами по измерению углов тригонометрической сети. Вышка была уже старая, ступеньки

прогнили, многих вообще не было, поэтому я долго поднимался наверх. Высота была порядочная, не менее 25 метров. Если с такой высоты оборвешься, можно прощаться с жизнью.

Внизу было тепло, светило солнце, а наверху морозный ветер пронизывал насквозь. На площадке просидел почти до вечера. Погреться из фляжки не рискнул, побоялся сорваться вниз при спуске.

С вышки хорошо просматривались окрестности, было видно движение по дорогам и в населенных пунктах. Все наблюдения я заносил в тетрадь. К вечеру записей накопилось много, сведения были важными, нужно было возвращаться обратно. С трудом спустился, это оказалось сложнее, чем подниматься наверх.

Собрав всех, я вкратце рассказал о том, что удалось увидеть сверху. Группу разделил на две части, одну возглавил сам, а вторую поручил сержанту Старостину. Ему вручил тетрадь с записями и зарисовками с вышки, написал донесение и отправил в штаб бригады.

Все, кто остались со мной, должны были выполнить последнюю часть приказа — захватить «языка».

Когда вел наблюдения с вышки, обратил внимание, что по одной дороге движение транспорта идет скомплектованными группами по 3–5 и более машин в сопровождении мотоциклов и вездеходов с зенитными установками. По другой, параллельной этой, курсируют одни мотоциклы с коляской и пулеметом, изредка проходят повозки на конной тяге. Интервал движения мотоциклов 30–40 минут.

Обсудив варианты захвата «языка», решили брать его на дороге, где курсируют только мотоциклы. Одно из ответвлений оврага вело к этой дороге, по нему мы и отправились для выполнения задания. Залегли в 20–30 метрах от дороги и повели наблюдение. Около самой дороги валялся опрокинутый комбайн, видимо, еще с лета 1941 г. Отметили время очередного проезда мотоцикла, продвинулись к комбайну, залегли, замаскировались и стали ждать. Время тянулось медленно, интенсивность движения уменьшалась, и мы забеспокоились, что к ночи оно совсем прекратится по этой дороге.

Вдруг послышался рокот мотоцикла, зимой его далеко слышно. Роли по захвату «языка» были распределены. Один ложится в кювет и ждет приближения мотоцикла, затем в упор расстреливает водителя. Трое с двух сторон захватывают пулеметчика, сидящего в коляске, забирают оружие, документы убитого, затаскивают мотоцикл за комбайн и быстро отходят к оврагу.

На деле, конечно, все получилось не так гладко, как было

задумано. Когда мотоцикл поравнялся с нашей засадой, водителя убили сразу, мотоцикл развернулся в сугроб и остановился. Ефрейтор, сидевший в коляске, вылетел в сугроб, вскочил и побежал, да так быстро, что наши разведчики едва-едва его поймали. Стрелять по нему мы не имели права, нам нужен был живой фриц. Немец это понимал и, не пригибаясь, во весь рост улепетывал от нас что было силы.

Пока поймали его, скрутили руки, для острастки набили морду, ушло много времени. В то время как «группа захвата» тащила фрица к оврагу, вдали опять послышался шум мотоцикла. Нам ничего не оставалось, как вновь повторить операцию. Нервы были напряжены до предела, даже слегка подташнивало. Мотоцикл поравнялся с засадой, и все повторилось. Водитель был тяжело ранен, сидевшего в коляске фельдфебеля придавило опрокинувшимся мотоциклом, он лежал и стонал.

Водителя пришлось пристрелить, второго подняли на ноги. Он оказался раненным в плечо и не сопротивлялся. Быстро собрали оружие и документы, фельдфебеля отконвоировали в овраг, а оба мотоцикла подожгли и почти бегом бросились к оврагу. К месту нашей засады подошел вездеход с зенитным пулеметом, открыл огонь по оврагу, но нас уже не было. На всякий случай оставили заслон, чтобы сковать немцев огнем, если они появятся, и отходить по другому ответвлению оврага, увлекая за собой фрицев. Однако было уже поздно, и немцы не рискнули нас преследовать. Примерно через час разведчики покинули засаду и вскоре догнали нас. Мы, конечно, двигались не так быстро, как хотелось бы нам, напряжение уже спало и чувствовалась усталость. Притупилась и бдительность. Двигались чисто механически. Наконец, на опушке леса сделали привал.

Раненый немец ослабел от потери крови. Сделали ему перевязку, напоили спиртом, и тогда он вновь ожил. В штаб бригады пришли уже ночью. Майор Погребной ждал нашего возвращения. Мой доклад и допрос пленных разбудил командира бригады. Выслушав донесение, он разрешил нам идти отдыхать, а штабисты занялись делом.

К утру была закончена оперативная разработка операции с целью спровоцировать немцев атаковать нас по заснеженному заминированному полю. Частично операция удалась. Утром наши наблюдатели с рацией и телефоном уже сидели на той вышке, где я провел целый день. Где-то после обеда наблюдатели сообщили, что из ближайшего населенного пункта вытягивается колонна пехоты в сопровождении танков, артиллерии, мотоциклистов и бронетранспортеров с зенитными установками. Основная масса войск и техники двигалась по дальней дороге. По ближней, где

мы брали пленных, шло боевое охранение.

С нашей стороны для проведения операции были задействованы: стрелковая рота первого батальона, взвод разведчиков, взвод ПТР и батарея тяжелых минометов.

Прибыв на место засады, я собрал командиров подразделений, провел с ними рекогносцировку местности, показал танкоопасные направления, обрисовал окружность минного поля. Нам нужно было создать впечатление, что нас мало, а нас действительно было немного, всего рота с приданными средствами огневого усиления; заставить немцев развернуться и атаковать нас танками и пехотой в направлении минного поля.

Как я уже говорил, нас отделяло от дороги, по которой двигалась колонна фрицев, около 500 метров, это довольно много, но ближе мы продвинуться не могли, мешали мины.

Когда середина колонны противника поравнялась с нашей засадой, мы открыли ружейно-пулеметный и минометный огонь. Для немцев это было неожиданностью, так как они были уверены, что здесь нет наших войск.

Минометная батарея атаковала колонну фрицев, и они понесли ощутимые потери, а ружейно-пулеметный огонь заставил их развернуться в нашу сторону и залечь.

Немцы быстро оценили обстановку и поняли, что их атаковала небольшая группа «самоубийц». Часть танков и батальон пехоты двинулись на наши позиции, остальные продолжили движение дальше. Мы ужаснулись, когда немецкие танки дошли до середины поля и ни один из них не подорвался на минах. Пугала мысль, что мы ввели в заблуждение командование, затеяли ненужную операцию. Я решил, если в этом бою останусь живой, — застрелюсь от стыда и позора.

Но вдруг загремели взрывы, четыре танка закрутились на месте, два танка подбили бронебойщики. Из оставшихся пяти один шел напролом, прямо к нашим позициям, на ходу поливая свинцом из пулемета, остальные танки остановились и стреляли с места.

Немецкую пехоту наши стрелки отсекли от танков и прижали к земле, часть фрицев подорвалась на противопехотных минах.

Танк подошел к бровке оврага, в овраг не рискнул спуститься, подставил свой бок под огонь бронебойщиков и был подбит. В это время к месту боя подошли новые немецкие части, развернулись, приготовились к наступлению, открыли сильный минометный, артиллерийский огонь, появились бомбардировщики.

Мы начали отходить, поставленную задачу выполнили: задержали немцев на марше, заставили нас атаковать в не

выгодных для них условиях и понести значительные потери в живой силе и технике. Немецкие самолеты прижали нас к земле, кругом рвались бомбы, и мы стали нести потери.

Спасли нас истребители. Они сбили три самолета, остальные беспорядочно сбросили бомбы и начали удирать.

Возвращались в бригаду с хорошим настроением. Этот бой показал, что нужно искать тактические ловушки и бить немцев более грамотно. Необходимо уничтожать немцев, а не только вытеснять их с одного участка на другой.

По возвращении в бригаду меня ожидал неприятный сюрприз. После ужина пришел посыльный из штаба и передал, что меня вызывают в ОКРСМЕРШ. Этот отдел в армии не любили все, и я не питал к нему теплых чувств. Пока шел к штабу, обо всем передумал, что могло бы заинтересовать ОКРСМЕРШ в моей службе? Всплыли старые «грехи», но я о них давно уже забыл. Пришел в отдел, дежурный доложил о моем приходе. Пригласил в комнату капитан, взгляд у него был тяжелый и неприятный. «Садитесь, закуривайте, — сказал он, — и вспомните все подробности той разведоперации, которая проводилась под вашим руководством в тылу немцев за Донцом на западной окраине станицы Каменская».

Я рассказал все подробно: как захватили «языка», расстреляли немцев в машине, как тяжело раненного немца пришлось добить при возвращении и о том, что машину сожгли. «Все?» — спросил он. «Пожалуй, все», — ответил я. «Нет, не все» — повысил он голос. Я молчал. «Что молчишь, язык присох или соображаешь, как выкрутиться?» Я пожал плечами, понимая, что, если толком не знаешь, чего от тебя хотят, лучше помалкивай. Покрутят, повертят, но сами спросят то, что им надо.

Капитан закурил, папиросу мне не предложил, посмотрел на меня изучающим взглядом и произнес: «Ты забыл рассказать о деньгах, которые ты и разведчики с твоего разрешения присвоили себе. Почему по возвращению в бригаду деньги не сдали начфину?» Я признался, что действительно разрешил солдатам взять денег, кто сколько хочет, и сам набил полную полевую сумку, а сколько их было там, не считал. В машине, в мешке, еще оставались деньги, но брать их никто не захотел. Солдатам больше понравились рыбные консервы и галеты. Остальное все сожгли вместе с машиной. Он долго не мог понять, как это я, офицер, мог приказать сжечь и не взять их с собой? Тут я тоже начал сомневаться в правильности своего решения.

«Ну, ладно, к этому мы еще вернемся, а теперь скажи, где эти деньги у тебя находятся?» Я рассказал, что денег у меня нет, как пришли, так и ушли. После возвращения из разведки, когда мы

догнали свою бригаду и разыскали разведроту, полевую сумку с деньгами я повесил на крюк в «летучке» (крытая машина с инструментами и печкой). Замполитех роты старший лейтенант Абашев на «летучке» выезжал на «передок» ремонтировать подбитый транспортер. Когда вытаскивали подбитую машину, немцы, обнаружив скопление машин, обстреляли их из пушки. Один снаряд попал в «летучку», она вспыхнула и сгорела вместе с моими деньгами.

Не знаю, поверил ли капитан моему рассказу. Но проверить меня было трудно, так как замполитех роты был убит шальным снарядом. Немцы из пушек вели огонь по площадям, и один из снарядов разорвался недалеко от него.

Затем допросили всех моих разведчиков. Деньги, которые у них остались, приказали сдать начфину. Начфина не оказалось на месте, их оставили у «особистов». Как я предполагаю, деньги до начфина не дошли.

После допроса меня оставили в покое, но наказали: все офицеры, которые участвовали со мной в последней операции, были награждены орденами и медалями, а меня «обошли» — представления не было.

На другой день, в ранние сумерки, когда было уже достаточно темно, с группой разведчиков уползли на «нейтралку» наблюдать за фрицами, изучить передний край обороны и выбрать место для очередного прохода в их тыл.

Вернулся к себе — опять ЧП. Здоровенный детина, казах Давлетшин, застрелил двоих разведчиков, закрылся в землянке, никого не пускал, грозился пристрелить любого, кто к нему сунется. Подошел старшина роты, бывалый разведчик, предложил план захвата этого солдата, я внес свои коррективы. Старшина должен уговорить Давлетшина принять ужин, который ему передадут в котелке через окно на палке. В это время я кубарем скачусь в землянку, а за мной сержант Старостин. Отрепетировали план действий в соседней землянке, подключили к выполнению еще двоих разведчиков.

Все произошло быстро: я скатился в землянку, за мной Старостин, а в окно полез старшина. Когда я вскочил на ноги и хотел наброситься на Давлетшина, в темноте запнулся за труп разведчика и головой уперся в ноги нашего «героя». Это, видимо, и спасло нам жизнь. Я ухватил его за ноги, рванул на себя, он упал, и тут разведчики прижали нас к земле, не дав Давлетшину возможности добраться до автомата.

На допросе он рассказал, что после смены решил почистить автомат, отсоединил «магазин», передернул затвор и «щелкнул», нажимая на спусковой крючок, не проверив, есть ли патрон в

патроннике. Раздался выстрел, в это время в землянку спускались двое разведчиков, один случайным выстрелом был убит, а другой, ругаясь, пошел на Давлетшина. Тот с перепугу или еще по какой причине быстро воткнул «магазин» обратно и нажал на спуск. Так погиб второй разведчик. После этого солдат в истерике кричал, что убьет каждого, кто войдет в землянку. Состоялся суд, был приговор к расстрелу, но последовали помилование и отправка в штрафную роту. Позор мог быть смыт только кровью.

На другой день, утром, после завтрака, меня принимали в кандидаты партии[1]. Забегая вперед, скажу, что мой кандидатский стаж составил 22 года. Я не знаю таких прецедентов. Этот случай можно было бы занести в Книгу рекордов Гиннесса.

После партийного собрания с группой разведчиков я ушел в ближний тыл за линию фронта. Проскочили передний край незаметно, немцы нас не обнаружили. Когда оказались в тылу, примерно в пяти километрах от линии фронта, натолкнулись на румын, которые начали преследовать нас. Чем бы все это кончилось, не знаю, но нам повезло. На фронте часто бывает: то «везет», то «не везет», так случается и в повседневной жизни, но на фронте чаще.

Танковый батальон выполнял локальную задачу — проводил разведку боем на том участке, где мы уходили в тыл. Командир танкового батальона не мог предположить, что на этом участке фронта у немцев по существу нет противотанковой обороны. Они ожидали наступления наших войск вдоль шоссе по направлению к Каменску, там и были сосредоточены основные противотанковые средства обороны.

Атакуя немцев на узком участке, танковый батальон смял передний край обороны фрицев и незаметно для себя оказался в их тылу. Беспрепятственное преодоление полосы обороны и отсутствие серьезного сопротивления позволило командиру принять решение — углубиться в немецкий тыл, наделать шуму, а там — будет видно.

Батальон в развернутом строю по полю устремился в нашем направлении. «Мамалыжники», преследовавшие нас, не ожидали такого поворота событий. Из атакующих они превратились в удирающих от танков, бросали на бегу оружие и даже шинели и полушубки. Для спасения своей шкуры у них был единственный путь — бежать изо всех сил в нашем направлении, что они и сделали.

Мы лежали на опушке леса и ждали разворота событий. Связи с танками у нас не было, поэтому мы вынуждены были лежать, не привлекая внимания танкистов. Они могли ошибочно

принять нас за немцев и открыть огонь из пушек.

Когда рота румын приблизилась к нам на 10–15 метров, мы встали и открыли огонь из автоматов над их головами. Они остановились, подняли руки. Танкисты сообразили, что они сдаются, а вот кому — не ясно.

Знаками я приказал румынам сесть, а сам пошел к командирскому танку, чтобы решить судьбу «мамалыжников». У нас было три варианта: расстрелять, отпустить, отконвоировать в тыл. Решили обыскать их еще раз, отобрать личное оружие и гранаты, посадить всех на броню и отправить в тыл. Командиру очень не хотелось с ними возиться, он предлагал связать их и под конвоем отправить в наше расположение. Я не мог с этим согласиться, немцы уже всполошились и, наверняка, предприняли меры к закрытию прохода в своем тылу. Поэтому протащить румын через передний край обороны представлялось нереальным. Расстреливать их тоже не хотелось, уж очень жалко они выглядели, только «ротный» пытался сохранить достоинство. С другой стороны, очень заманчиво притащить сотню «мамалыжников» из немецкого тыла, это обеспечило бы нам ордена и медали. У нас же, к сожалению появилась другая задача. Поскольку танковый батальон наделал много шума, нужно было разведать, что предпринимают немцы в нашей полосе обороны и ближнем тылу.

Разместив румын на броне, договорились с комбатом, на каком участке переднего края обороны будем выходить из немецкого тыла.

Батальон без помех вернулся обратно, часть румын, видимо, постреляли немцы, некоторые из них, по всей вероятности, спрыгнули по ходу с танков, не пожелав ехать в плен.

На опушке леса мы подошли к оврагу. В нем бродили две верховые лошади в полном боевом снаряжении с седлами, в сумках — гранаты, патроны, женские меховые воротники. Одна лошадь была, видимо, командира румынской роты, вторая — его ординарца.

Я приказал связному поймать и привести лошадей. Обе выглядели заманчиво, особенно офицерская. В кавалерии служить мне не приходилось, поэтому на лошадь я едва взобрался. Она сразу поняла, с кем «имеет дело». Когда я слегка стегнул ее, она сделала «свечку» и прыгнула вперед. Вмиг я вылетел из седла, испугался больше, чем при бомбежке, и больше желания взбираться на нее у меня не было.

Среди разведчиков нашлись умельцы ездить верхом. Им была поставлена задача: по оврагу скрытно приблизиться к большому населенному пункту, понаблюдать, что в нем происходит. Если на

околице немцев не обнаружат, попытаться у жителей крайних домов выяснить обстановку.

Договорились о месте встречи, они поехали вперед по оврагу, а мы свернули вправо с целью провести разведку на ближайшем хуторе. Через два часа встретились в условленном месте, обменялись мнениями и решили выходить из неприятельского тыла там, где было условлено с командиром танкового батальона.

В обоих населенных пунктах концентрировались немецкая пехота и артиллерия; видимо, ждали сумерек, чтобы незаметно для наших воздушных разведчиков выдвинуться на передний край обороны. При подходе к участку нашего прорыва мы подали условный сигнал ракетами. Наши тяжелые минометы накрыли это место плотным огнем, расчищая пространство для нашего прохода.

Немцы обнаружили нас, когда мы были уже на нейтральной полосе, открыли минометный огонь — убитых не было, ранило пятерых разведчиков. Лошадей мы оставили у себя в роте, в дальнейшем они служили нам верой и правдой. В боях захватили еще несколько лошадей и сформировали отделение конной разведки. Верхом научились ездить все офицеры в роте и пешие разведчики.

Отделение конной разведки действовало очень умело. Наша армия на этом участке фронта вела наступательные операции. Южнее нас на ростовском и северо-кавказском направлениях советские войска также быстро продвигались вперед. Сплошной линии фронта уже не было, велась «очаговая» оборона. Немцы «цеплялись» за крупные населенные пункты и выгодные рубежи обороны. Было много открытых «стыков», через которые уходили в тыл к немцам пешие и конные разведчики. Немцы главным образом пытались удержать в своих руках крупные транспортные магистрали. Если в начале войны фрицы к вечеру, как правило, отдыхали и вели слабые позиционные бои, то сейчас они и днем и ночью пытались как можно быстрее вывести свои разрозненные части, не готовые к серьезной обороне, из-под удара наших войск.

На Украине, в Донбассе, готовилось крупное окружение немецких частей. Это, пожалуй, могло быть повнушительнее сталинградского «котла». Но, к сожалению, оно не было успешным, и на этом наступательные операции на южном и юго-западном фронтах прекратились вплоть до осени 1943 г.

Наш корпус оставил каменское направление и развернул наступление в сторону Ворошиловграда, пытаясь «перерезать» железнодорожную магистраль на Каменск. Немцы, почувствовав угрозу окружения в районе Каменска, начали отводить свои войска в западном и северо-западном направлениях.

Наша бригада, с боями продвигаясь вперед, заняла ряд крупных населенных пунктов и в дальнейшем действовала в направлении шахты БИС-4, большой станицы Первозвановка и крупного хутора Грачики.

Оставалось два дня до завершения полного окружения двойным кольцом сталинградской группировки немецких войск под командованием фельдмаршала Паулюса. Второго февраля 1943 г. наши наступающие части северной и южной группировок второго, внешнего, кольца окружения соединились. Фельдмаршал Манштейн уже больше не помышлял о разрыве кольца окружения танковыми клиньями и соединении с Паулюсом. Войска Паулюса пребывали в состоянии агонии перед пленом, а Манштейн, своим сильно потрепанным в боях танковым корпусом, уже не мог оказать серьезного сопротивления и с боями отходил на запад.

Транспортные самолеты на бреющем полете вывозили из сталинградского «котла» раненых высокопоставленных офицеров, награбленные ценности и секретные документы. Самолеты часто пролетали над нашим селом, но сбить их никак не удавалось. Не видно было и наших истребителей.

По графику, составленному командиром роты, наши разведгруппы каждую ночь, а иногда и днем, уходили в ближний тыл немецкого расположения. Нас особенно интересовала большая станица Первозвановка. Через станицу пролегала грунтовая дорога, связывающая ряд крупных станиц и мелких хуторов, занятых немцами. Эта транспортная магистраль имела большое оперативное значение для ближнего тыла немецкой обороны. По дороге шло оживленное движение машин в обоих направлениях. Были замечены обозы эвакуирующихся семей полицаев, старост и других «цивильных» служащих немецкой администрации.

Мы с группой разведчиков непрерывно вели наблюдение за перемещением немцев и искали место для засады на одной из дорог, связывающих Первозвановку с другими населенными пунктами.

Немцы после поражения под Сталинградом еще не имели, как я говорил, сплошной линии обороны и, как правило, создавали крепкие опорные пункты в станицах и хуторах, обрекая последние на уничтожение.

Мирное население страдало от нашей артиллерии и авиации. Но особенно страшно было, когда немцы уходили с боями и оставляли села на разгром своим «факельщикам». Уничтожалось все, что попадалось им на глаза: люди, скот и строения. В этих «зондеркомандах» командирами были, как правило, немецкие офицеры, а исполнителями — выродки из местных жителей.

Причем действовали они более жестоко, чем немцы, боясь оставить живых свидетелей своих преступлений, творили ужасающие погромы.

За прошедшие дни мы хорошо изучили близлежащую местность и подходы к станице Первозвановка, хутору Грачики и немецкому поселению им. Розы Люксембург. Однажды ночью попробовали побеседовать с жителями крайних домов этих населенных пунктов. От них узнали, где живет староста, где размещаются полицейские, как несут по ночам охрану. Постоянного гарнизона в станице Первозвановка и в немецком поселении не было. Немцы сосредоточили в них крупные полицейские формирования и усиливали их за счет убегающих полицейских подонков из освобождаемых нами сел.

После возвращения я встретился с командиром роты и изложил ему свой план действий назавтра в этой станице; а пока отправил туда наблюдателей.

Однако обстановка резко изменилась, и командир роты принял другое решение. Мне поручалось отобрать разведчиков для глубокой разведки в тылу у немцев в районе шахты БИС-4. По данным агентурной разведки было известно, что фрицы возобновили добычу угля на этой шахте, используя в качестве рабочей силы наших военнопленных, и наладили вывозку угля по железной дороге в сторону Луганска.

Перед уходом в немецкий тыл было рассмотрено два возможных варианта наших действий. Первый заключался в том, чтобы освободить наших военнопленных из бараков, охраняемых немцами из «зондеркоманды». Затем частично вооружить их за счет оружия убитых немцев. По этому варианту немцы подлежали уничтожению, так как у нас не было возможности их «таскать» по их же тылам. Вооруженной группе военнопленных надлежало поставить задачу и указать направление перехода линии фронта в наше расположение. Этот вариант имел свои «плюсы» и «минусы». Если бы все прошло удачно с освобождением военнопленных, их частичным вооружением, нужно было поднять смену из забоя, раздать немецкие продукты, проинструктировать и отправить в наше расположение, самим взорвать шахтные подземные механизмы вместе с «копрами». На все это потребовалось бы много времени, немцы могли всполошиться, перекрыть пути отхода, организовать погоню и в бою уничтожить и нас, и группу, сформированную из военнопленных.

Второй план был иным. Нам нужно было выйти к железнодорожному переезду и взорвать небольшой железнодорожный мост через балку. Это сорвало бы немецкие перевозки не только угля, но и живой силы и техники. При этом

мы не были бы связаны ни с какими посторонними людьми. Нам было известно, что все мосты и железнодорожные переезды хорошо охраняются. Для выполнения задачи необходимо было скрытно подойти к переезду и железнодорожному мосту, снять часовых и уничтожить охрану. Часовых желательно убить, а охрану — как получится.

После того, как мы оценили обстановку на месте, словесно «проиграли» оба варианта, пришли к выводу, что второй более разумный. Решили начать с железнодорожного переезда. Получилось нормально — так обычно отвечали на фронте. Ответ на все удачные действия был один — «нормально». Как живешь? — Нормально. Как воюешь?

— Нормально. Как кормят? — Нормально.

При переезде находился «цивильный» служащий и два эстонца, служившие в немецкой армии. Они рассказали, что мост с каждой стороны охраняют пять полицаев и два немца. Часовые по одному человеку стоят на подъезде к мосту, смена происходит через два часа. Во время смены фельдфебель курсирует по мосту в обоих направлениях. Свободные от дежурства полицаи и немцы обычно спят в землянках или играют в карты. Днем у входа в землянку часового нет, а на ночь выставляется добавочный пост. Раз в день немцы посылают одного полицая на соседний хутор за «горилкой» и провиантом. Проверяющий охрану моста обер-лейтенант бывает один раз днем, в обед, и один раз ночью.

Через переезд каждые 1,5–2 часа следует состав. Немцы вывозят в больших количествах различные продукты, технику и сырье, включая металл, уголь и древесину.

Не упустили и такой любопытной детали. Два раза в день немцы заставляют пленных вручную проталкивать с переезда через мост пустые «полувагоны» на шахту БИС-4 для погрузки угля. Когда на шахте заполняется пять вагонов, приходит паровоз. На паровозах работают местные железнодорожники, а охрану несут немцы. Через полчаса приводят пленных, их обычно ведут строем по двое, всего 16 человек, сзади сопровождают два немца с автоматами, летом с собаками, а сейчас нет.

Посоветовавшись, приняли решение: у эстонцев отобрать оружие, связать их и затолкать под нары в сторожевой будке. Двоих разведчиков переодеть в немецкую форму и оставить в сторожке у дежурного. Немецкие машины, как правило, на переезде не останавливались. Дежурного я проинструктировал, как вести себя в различных ситуациях. При этом наказал своим разведчикам уничтожить его без предупреждения, если заметят что-то подозрительное в его поведении. Мы отошли к навесу, куда приводили пленных и укрылись за щитами от снежных

заносов. Время шло медленно, нервы были напряжены до предела, постоянно беспокоила мысль: вдруг не удастся убрать немецкую охрану без шума. Шум мог всполошить немецкую охрану на мосту, и ее пришлось бы выбивать с боем, а это взбудоражило бы всю округу.

Наконец показалась группа пленных с конвоем. Конвоировали их не два немца, а три. Роли по уничтожению конвойных быстро перераспределили. Поравнявшись с будкой на переезде, один из немцев направился к ней и зашел в дежурку. Там его уже «ждали» наши разведчики, и все кончилось без шума. Когда «хвост» группы пленных поравнялся с засадой, с немцами было покончено вмиг.

Пленные заволновались; когда мы перебили охрану, некоторые пытались бежать, пришлось пригрозить расстрелом. Собрав их вместе, я объяснил, что они должны делать, как вести себя.

С одной стороны, все казалось просто. Наши солдаты и офицеры, бывшие пленные, как обычно толкают полувагон в направлении моста. Наши разведчики сидят сверху в открытом полувагоне, и, как только он поравняется с постом наблюдения у моста, трое разведчиков, переодетых в рваные шинели пленных, снимают без шума часового. В это время из вагона выпрыгивают несколько разведчиков и блокируют землянку.

Пленные с нашими разведчиками продолжают толкать вагон дальше через мост ко второму посту наблюдения и проделывают аналогичную операцию. Все так и произошло: просто, буднично, как на обычной работе. Война — это тяжелая работа, и выполняли мы ее без показухи, на совесть.

Когда вагон прошел мост и поравнялся с полицейским постом, разведчики прирезали охранника отработанным ударом ножа сзади через правое плечо. Правильно выполненный удар обычно поражает сразу в сердце и не вызывает шума.

Часового «убрали», разведчики выпрыгнули из вагона через борт, бросились к землянке и тут произошло замешательство: позади землянки сидел фельдфебель, повернувшись к разведчикам голым задом. Убивать им приходилось по-разному, в различной обстановке, но так … — первый раз. Когда он увидел наших разведчиков, поднял руки, что-то забормотал, штаны спущены на коленки… В таком виде он и отправился в «лучший мир».

Когда в землянке перестреляли полицаев, одного не досчитались. Поняли, что он ушел на хутор за самогоном и провиантом, так как время подходило к обеду.

Бывшие пленные оттолкали вагон на запасной путь и

вернулись к нам. У них было очень сложное положение. Все зависело от того, какое я приму решение. Им было приказано взять оружие, кто хочет его иметь, переодеться в теплое обмундирование, конфискованное у убитых немцев и полицаев, разделить все продовольственные запасы.

Одного разведчика, переодетого в немецкую шинель, поставили на пост у моста. Сержант Старостин вошел в землянку и из автомата перестрелял всех дремавших полицаев и немцев, сидевших за столом. Когда подсчитали убитых, одного полицая тоже не оказалось. Разведчики предположили, куда он ушел, но забеспокоились, что могли прозевать его или что он мог слышать выстрелы, будучи недалеко от землянки. Тем не менее они поступили правильно: у моста поставили часового в немецкой шинели, трупы раздели и выбросили в овраг, оружие собрали, усилили наблюдение.

«Наш» полицай пришел быстро и, ни о чем не подозревая, с восторгом и поднятой бутылью самогона ввалился в землянку. В мешке за спиной у него лежало сало, украинская домашняя колбаса, свежий хлеб, жареная свинина, лук и чеснок. Все это было кстати. Отправив полицая в иной мир, мы наскоро перекусили вместе с освобожденными пленными.

Среди них было два офицера, один — капитан, второй — лейтенант. Оба из одной части, в плен попали под Каменском во время летнего наступления немцев под Сталинградом. Я предложил каждому взять солдат из пленных, раздать оружие, боеприпасы, продовольствие. Объяснил, в каких направлениях лучше двигаться, где вероятность встречи с немцами минимальная, на переднем крае наших войск вести себя спокойно, не бегать и не суетиться, иначе могут принять за немцев или власовцев и всех перестрелять.

Время поджимало. Попрощались с новым «пополнением», пожелали им удачи, чтобы двигались быстро, на хутора не заходили, дороги пересекали осмотрительно, в стычки с полицаями не вступали и помнили, что после нашего взрыва моста, немцы поднимут тревогу, организуют преследование.

Те спустились в овраг и отправились в путь в указанных направлениях. Перед уходом я нарочно громко объявил, что их путь мы будем контролировать и после взрыва моста пойдем по их следу. Сам я принял другое решение. Скоро к часовому у моста, где была первая землянка, подошел полицай с продуктами. Еще издали он закричал: «Микола, давай сюда, помоги, мешок тяжелый.» Наш часовой растерялся, не зная, как поступить: пойти навстречу к полицаю или стоять на посту? Полицай продолжал ругаться, сел на рельсы и стал звать Лысова на подмогу. Часовой

молчал. Кто-то из разведчиков вышел из землянки, полицай, увидев человека в маскхалате, бросил мешок и сумку и дал деру. Часовому ничего не оставалось, как открыть огонь на поражение. Полицай был убит. Открытая стрельба нас очень встревожила. Мы ждали обер-лейтенанта, это был хороший «язык», но если он уже в пути и услышит стрельбу, то повернет обратно.

Посоветовавшись с разведчиками, принял решение — ждем еще 20 минут, если его не будет, привязываем гранату изнутри к ручке входной двери и уходим. Если кто-то попытается открыть дверь, чека гранаты выдернется и произойдет взрыв.

К отходу все было готово, мост заминировали, бикфордов шнур вывели к насыпи дороги. Дверь землянки заминировали гранатой, теперь в нее уже нельзя было войти. И в это время из-за поворота выскочил мотоцикл с коляской. В ней находился обер-лейтенант, а управлял мотоциклом лейтенант РОА. Немец должен был ознакомить его с режимом несения службы по охране моста и передать свои полномочия. Мотоцикл подъехал к мосту, из коляски вылез обер-лейтенант. Я подошел к мотоциклу со стороны офицера, второй разведчик подошел к власовцу. Офицеры все поняли, а, увидев приближающихся разведчиков, окончательно растерялись. К бою они не были готовы, власовец попытался удрать, но, получив сильный удар автоматом по голове, сник.

Обер-лейтенант получил назначение в одну из частей немецкой армии, которая должна была сдерживать наше наступление. Двоих тащить в наш тыл было накладно. Коротко допросив власовца, получили весьма скудные сведения. Он, видимо, рассчитывал, что мы и его поведем с собой, а в штабе при допросе он попытается поторговаться в надежде получить какое-либо снисхождение. К власовцам, как правило, сочувствия не было, их расстреливали. Он был уроженцем Саратова. Фамилию его не называю, возможно, еще живы его родственники, и не стоит тревожить их души. Приговор он прочитал по нашим глазам, пощады не просил, смерть принял достойно.

У обер-лейтенанта отобрали оружие, документы, планшетку с картой. Его «бортхартлюгер» (пистолет) я взял лично себе, а тот, что был у власовца, приготовил для подарка в штабе. Немецкие парабеллумы ценились нашими офицерами и были предметом зависти многих.

Немцу руки связали спереди, чтобы он мог более свободно двигаться и не задерживал движение. Обе группы разведчиков собрались вместе, одна пошла в сторону хутора Грачики, вторая осталась со мной взрывать мост. Договорились встретиться в овраге у станицы Первозвановка перед шоссейной дорогой, чтобы

уходить вместе.

Когда наши разведчики ушли, мы еще раз проверили заряды, приготовленные к взрыву моста, и остались ждать проходящего поезда. График движения дал нам обер-лейтенант. В запасе у нас было еще 12–15 минут. Мы замерли, время тянулось медленно, нервы были напряжены до предела. Разговоры прекратились, мы только тревожно переглядывались. Когда вдалеке едва послышался стук колес, вздохнули с облегчением.

У моста остался один разведчик, остальные спустились в овраг и отошли. Поезд медленно приближался, и когда расстояние от моста до паровоза стало «расчетным», разведчик поджег бикфордов шнур и скатился с насыпи.

Паровоз успел проскочить мост, прозвучало два взрыва, мост осел, затем середина его провалилась, увлекая за собой вагоны. К сожалению, вагоны были пустыми, видимо, подавался порожняк для эвакуации награбленного имущества, а возможно, и для эвакуации раненых.

Мы прибавили шагу и в хорошем темпе пошли несколько в сторону от направления движения первой группы. Нам казалось, что проведенная нами диверсионно-разведывательная операция была наиболее удачной за последнее время. Двигались мы быстро, но какое-то недоброе предчувствие гнало нас вперед. Через час, сильно разогретые, сделали первый привал в небольшом лесу. Сколок леса располагался в середине большого поля. Дозоры выставлять было не нужно, кругом открытое пространство, и местность хорошо просматривалась. Мы знали, что времени на отдых у нас мало: немцы после взрыва моста организуют преследование и на наиболее вероятных направлениях нашего движения попытаются организовать засаду.

Ели быстро, запивали самогоном; тщательно осмотрели свое снаряжение, все лишнее, что могло помешать движению, зарыли в снег. Проработали варианты дальнейшего движения. Достав из планшетки карту, я показал наиболее вероятные, на мой взгляд, места немецкой засады.

Я рассуждал примерно так: немцы вряд ли могут допустить мысль, что мы днем рискнем проскочить большую станицу Первозвановка. Наш путь движения, наиболее логичный для них, — восточнее станицы по большой балке, которая уходит далеко в сторону нашего переднего края обороны. Я предполагал за них и второй вариант нашего отхода к линии фронта — это в 1,5–2 километрах западнее станицы через старые заброшенные шахты и лесные перелески, удобные для маскировки.

Нами было принято решение — идти на соединение с первой группой разведчиков и, если их не обнаружили немцы, быстро

пересечь шоссейную дорогу и сделать попытку с ходу проскочить через станицу на противоположную окраину.

Часа через полтора мы вышли на след первой группы, осмотрелись и убедились, что их никто пока не преследует. В какой-то яме, а, может быть, это была старая воронка от разрыва тяжелого снаряда или бомбы, сделали очередной привал. Слегка отдохнули, вновь перекусили, завернули по цигарке, перекурили и — в путь.

Мы шли по глубокой балке и чувствовали, что догоняем группу. По нашим расчетам скоро должно было показаться шоссе, а перед ним — место встречи с нашими разведчиками. Прошли еще какое-то время, овраг перешел в широкую балку с невысокими краями, двигаться пришлось более осторожно. Мы растянулись в длинную цепочку, аккуратно ступая след в след, и усилили наблюдение за «воздухом» и по сторонам. Впереди балка поворачивала вправо и имела несколько ответвлений. Подошли к повороту и увидели наших разведчиков, отдыхавших после длительного перехода. Настроение улучшилось, и мы ускорили шаг. Нас тоже увидели и обрадованно замахали руками. Мы подошли к ним, сделали привал, выставили наблюдение за впередипроходящим шоссе, обменялись мнением о проведенной операции и дальнейшем движении вперед. Мнения разошлись. Я вновь достал карту и попросил по карте уточнить все возможные варианты нашего движения, аргументировать их; поставив себя на место немцев, указать места, удобные для того чтобы устроить нам ловушку.

После некоторых споров все-таки решили принять мой вариант — прорываться через станицу. Ждать ночи мы не могли, важно было использовать выигранное у немцев время. Тем не менее каратели, наверняка, уже успели прибыть к взорванному мосту и все продумали. Одна группа, возможно, идет по нашему следу с собаками, а другие организовали засады.

Этот вариант преследования я имел в виду, когда отправлял первые две группы бывших военнопленных по разным направлениям. Не случайно и наша первая группа разведчиков с «языком» шла совсем другим путем. Немцам, когда они появились у моста, пришлось решать, какая из групп идет с захваченным обер-лейтенантом, а какие группы выполняют отвлекающий маневр.

Мы прошли еще значительное расстояние по балке, почти приблизились к дороге, по которой через каждые 15–20 минут проходили машины и мотоциклы. Перед станицей залегли, замаскировались и начали наблюдение.

Мы заметили за дорогой, у самой окраины станицы, гумно и

большой открытый ток. Нужно было выбрать время в интервалах движения на дороге и проскочить в большой сарай, не привлекая к себе внимания.

Разделились на три группы, две поползли ближе к дороге, третья осталась для прикрытия на случай, если немцы идут по нашим следам. Группа, в которой находился обер-лейтенант, форсирует дорогу первой, вторая обеспечивает ее бросок через дорогу к сараю. После прохода первой группы третья подползает к месту, где была первая, и помогает перебраться через дорогу второй группе.

Мы нервничали, наш переход к сараю проходил очень медленно. Однако до сарая добрались благополучно, оставалось пересечь станицу и выйти к старому противотанковому рву, который был выкопан летом 1941 г. Казалось, все просто, удача сопутствует нам, но не тут-то было. Когда дела идут слишком хорошо, значит, где-то получился «прокол». И беда не заставила себя ждать.

Еще раз перекурили, доработали план: одна группа цепочкой рассредоточивается вдоль улицы, что ведет на противоположную сторону станицы; вторая — как можно быстрее доставляет обер-лейтенанта к противотанковому рву, третья прикрывает отход. Но, как только мы оказались на улице, весь план пошел наперекосяк. Мы были уверены, что о нашем пребывании в сарае никто не знает. Оказывается, кто-то из жителей заметил, что группы вооруженных людей ползут, а затем короткими перебежками пересекают шоссе и скрываются в сарае. Они поняли, что это не немцы и не полицаи тем более. Значит, в станицу вступают советские войска — так нас называли везде, вплоть до Берлина.

Весть о том, что к ним входят «Советы», моментально разлетелась по станице. Народ вышел на улицы, и все устремились к нам. Нас обнимали, целовали, пытались увести к себе в гости. Кое-как мне удалось угомонить толпу и объяснить, что мы — всего-навсего разведчики и наши передовые танковые части находятся в 7–8 километрах от станицы. Если над кем-то из жителей нависла угроза, им нужно идти навстречу танкам, которые скоро будут в станице.

Такая встреча населения вывела нас из равновесия. Мы поддались общей эйфории, за что скоро жестоко поплатились.

Мы двигались через центр станицы, где собралось много народу. Я решил выступить на импровизированном митинге и рассказать собравшимся о том, что происходит в нашей стране, как живут и работают наши люди в тылу, как идет война, когда будет открыт второй фронт, какую помощь оказывают нам

союзники и т. д. Слушали меня с большим вниманием; население, не получавшее ничего, кроме геббельсовской дезинформации, было заворожено не очень складным моим рассказом. Посыпались вопросы. Я не успевал отвечать.

В это время ко мне подошел разведчик, сержант Семенов, и взволнованно сообщил: «Командир, немцы входят в станицу с двух сторон». Я громко крикнул: «Расходитесь, сейчас начнется бой!» Толпа моментально разбежалась. Я побежал к дому, где остановились разведчики с обер-лейтенантом. Пока я митинговал, мои ребята осмотрели подозрительные дворы и обнаружили в одном из них две запряженные повозки. Пошарили в доме, сарае и из погреба вытащили двух полицаев, связали им руки и ждали моего возвращения. Когда я увидел, что у нас появился транспорт, приказал братьям Старостиным бросить захваченного немца и полицаев в сани и гнать что есть духу по нижней улице, где немцев еще нет. (В роте в одном из отделений воевали два брата Старостины. Когда старший уезжал на фронт, младший уцепился за старшего, и так вместе прибыли на место формирования в Бершеть. Оба хорошо воевали и не раз были отмечены правительственными наградами.) Вдогонку им крикнул: «Если немцы увидят вас и начнут преследовать, с полицаями кончайте, а немца доставьте к нам. Для этого занимайте оборону: один гонит с фрицем к нашим, а остальные огнем прикрывают отъезд».

Немцы уже знали, что мы в станице, знали, сколько нас и где мы примерно находимся.

Я приказал занять соседний двор с толстыми глинобитными стенками вместо изгороди и приготовиться к бою. По взглядам я понял, что всем хотелось скатиться с крутого откоса вниз и устремиться к противотанковому рву, было и у меня такое желание. Но нужно было выиграть время, отвлечь немцев на себя, дать возможность нашим разведчикам «оторваться» от фрицев и полицаев.

Бой был неминуем. Я ободряюще посмотрел на всех и сказал: «Можете открыть фляжки — это вам не помешает». Но никто этого не сделал, было тошно и без водки. Все понимали, что если кто-то чудом уцелеет, возможно, вернется к своим, а если ранят — попадет в лапы к немцам.

Мы разместились за изгородью и ждали приближения немцев, а они почему-то медлили. Я поднял голову, посмотрел вдоль улицы, но фрицев не увидел. И тут мой взгляд упал на окно дома на противоположной стороне улицы. У окна стояла молодая женщина и отчаянно жестикулировала. Я не мог понять, что она хочет передать.

Немцы нас тоже выпустили из поля зрения и теперь пытались уточнить, где мы находимся. Я вспрыгнул на стенку, чтобы посмотреть в том направлении, куда показывала женщина. Оказывается, немец подполз к воротам с другой стороны глинобитной стенки и приготовился бросить гранату в наш двор. Когда увидел меня, второпях дал очередь из автомата в мою сторону. Одна пуля пробила мне левую ногу выше колена, не задев кость. От неожиданности я крикнул и упал прямо на немца. Мы вцепились друг в друга и каждый думал, как скорее добраться до ножа. Семенов перепрыгнул через стенку и добил фрица.

Все это происходило на глазах у немцев, они были где-то рядом, но почему-то не открывали огня, это было загадкой. Вскоре прогремели первые выстрелы. Мы поняли: немцы ждали, когда подъедет машина с крупнокалиберным пулеметом. Пули от пулемета крошили стенку, мы не стреляли. Я приказал: стрелять только наверняка, зря патроны не расходовать — запас был невелик, а подносить некому. Вскоре и мы стали «огрызаться», когда фрицы начали наглеть и перебежками приближаться к нам. У них появились первые убитые и раненые. Я приказал двум разведчикам пробраться дворами поближе к пулеметной установке и забросать ее гранатами. Уничтожить ее не удалось, но немцы вынуждены были откатиться подальше, что сделало ее использование менее успешным.

Немцы еще несколько раз пытались нас выбить из двора короткими атаками, но каждый раз, неся потери, откатывались. У нас я один пока был ранен в ногу, но в азарте боя боли почти не чувствовал.

Бой затягивался, патроны подходили к концу, нужно было принимать решение. Времени для наших разведчиков, мчавшихся на лошадях галопом к своим, прошло достаточно.

Двор, в котором мы вели бой, примыкал к обрывистому спуску. Я приказал кубарем скатиться по обрыву и бегом устремиться в противотанковый ров. Это, видимо, была моя непоправимая ошибка, бой нужно было вести до конца во дворе и стремиться, как можно дороже «продать» свою жизнь.

Немцы предвидели этот вариант отхода и приняли все меры для нашего уничтожения. Когда мы выскочили из «мертвой» зоны наблюдения на ровное место, немцы открыли ураганный прицельный огонь из автоматов и винтовок. Разведчики стали падать один за другим, оказывать друг другу помощь в этой ситуации было невозможно. Я бежал последним, раненая нога сдерживала движение. Впереди бежал сержант Семенов, кто бежал рядом я уже не видел. Обычно, когда рассказывают об эпизодах своей жизни на войне, говорят, что страх со временем

проходит. Мне на войне всегда было страшновато, и, если бы я не был офицером, не знаю, как вел бы себя в бою в разных ситуациях. Но я был командир — и этим все сказано, страх подавлялся силой воли. И сейчас страх заставлял меня бежать изо всех сил. Оставалось метров двадцать-тридцать до противотанкового рва, бежавший впереди Семенов упал, видимо, был тяжело ранен, запнувшись за него, и я полетел в снег. Быстро вскочил на ноги — и в это время разрывная пуля ударила по правой ноге. Все поплыло перед глазами … Наступил черный мрак. Это было третьего февраля 1943 г.

* * *

Пройдет много времени, будут мучительные переживания, почему, почему не застрелился? Что это — трусость или элементарное чувство борьбы за жизнь?

Впереди — тернистый путь через Польшу и Германию, побег из ада и многое другое. Трудным был этот путь, но я выдержал, не сломался.

Забегая вперед, скажу, что разведчики привезли целыми и невредимыми обер-лейтенанта и полицаев. В 1973 г. в Осе, на рыбалке, я случайно встретился со своим бывшим командиром роты Г. Барышевым. Он дослужился до подполковника, последняя его должность — райвоенком Осинского района. Из армии его уже уволили, и он возглавлял рыболовецкую артель в г. Осе.

Вначале он не узнал меня, а, может быть, сделал вид, что не помнит. Я рассмеялся и сказал: «Что же ты своего офицера не узнаешь?» Он как-то растерялся, засуетился, крикнул своим ребятам из бригады, чтобы развели костер, сварили уху.

Стали восстанавливать детали, он припомнил, что, когда привезли пленных и Старостин доложил о проведенной операции, в штабе находился командир корпуса. Он знал многих по фамилии и помнил в лицо разведчиков, с которыми ему приходилось встречаться.

«Не тот ли это командир, который „затащил“ немцев на минное поле?» «Тот самый», — ответили ему. «Какую он получил награду за ту операцию и проведенную разведку?» Вместо ответа было тягостное молчание. «Приготовьте документы к представлению на „героя“ и дайте отпуск на три недели. Когда вернется, доложите в штаб корпуса».

Штаб корпуса не дождался моего возвращения. Мать получила похоронку, которую как реликвию я храню и сейчас. В ней сказано: «Ваш сын Ларионов О.П., уроженец Молотовской

области станция Верещагино в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 3 февраля 1943 г., похоронен в районе хутора Первозвановка Успенского района Ворошиловграде кой области».

Глава III
КОШМАР В АДУ

Все, только что случившееся в станице Первозвановка, промелькнуло перед глазами, как кошмарный сон. Оценить происходящие события не было времени.

Огонь прекратился. Я попробовал опереться на ноги и сделать бросок к противотанковому рву. Острая боль не позволяла подняться, а ноги вдруг стали какими-то чужими. Разрывная пуля ударила по нижнему краю полушубка, разорвалась и выдрала большой кусок мяса сзади правого колена. Рваная рана была очень большой, примерно в две развернутые ладони. Я лежал и не шевелился. Мозг напряженно работал, но я никак не мог принять решения. Я знал, что немцы наблюдают сверху с бровки оврага и готовы пресечь огнем из автоматов любую мою попытку что-нибудь сделать. Они могли поиграть со мной, как с «мышонком», дать возможность приподняться, а затем прихлопнуть меня «лапой». Я провел рукой с боку полушубка и зацепился за ремешок планшетки. Я помнил, что в ней никаких документов, представляющих интерес для немцев, не было, там лежали несколько листов чистой бумаги и карта данного участка местности с обозначением переднего края примерной обороны немцев. Наш передний край обороны на своих картах мы, как правило, не отражали — свою обстановку знали хорошо. Обычно оперативная обстановка на картах наносилась только у высших офицерских чинов. В планшетке лежала также фотография 9х12 моей соученицы — Маргариты Зайцевой. Письмо с фотографией она прислала мне в поселок Юг, когда наша 58-я мотострелковая бригада только еще начала свое формирование.

Маргаритка, как мы ее называли в классе, была неординарной личностью, пользовалась уважением учителей и одноклассников. Училась только на «отлично», причем без всякого напряжения и зубрежки, она действительно была одаренной. Близкой дружбы в школе у нас с ней не было. Вместе участвовали в школьной самодеятельности, она и в ней преуспевала, очень любила театр. Я тоже увлекался театром и частенько видел ее в драмтеатре с подружкой по парте — Тамарой Гуниной. У обеих судьба оказалась непростой.

Маргаритка влюбилась еще в восьмом классе в десятиклассника Игоря Кисенко. Все в школе знали о ее безответной любви. Девчонки, кто завидовал ей, кто злорадствовал. Игорь был симпатичный черноглазый парень,

учился тоже только на «отлично». О любви Маргаритки знал, уважал ее, но взаимностью не отвечал. Однажды на уроке физкультуры он сломал руку, и она в школу и из школы носила его портфель. Ребята подшучивали над ней, но она была постоянна в этом чувстве.

В жизни все проходит как-то само собой, прошло и ее увлечение Игорем Кисенко.

(В ту пору вместе с Игорем учился еще один девичий сердцеед — Глеб Романов, впоследствии ставший знаменитым киноартистом, достаточно вспомнить только два фильма, в которых он исполнял главные роли, — это «Матрос с „Кометы“» и роль Вани Туркенича в фильме «Молодая гвардия». Школьные девчата были от него без ума, при встрече на улице за квартал «обсикали» коленки.)

А судьба действительно была непростой у Маргаритки. Отец у нее был военным, в 1938 г. его арестовали по стандартному обвинению за «шпионаж в пользу иностранной разведки». Эти предвоенные годы прошли черной полосой в жизни многих сотен советских командиров. К счастью для нее, хотя в школе, а тем более в классе все знали о трагедии в ее семье, никто не отвернулся от нее и не выражал чувства неприязни. В своем письме ко мне она спросила, не испугаюсь ли я, если она возьмет и приедет ко мне из Тюмени? В душе я был бы рад ее приезду, но пришлось ответить, что лучше не приезжать, так как мы скоро отправляемся на фронт, я очень занят, да и расставание будет непростым.

В голове промелькнули воспоминания, как она почти ежедневно приходила ко мне в госпиталь, пока я лечился после ранения.

Я сорвал планшетку с плеча и зарыл в снег рядом с собой, где лежал. Приподняв голову, заметил, что несколько немцев с автоматами наготове перебегают от дерева к дереву по направлению ко мне. Что делать? Извечный вопрос… Достал пистолет, мысленно попрощался почему-то только с Маргариткой, ясно представив ее лицо, сунул ствол в рот, нажал на спуск. Как мне показалось, раздался оглушительный щелчок, но выстрела не последовало. Второй раз испытывать судьбу не хватило мужества. Чтобы не привлекать внимания немцев, пистолет засунул в снег, рядом с планшеткой. Впоследствии немцы найдут пистолет и покажут, что в обойме не было патронов, все были израсходованы в перестрелке. Тогда я понял, почему моя глупость застрелиться не увенчалась успехом.

К этому эпизоду в жизни часто возвращаюсь и сейчас, особенно по ночам, когда вспоминается тот кошмар и все сцены

этого эпизода проходят перед глазами. За долгое время пребывания в концлагерях последние месяцы моей службы в армии и все, что произошло в Первозвановке, анализировались часто. Будучи беспощадным к себе в оценке трагических событий, вынес суровый приговор: во всем происшедшем 3 февраля 1943 г., в гибели моих солдат и младших командиров, в неправильно принятых решениях, в своих «дурацких» ранениях повинен только я один. Этот самосуд я буду продолжать до конца своей жизни.

Я лежал и не шевелился, в душе теплилась слабая надежда — может быть, немцы сочтут меня за убитого и пройдут мимо. Снег заскрипел. Вначале я услышал их бормотание, а затем получил крепкий пинок кованым немецким сапогом по правой ноге. Я невольно вздрогнул и понял, что они не сомневаются в том, что этот русский еще живой. Они начали меня пинать, при этом ругаясь на русском и немецком языках: «Руссиш швайн, ауфштеен, ауфштеен! (Русская свинья, вставай, вставай!)»

Попытки встать на ноги не увенчались успехом. Подошел обер-лейтенант, обшарил мои карманы и сказал солдатам, чтобы они прекратили издеваться. Он что-то еще сказал одному из солдат, тот бегом побежал в гору к ближайшим домам. Вскоре немец вернулся с большим стиральным корытом, к которому была привязана длинная веревка. Офицер дал команду, солдаты положили меня в корыто и потащили кверху в станицу, где стояла машина с крупнокалиберным пулеметом.

Немцы сразу определили, что я командир, видимо, по полушубку — он был качественнее, чем у рядовых солдат. Под полушубком поверх гимнастерки на мне была надета немецкая форма. Так мы одевались всегда, когда уходили в немецкий тыл для глубокой разведки и диверсий.

Когда меня подтащили к машине в стиральном корыте, мне было стыдно смотреть в глаза женщинам, которых собралось много, и они толпились в сторонке в нескольких шагах от меня. Вспоминаю, как две очень отважные молодые женщины подошли к немецкому офицеру и стали просить оставить меня им на лечение. Они предлагали немцам за меня выкуп. Но все было напрасно, немец на них закричал, а жителей подошло уже очень много, он, видимо, испугался и дал команду унтеру, который стоял на машине за пулеметом, дать очередь поверх толпы.

Все испугались, они знали, что может за этим последовать, и разбежались, а две женщины так и остались стоять рядом. Они еще долго умоляли отдать меня им на лечение. В это время подошли полицаи и отогнали их палками. Я успел им крикнуть, чтобы они рассказали все, что видели, нашим передовым частям, которые должны были вскоре занять эту станицу.

В это время к машине подъехал мотоцикл с коляской, за рулем сидел молодой лейтенант. Немцы о чем-то переговорили, затем обер-лейтенант приказал посадить меня в коляску, и мы поехали в тыл к немцам в станицу Грачики. В этой станице располагался штаб дивизии немцев, и раньше она была объектом моего внимания.

На дороге движения не было, все замерло. Видимо, немецкий штаб дивизии знал, что к станице Первозвановке дорога перехвачена нами, но еще не имел точных данных, что дорога уже отбита, а мы в станице разгромлены.

Я сидел и лихорадочно соображал, что можно предпринять в моем положении. Впереди сидел лейтенант, его можно столкнуть, но сзади него сидел солдат с автоматом. Я обшарил руками коляску мотоцикла, но в ней ничего не было. Второй пистолет, немецкий «парабеллум», был выброшен еще в станице после перестрелки, когда кончились патроны, а свой «ТТ» пришлось сунуть в снег, так как его обойма также была пустой. Я как-то сник и с грустью смотрел по сторонам. Немец, сидевший за рулем, пытался со мной заговорить, спросил, сколько мне лет?

— Двадцать.

— Значит, мы с тобой одногодки. Сколько времени ты на фронте и где воевал?

— Под Москвой в 1941 г. и вот сейчас под Сталинградом, точнее, уже под Ворошиловградом.

Он покосился на меня и произнес:

— Ворошиловград еще наш.

Я ответил, что на днях его возьмут наши. К моему удивлению, он не обиделся и не возражал.

Проехали еще какое-то время, и он произнес:

— Для тебя война кончилась, а вот мне еще придется повоевать и думаю, что летом мы с вами расквитаемся. Мы вас все равно добьем.

— Вряд ли, — возразил я. — Летом наши союзники — англо-американцы — должны открыть второй фронт.

— Мы им не позволим, — был ответ. — Один раз они сунулись в Дюнкерке, да все и остались там, кто землю удобрять, кто рыб кормить. Думаю, вряд ли у них еще появится желание с нами «встретиться». Они не так упорно и дерзко воюют, как вы. Кстати, воевать мы вас научили на свою шею. Надо было вас раздолбать еще в 41-м под Москвой.

Мотоцикл часто останавливался, солдат слезал с сиденья и осматривал впереди дорогу, заснеженные поля и кромки оврага, которые подходили к дороге. Я понял, что их беспокоит. Мы приближались к комбайну, брошенному еще летом 1941 г. Это

было то место, где еще совсем недавно из засады за этим комбайном мы «завалили» два немецких мотоцикла и прихватили двух рыжих фрицев. Все это мгновенно промелькнуло в памяти, глаза повлажнели от радости, но сразу же так стало больно в душе, что я заскрежетал зубами и готов был завыть волком от бессилия и злобы за свою глупость. Перед глазами все еще стояла картина, как мы по этому оврагу гнали рыжих фрицев в наш тыл.

Вот она судьба. Говорят: убийца, грабитель или насильник приходит на место своего преступления. И мне, видимо, нужно было испытать свою судьбу.

Как мы все радовались захвату двух «языков», и как горько было сейчас осознавать, что свой язык засунул немцам в лапы по своей идиотской глупости. Да, судьба есть судьба. Недаром говорят, что если тебе суждено быть повешенным, то ни в огне не сгоришь, ни в воде не утонешь, а обязательно будешь повешен.

У комбайна мотоцикл остановился. Немцы оставили меня в коляске, осмотрели бровку оврага, свежих следов не было. Я повернул голову в сторону и пытался отыскать глазами тот старый тригонометрический пункт, с которого буквально несколько недель назад вел наблюдение за передвижением немцев по дорогам между станицами, в том числе и за этой дорогой.

Была какая-то надежда, а вдруг на вышке сидят наши разведчики, ведут наблюдение и ждут нашего перехода через линию фронта в этом месте. Тригонометрический пункт я так и не увидел, его, видимо, спилили немцы. Фрицы о чем-то громко разговаривали, жестикулировали, и один из них часто рукой показывал на меня и произносил проклятья в мой адрес.

Пока мы стояли, подошла машина с пулеметной установкой. Немцы спрыгнули с нее и все собрались около разобранного комбайна, громко разговаривая между собой. Один из них ходил вокруг комбайна, размахивал руками, зачем-то показывал в сторону оврага и с гневом кивал головой в мою сторону. Я понимал, что они говорят о той засаде около комбайна, которую мы устроили совсем недавно, при этом убили двух немцев и двоих увели в плен. Немецкая машина с пулеметной установкой, видимо, тогда, поздно вечером, останавливалась на этом месте, подобрала убитых и для острастки и очистки совести дала несколько длинных пулеметных очередей вдоль оврага и по отдельным снежным бугоркам на поле.

Немцы подошли к коляске мотоцикла, один вскинул автомат и дал очередь над моей головой, злобно ругаясь и озверело глядя на меня. Как ни странно, страха и ненависти к нему у меня в это время не было. Наступило какое-то полное безразличие к своей

судьбе, в душе я даже был рад скорой смерти. Немец вплотную подошел к коляске и прикладом автомата ударил меня по голове. Обер-лейтенант прикрикнул на него и тот отошел в сторону, осыпая меня проклятьями. Офицер спросил, знакомо ли мне это место?

— Нет, — ответил я.

— Кто устроил засаду на мотоциклистов?

— Видимо, партизаны.

— Перестань нести чушь, никаких партизан в этом районе нет.

Я молчал.

— Ничего, к этому мы еще вернемся.

Немцы влезли в машину, мотоцикл застучал мотором и мы поехали к станице Грачики. У въезда в станицу по обеим сторонам дороги лежало до роты немецких солдат. Машина и мотоцикл остановились. Офицер объяснил, что дорога свободна и можно начинать движение. Мотоцикл подъехал к одному из домов, и по паутине проводов я понял, что в нем размещался штаб дивизии.

Лейтенант вошел в дом, я остался с солдатом. Глядя на меня, солдат повторял:

— Бальд, бальд, капут, — повторял он, показывая руками, как меня вздернут на веревке.

Из штаба вышел молоденький унтер и приказал солдату взять меня за ноги, сам прихватил за плечи и потащили в дом. В голове мгновенно промелькнул эпизод, когда захваченную в плен группу итальянских солдат сразу же после допроса вывели из штаба и за околицей в овраге расстреляли. Я все это видел и не мог понять, к чему такое зверство. К пленным у меня не было ненависти.

В комнате было много офицеров, беспрерывно работала рация, велись переговоры, отдавались приказы.

Меня перетащили в соседнюю комнату и посадили на большой кованый сундук. Таких сундуков в российских селах, украинских станицах и хуторах было много.

Немцы искали переводчика, но его не было. На исковерканном русском и плохом немецком языках начался допрос. Еще по дороге в Грачики в коляске мотоцикла предполагал, что допрос состоится и придется отвечать на вопросы. Но как вести себя и как отвечать на вопросы, не мог представить себе.

Все оказалось проще, примерно так же, как и было с теми немцами, которые попадали к нам в плен и которых приходилось вначале допрашивать самому, а затем и в штабе бригады. Разницы при допросе почти не было. Кто насмотрелся фильмов и

видел картинки, как геройски веля себя наши на допросах и как немцы плакали, на коленях умоляя пощадить их и сохранить им жизнь, тот не представлял реальности происходящего. Все было проще: никакого особого геройства, как впрочем и высокомерия, даже у больших немецких чинов, и, как правило, никто пощады не просил. Каждый знал, что его судьба находится в руках того, кто ведет допрос.

В комнату вошли полковник и два майора. Полковник сел напротив и начал задавать вопросы. Вначале спросил, куда я ранен?

— В обе ноги.

— Можешь ходить?

— Нет.

Он что-то сказал майору, тот вышел и вскоре вернулся с двумя солдатами, видимо, санитарами. Они со мной обменялись жестами, уточняя мое ранение, затем стащили с меня полушубок, меховой жилет, валенки и брюки. Наскоро обработали раны и перебинтовали. Чего-чего, а этого я не ожидал. Мне казалось, что со мной поступят значительно хуже.

Но не нужно забывать, что и немцы к этому времени становились другими. Лучшие, элитные войска были разбиты под Москвой и недавно в Сталинграде. Наши части, сломив сопротивление немцев под Сталинградом, окружив и уничтожив 330 тысяч немецких солдат и офицеров, все еще по инерции продолжали теснить их в сторону Крыма, Ворошиловграда, Днепропетровска и Воронежа. Но наступательный порыв войск иссякал, фронт уходил вперед, а тылы отставали и не успевали перебазироваться. В войсках ощущался недостаток в горючем, боеприпасах, продовольствии, живой силе и технике. От беспрерывных боев солдаты вымотались, обносились и завшивели. Необходим был отдых.

А у немцев положение было еще хуже: удирая от наших наступающих частей, они бросали технику, иногда склады с горючим, несли большие потери в живой силе. Пополнение в живой силе из новых солдат, прибывших из Германии, Румынии, Италии и Испании, было уже не то, что в 1941 г., когда они начинали войну против нашего государства. Беспрерывные бомбежки городов англо-американской авиацией дали понять им, что такое настоящая война. Все это изменило их отношение к русским военнопленным. Да и пленные для немцев были сейчас редкостью, а поэтому ценились дорого.

Видимо, все эти обстоятельства и предопределили более лояльное ко мне отношение. Первое, что они спросили, почему я в военной немецкой форме и откуда ее взял?

— Для меня это обычная форма, когда приходилось уходить в ваш тыл и вести наблюдение за дорогами, — ответил я, — а взял ее в нашей трофейной команде.

Далее шел обычный протокольный допрос: фамилия, имя, отчество, год рождения. Сказать пришлось правду, так как по своей глупости, уходя в тыл к немцам на задание, хорошенько не проверил все свои карманы и в кармане гимнастерки, под немецким кителем, остался комсомольский билет, который мне давно уже следовало обменять на новую кандидатскую карточку ВКП(б).

Немец дотошно начал уточнять детали: что это за билет и за какие заслуги он вручается коммунистам?

— Я еще не коммунист, а только комсомолец, ну, это примерно то же самое, что у вас гитлерюгенд.

Когда с меня сняли немецкий китель и обыскали еще раз, немец спросил:

— Ты комиссар?

— Нет, командир.

— А почему у тебя на рукаве нет золотых треугольников? У всех командиров они есть, их нет только у комиссаров.

— Гимнастерку получил новую, не успел пришить.

— Почему нет знаков различия? Кто ты по званию?

Здесь я решил схитрить, новой формы с погонами у меня еще не было, а «кубари» на «шпалу» еще не поменял, да и не было смысла, ждали полевые погоны.

Ответил:

— Лейтенант, командир взвода.

Допрос шел нудно, так как переводчика не было и часто возникали тупиковые ситуации.

В основном весь допрос сводился к тому, сколько у нас горючего и откуда мы его получаем? Они знали, что мы далеко оторвались от тыловых баз снабжения, а наши танки все еще были на ходу.

Я неосторожно высказал мысль, а потом начал ее оспаривать, что мы ездим на трофейном горючем. Что тут началось! Два майора в один голос закричали на меня, что я вру, что если они и не успевали вывезти свое горючее, то уничтожали его. Я понял, что офицеры испугались, у них был строгий приказ — при отступлении все уничтожать и сжигать, вплоть до жилых домов. А мы, действительно, часто пользовались трофейным горючим.

Далее, при допросе интересовались, сколько у нас исправных танков? Я этого и сам не знал, но назвал внушительную цифру, они усомнились, но уточнять не стали. Такой ответ их, видимо, устраивал, им было легче объясняться с более высоким

начальством по поводу того, что они отступают перед значительно превосходящими силами противника, особенно в танках и самоходной артиллерии, чего уже фактически не было. Они по инерции откатывались на запад, а мы также по инерции за ними двигались.

После допроса меня отнесли в какой-то дом и положили на кровать. Хозяйке разговаривать со мной запретили. В комнате остался немецкий солдат. Вскоре вновь пришли два немецких штабных офицера и продолжили допрос. Их интересовала численность наших танков и самоходной артиллерии, главным образом, самоходных установок, особенно реактивных («катюш») и артиллерийских танков. Сколько у нас в наличии было этой техники — такими данными я не располагал. Но, как и на допросе в штабе, количество называл полное, по «штату», хотя знал о реальном положении с техникой. Знал, что за весь период нашего наступления ни людьми, ни техникой мы укомплектованы полностью не были. В батальонах людей оставалось до роты, а танков в строю находилось меньше 30 %. Немцы или не имели информации о нашей диверсии у них в тылу, или предполагали, что это сделала другая группа наших разведчиков. Когда они уточняли мою задачу у них в тылу, я объяснил, что наша группа вела разведку в направлении Первозвановка — Грачики и следила за передвижением немецких войск. Другого задания у меня не было.

После допроса мой полушубок и меховой жилет забрал какой-то штабной офицер, валенки, шапка и меховые перчатки тоже исчезли. Мне дали потрепанные немецкие сапоги и какую-то шинель, румынскую или итальянскую, скорее всего румынскую, сейчас уже не помню.

Немцы о чем-то переговорили с хозяйкой, она принесла чашку с кашей, чай и хлеб и попыталась поговорить со мной. Однако разговор не получился, видимо, сценарий разговора был предложен немцами. Она старалась убедить меня, что мне лучше все рассказать немцам о наших частях и планах.

На стенах в комнате было много фотографий, большие фотографии были украшены красивыми украинскими рушниками. Среди фотографий были и такие, на которых красовались молодые ребята в красноармейской военной форме.

— Это ваши дети?

— Да.

— Где они сейчас?

— Вот где эти, — она показала на две фотографии, — не знаю, а вот этот, средний сын, служит в немецкой армии.

— Плохо ему будет, когда вернутся сыновья с фронта.

— Откуда мне знать, вернутся ли они? Сын скоро должен зайти, ты с ним лучше не говори и не спорь, он очень вас не любит. Ваши его дважды ранили.

Переводчика в избе не было, но немцы, видимо, поняли, что разговор со мной идет не в том плане, как им хотелось, и приказали хозяйке идти на кухню. Из штаба пришел посыльный, немцы о чем-то переговорили и быстро ушли.

Самое неприятное для меня началось после ухода офицеров. Так уж сотворила человека природа, что кроме многих прочих вещей ему еще нужно и «грязным» делом заниматься — ходить в туалет. Встать на ноги я не мог, а у хозяйки маленьких детей нет, ночных горшков тоже. Помню, хозяйка принесла какой-то тазик, мучений было много, да и стыдно. Здесь я впервые понял весь ужас своего дальнейшего положения, если меня не расстреляют. В плену очень трудно здоровым людям, а раненому, да еще и не ходячему — кошмар в аду. Ты никому не нужен, для всех обуза и, в первую очередь, для немцев. Сколько в дальнейшем пришлось пережить оскорблений и унижений, трудно все перечислить. Но в какой-то мере мне и здесь повезло. Когда мои муки закончились, и комната была приведена в порядок, вернулся сын хозяйки. Он был одет в форму РОА, обычная немецкая форма с эмблемой власовской армии на рукаве. По его погонам я понял, что у него воинское звание унтер-офицера. Он был в хорошем настроении и сильно возбужден, в штабе ему объявили, что он удостоен какого-то ордена с присвоением очередного воинского звания фельдфебеля и личной благодарности от генерала Власова.

На меня он пока не обращал внимания. Мать приготовила ему ужин и поставила на стол бутыль самогона. Власовец пригласил немца, дежурившего в комнате, разделить с ним его радость, фриц не отказался. Оба хорошо выпили, а хозяйский сын, что называется, изрядно «надрался». Заглянув в комнату, спросил:

— А что за «гусь» лежит на кровати?

Немец объяснил, что это русский офицер, взятый сегодня в плен после тяжелого боя в Первозвановке. Власовец рассвирепел, начал кричать, что он сейчас же вытащит меня на улицу и пристрелит. Немец, видимо, разделял его желание, но дал понять, что никто в комнату входить не должен — таков приказ. Я еще долго слышал их перебранку, затем оба пропустили еще по стопочке. Власовец встал из-за стола и сказал матери, что пойдет спать к русской «комуняке», муж которой, видимо, служил в Советской Армии.

Немцы обычно использовали власовцев во Франции, где они несли караульную службу в укрепрайонах, созданных против англо-американских войск по всему западному побережью

Франции. Особенно мощные оборонительные укрепления были в северной Франции, в Бретани, на побережье пролива Ла-Манш, отделявшего Англию от Франции. Впоследствии здесь произойдет одно из крупнейших сражений англо-американцев с немцами и будет высажен морской десант. Это будет началом второго фронта, открытия которого мы так долго ждали.

Но в последнее время немцы частично отвлекали власовцев от несения службы во Франции и использовали их в войне против нас. Особенно активно они действовали в разведоперациях в ближнем тылу наших войск. Переодетые в нашу форму и хорошо знающие местный язык, обычаи, а некоторые и даже местность, они представляли для наших одиночных машин и солдат, выполнявших различные поручения, большую опасность. Почти каждую ночь пропадали бойцы и офицеры, а их трупы не находили. Как правило, домой шли похоронки, а не извещения о том, что ваш сын или муж пропал без вести. Аналогичную работу выполнял и этот «сукин» сын в нашем тылу, побывал в переделках, дважды был ранен, но судьба хранила его. Как сложилась его жизнь в дальнейшем — не знаю, но если остался жив, то по воле счастливой судьбы он может быть и героем, таких случаев уже больше, чем достаточно. (Глумлениям над чувствами нашего народа нет предела. Как не вспомнить наших демократов, сотворивших кровавую мясорубку в Чечне? Она явилась результатом кровавой разборки между мафиозными структурами, а ее заложниками стали все народы нашей России. Но это сейчас, а тогда все происходило следующим образом.)

Где-то уже далеко за полночь, под самое утро, в дом пришли два солдата с носилками и унесли меня на улицу. Вскоре подошла большая грузовая машина, солдаты взяли меня за руки и за ноги, раскачали и бросили в кузов. После такого обращения, я подумал, что, видимо, доедем до ближайшего оврага, меня сбросят, пристрелят и оставят на растерзание зверью. Однако машина продолжала двигаться уже больше часа без остановок, и я успокоился. Вдруг машина начала дергаться, то прибавляя ход, то замедляя, и вскоре совсем остановилась. Немцы закричали: «Алярм, алярм! (Тревога, тревога!)» — и бросились в ближайший кустарник.

На дороге, впереди и сзади машины, разорвались две маленькие бомбы, а машину прошила очередь из пулемета. Оказалось, что наши отважные летчицы на фанерных У-2 действовали как ночные бомбардировщики на коммуникациях противника. Обычно они выходили на свободную ночную охоту, цели подбирали по своему усмотрению. Действовали дерзко и на цель выходили бесшумно. Определив ее, они набирали высоту,

затем выключали мотор и тихо планировали вниз. Отбомбив и расстреляв цель, включали мотор и уходили в сторону. И так в течение ночи они были хозяевами на немецких коммуникациях. Правда, нередко немецкие ночные истребители устраивали на них охоту, иногда удачную. За войну погибло много храбрых летчиц на фанерных У-2.

Борта машины пробило осколками, однако меня не зацепили ни пули, ни осколки. Немцы подошли, осмотрели машину, она оказалась исправной и, как говорят, на ходу. Мы продолжали движение к Луганску, так на немецких картах был обозначен город Ворошиловград.

При въезде в город машину неоднократно останавливали специальные посты наблюдения и проверки.

Я лежал в машине и гадал, какая судьба мне уготована на ближайшее будущее? Немцы пока не расстреляли, да и обращение со мной, по их меркам, вполне сносное, могло быть и хуже. Окажись машина не на ходу, куда меня девать? Самое логичное — пристрелить и выбросить в кювет. Наш самолет отбомбил и прострочил кузов из пулемета, осколки и пули меня не задели, прямо какая-то фантастика, везение! Но долго ли судьба будет ко мне благосклонна?

В голове ясных мыслей не было, я все еще толком не представлял, что же произошло со мной? Кто я сейчас? Пленный и пока живой, значит, по нашим меркам, выходит, что предатель. В кузове я один, никто не охраняет. Тогда почему не делаю попытки вывалиться на дорогу через задний борт кузова? Вот такие противоречивые мысли бродили в моей голове.

Машина остановилась у какого-то большого здания, по всей вероятности, у бывшей школы. Я долго лежал в кузове и понимал, что сейчас решается моя судьба. Наконец пришел какой-то маленький офицер, я его не видел, только понимал по голосу, что он отдает какие-то приказы, касающиеся меня. В кузов влез солдат, подтащил меня к заднему борту и спустил на руки шоферу. К моему изумлению, он рассмеялся и сказал, что с русскими пленными ему обниматься еще не приходилось.

Солдат спрыгнул с машины, офицер приказал шоферу забросить меня на спину солдата и отнести в коридор большого здания, у которого стояла машина. В какой-то мере я был рад, что все происходящее со мной было ночью, не было лишних любопытных глаз. В машине от холода окоченели руки и ноги, а поэтому на полу в коридоре мне показалось очень тепло и уютно.

В здании размещался немецкий госпиталь. Ко мне подошли два санитара, положили на носилки и унесли в какую-то маленькую комнату, ранее служившую дежурным санитарам

комнатой для отдыха. Когда все стихло, у меня вновь заурчало в животе и начались колики. Что делать, я не мог себе представить. Пробовал перетерпеть, но не тут-то было, недаром говорят, что …..ь да родить — некогда годить.

Пробовал потихоньку позвать санитара, никто ко мне не идет. Чувствую, что терпение кончается — «взорвусь». Я почти закричал, появился санитар. Спросонья он долго не мог понять меня. Вначале, видимо, решил, что мне нужна врачебная помощь, разболелись раны, нужно успокоительное. Кое-как объяснил ему, что мне нужно. Он принес ведро, но оно мне было почти бесполезно, так как обе ноги ранены, а правая к тому же еще и в колене не сгибается. Санитар долго со мной мучился, потом понял, что толку никакого не будет, посмотрел на меня зло, я понял, о чем он думает. Зачем это чучело привезли к ним в госпиталь? Жестами объяснил, чтобы я обхватил его за шею и крепче держался. Так, верхом, через весь коридор я ехал на немце в туалет. В коридоре лежали раненные фрицы и в недоумении спрашивали у санитара, что случилось и куда он меня тащит? Чтобы не раздражать раненых, санитар молчал. Впоследствии будут разные ситуации и мне вместе с другими пленными на работу и с работы придется возить в тележке немецких конвоиров. Но это будет потом, а сейчас я пока ездил верхом на немце в туалет и обратно.

Днем в комнату вошли два немецких военных врача и долго со мной беседовали о положении дел на фронте. Я понял, что до них доходит весьма скудная и противоречивая информация о положении действующей армии. Они толком еще ничего не знали о капитуляции фельдмаршала Паулюса в Сталинграде. Как мог, на полурусском, полунемецком, рассказал им о сталинградской битве, о том, как мы разгромили сильную танковую группировку Манштейна, стремившуюся прорваться к окруженным войскам Паулюса. Немцы внимательно слушали и задавали много вопросов. Когда уходили из комнаты, один из них предупредил меня, чтобы я подобных разговоров не вел с санитарами. В этот же день ночью пришли санитары, вытащили на улицу, втолкнули в грузовую машину и увезли на какой-то разъезд, где стоял товарный поезд и шла погрузка раненных немцев, испанцев и румын.

Как ни странно, но своих «союзников» они предпочитали к себе в вагоны не пускать. Раненых грузили наши военнопленные. Когда они узнали, что я — русский офицер, оттащили меня в сторону, сунули буханку хлеба и поодиночке расспрашивали, далеко ли фронт и в каком направлении им лучше бежать?

Погрузка раненых заканчивалась, и меня отнесли в

«интернациональный» вагон: там были немцы и итальянцы, рядовые солдаты. Поскольку я был в румынской шинели и черный от копоти и грязи, они приняли меня за «мамалыжника», с расспросами не приставали. Румыны для немцев были все равно, что негры для американцев, люди третьего сорта.

Условия для побега были благоприятные, если бы я мог хотя бы мало-мальски ходить… Двери вагона не закрывались и не охранялись, и на меня никто не обращал внимания. Но, к сожалению, воспользоваться таким благоприятным моментом было не суждено. Впоследствии, когда мы, восемь офицеров, совершим побег с этапа, условия будут совсем другими, куда более тяжелыми. Нас конвоировали в один из концлагерей на уничтожение. В то время немцы не успевали все трупы военнопленных (убитых, отравленных в газовых камерах и расстрелянных) пропускать через крематорий. Специальные команды, тоже из военнопленных, складывали трупы штабелями между дровами, обливали бензином и сжигали. Побег будет трудным, но удачным, но это будет значительно позже.

А пока я, раненный, вместе с фрицами и «макаронниками» вел «наступление» на запад в одном с ними вагоне, не представляя своей судьбы.

Поезд направлялся в Горловку, так назывался у нас город Сталино. Ночью на каком-то разъезде около угольных терриконов поезд встал, шел налет наших ночных бомбардировщиков. Бомбы рвались где-то впереди состава, горели вагоны с боеприпасами, сверкало огромное пламя, и беспрерывно слышались взрывы вагонов и цистерн с горючим.

Все, кто мог ходить, разбежались из вагона, я подполз к открытой двери и с тоской смотрел на происходящие события. Бомбежка наших бомбардировщиков вызывала радость, страха не было. Но все быстро закончилось, самолеты улетели, впереди догорали вагоны. Вскоре разбежавшиеся немцы стали возвращаться в вагоны. Часа через три наш состав начал медленно двигаться вперед. По обеим сторонам дороги горели какие-то постройки и уголь в отвалах. От смрада и копоти в вагоне было трудно дышать. По настроению немцев было видно, что они рады тому, что остались живыми в этой суматохе.

Под стук колес задремал. Где-то под утро поезд остановился, сильно стукнула дверь, и я проснулся. В открытую дверь потянуло холодом. Было слышно, как от ночного мороза скрипел снег под сапогами бегавших фрицев. Я понял, что мы прибыли в какой-то пункт, где у немцев расположен прифронтовой госпиталь. Вскоре начали подходить грузовые машины к вагонам и все, кто мог ходить, пересаживались в них.

Невольно пришла мысль, а какова же будет моя судьба сейчас? Пока машина отвозила раненных фрицев, подполз к открытой двери и осмотрелся: впереди внушительного вида черное здание, видимо, госпиталь.

Закончив разгрузку, немцы проверяли вагоны и забирали оставшихся, кто не мог ходить. Заглянули и в мой вагон. Осветив фонарем, немцы глядя на меня, удивленно переглянулись и что-то быстро залопотали. Один из них спросил, кто я? Румын, мадьяр? Я ответил — русский.

— Из армии Власова?

— Нет, Советской Армии.

— Пленный?

— Да.

Немцы еще раз переглянулись, потом один из них побежал, видимо, к старшему офицеру. Пока он бегал, я подумал, что вот и настал мой час: выбросят меня из вагона в снег и здесь же в поле «шлепнут». Все это было вполне логично. Внутренне я к этому приготовился, «геройства» проявить не мог, как это можно было видеть в кинофильмах, но страха перед смертью не было и, вот что странно, даже не было ненависти к немцам в этот период. Видимо, сказывался русский характер — терпеливо переносить невзгоды, а там, если будем живы, может быть, еще и повоюем. Как правило, настоящие россияне всегда медленно запрягали, но зато любили быструю езду. Недаром Н.В. Гоголь писал: «… тройка, птица-тройка, знать у русского народа ты могла только родиться…».

К моему удивлению, машина подошла задним бортом к вагону, я переполз в нее, и мы поехали. Из разговора немцев понял, что это город Сталино, центр всесоюзной кочегарки, так советский народ воспринимал этот город. Везли меня не то в лагерь военнопленных, не то в госпиталь военнопленных, этого я не разобрал. Проехали весь город и на другой его окраине въехали во двор, обнесенный высоким забором из колючей проволоки со сторожевыми вышками.

Итак, судьба меня привела в «экспериментальный» госпиталь для советских военнопленных, немецких холуев из зондеркоманды, как правило, украинцев и полицаев в большинстве случаев из «западенцев», так называемых западных украинцев.

Это был, действительно, госпиталь, по тем меркам его можно назвать даже хорошим. В палатах чисто, каждому кровать с чистым бельем, подушкой. В палатах работали санитары из военнопленных. Почему же он экспериментальный? Да только потому, что возглавлял его, т. е. был главным врачом и главным

хирургом, какой-то отпрыск крупного немецкого босса, студент медицинского факультета. Этот студентишка, не закончив еще обучения, получил от своих родителей такую экспериментальную базу, о которой в другое время и мечтать было нельзя.

Два раза в неделю у него был «мясной» день. За день он успевал прооперировать 5–6 военнопленных. Пластал, как говорится, направо и налево. Половина из них умирала сразу, вторую половину он дня через два отправлял в «душегубку», на свалку, одного или двоих только пытался лечить, как мог, и кормил при этом неплохо. Ответственности ни перед кем не нес. Бывало время, когда у этого «экспериментатора» в «мясные» дни не было интересного «материала», тогда он делал обход, выбирал кого-либо из здоровых военнопленных и приказывал готовить к операции. Все, кто проходил через его руки, как правило, были еще и кастрированы.

Вот в такой госпиталь привела меня судьба. Помню, втащили меня в подвальное помещение, где находился душ и грязная ванная. Собравшиеся санитары встретили настороженно, но с любопытством. Обычно вся эта «привилегированная» братия вела себя высокомерно по отношению к другим пленным. В их руках находились продукты, которые они распределяли сами. Продукты в любом лагере и тюрьме — это власть.

Все происходило ранним утром, поэтому собравшиеся санитары и полицаи были недовольны, что им нужно принимать какого-то пленного. Нужно заметить, что в городе был большой лагерь военнопленных и в нем был «ревир» (свой лазарет, но немцы в него меня не поместили, видимо, из тех соображений, что я — «свежий» пленный и мог в лагере рассказать много интересного, чего заключенные за колючей проволокой не знали. Мои рассказы могли повлиять на настроения военнопленных и вселить уверенность в их скором освобождении.

Санитары стащили с меня гимнастерку, нижнее белье, усадили в холодную ванну. Пришел пленный «цирюльник», плеснул на голову холодной воды и начал брить волосы без мыла. Я думаю, что мужчины могут представить себе, какое это «удовольствие». Побрили кругом, под конец работы настроение у окружающих улучшилось и даже начались грубые мужские шутки. Намылили спину, ополоснули холодной водой — на этом санобработка закончилась. Гимнастерка с ремнем исчезли, взамен получил замызганный немецкий китель с написанными на спине красной краской двумя крупными буквами «SU», что, видимо, означало «красный» пленный из Советского Союза.

Полицаев и санитаров интересовало, как идет наступление «Советов». Я им вкратце рассказал о разгроме немцев под

Москвой, под Сталинградом и на Северном Кавказе. Дал понять, что дела у фрицев плохи и если наше наступление не остановится, то скоро встретим Красную Армию здесь, в городе.

Из подвала меня перетащили на второй этаж в небольшую комнату, в ней находился раненный лейтенант Макаров. Моему поселению он был очень рад. Как только ушли санитары, началось знакомство, пошли разговоры. Он был старше меня на два года. Перед войной окончил Ленинградское артиллерийское училище, командовал батареей «сорокапяток» и, отбивая танковые атаки наступавшего Манштейна на Донце, прямым попаданием танкового снаряда в пушку был очень тяжело ранен. Ноги и все туловище находилось в гипсе, голова забинтована, оставлены дырочки для глаз, ноздрей и рта. Правая рука, хотя и была ранена, но не перебита и не загипсована, это давало ему возможность самостоятельно есть.

Обычно всех, кто воевал в этой малокалиберной артиллерии, ожидала подобная участь. Выжить в тяжелом бою они практически не имели шансов. Эти смертники сопровождали пехоту, помогая ей «огнем и колесами», были в первых боевых порядках, всегда на виду у немцев. Пехота могла залечь, окопаться и хорошо замаскироваться, а пушку трудно спрятать. В обороне пехота лежа или из укрытия ведет огонь по противнику, а орудийная прислуга работает у орудия почти в полный рост, подтаскивая снаряды, меняя огневую позицию. Танки и авиация в первую очередь ищут расположение противотанковых средств и, как правило, еще до атаки пытаются их уничтожить.

Нужно заметить, в критические минуты боя, когда чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону, старшие командиры часто принимали решение и для крупнокалиберной артиллерии занимать позиции на прямой наводке в боевых порядках пехоты.

Итак, мы с Игорем Макаровым из 1645-го истребительного полка начали обживать нашу палату. Прежде всего он объяснил, с кем из персонала и о чем можно говорить. Слишком разговорчивых отсюда увозят в «душегубке». Ты лежишь у окна и можешь видеть, когда она приходит и как в нее вталкивают обреченных. Один раз увидишь и всю жизнь во сне будешь видеть эти кошмары.

Утром, после завтрака, я познакомился с русским «цивильным» главным врачом. Это была молодая симпатичная женщина. Как я понял из разговора с ней, до войны она училась в Харьковском медицинском институте, но не понял, окончила она его или нет. Уточнять постеснялся. Она работала в паре с молодым врачом-немцем. Врач, видимо, жил у нее на квартире и, возможно, он и пригласил ее к себе на работу. Отказываться ей не

было смысла. Работа в госпитале для военнопленных под покровительством влиятельного фрица избавляла ее от поиска хлеба насущного и отправки на работу в Германию. Обо всех иезуитских проделках своего шефа она знала. Собственно, она была его соучастницей, так как ассистировала ему при проведении всех экспериментальных операций. Она была незамужней женщиной, а поэтому могла быть временной «руссиш фрау» для своего босса. Хотя Макаров и предупреждал, чтобы я был сдержанным в разговоре с ней, но во мне почему-то сразу появились уважение и симпатия к этой женщине и чувство уверенности, что она не предаст. В дальнейшем так все и случилось.

Время от беспомощности и вынужденного безделья тянулось медленно. Но потом я вдруг ощутил повышенный интерес к себе со стороны солдат внешней охраны госпиталя, а госпиталь охранялся солдатами из батальона зондеркоманды, в котором служили карателями наши крымские татары, калмыки, украинцы. По своей жестокости они превосходили немцев. И вдруг зачастили в нашу палату с расспросами о положении на фронте и о том, как у нас относятся к тем, кто сейчас служит у немцев. За мои ответы платили самосадом, хлебом и иногда салом. Я отвечал так, как было на самом деле: «Если у вас руки не запачканы кровью невинных людей, можете не бояться прихода Красной Армии, ну, а если они в крови — судить будут строго, но во всех случаях меру наказания будет определять суд».

Каждый день после обеда, когда главный немецкий «костоправ» уезжал в город в офицерское «казино», приходила в нашу палату его помощница. Мы называли ее «наш русский врач». Живя с немцем, она имела информацию о положении дел на фронте и рассказывала нам о том, что происходило в городе и что слышала из разговоров в офицерской среде.

Настроение мое начало улучшаться, так как наступление Красной Армии в Донбассе продолжалось и намечался новый «котел», по своему размаху покрупнее сталинградского.

23 февраля 1943 г. второй танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Танастишина ворвался в город Гришино (Красноармейск). Было воскресенье, немцы совершенно не ожидали прихода наших войск, на улицах было много народа, в том числе немецких солдат и офицеров. И вдруг — грохот, стрельба, шум, визг, лязг гусениц, и наши танки, давя все, что им попадалось на пути, устремились к вокзалу, где на железнодорожных путях стояло большое количество товарных составов с войсками, техникой, боеприпасами. Трофеи были колоссальными, но, к сожалению, не пошли впрок.

Захватив город и хорошенько «подгуляв», победители забыли о бдительности и решили, что немцы «драпанули» и больше не вернутся, но не тут-то было. Разобравшись, что к чему, немцы поняли, что этот танковый корпус «обнаглел», оторвался от своих баз на 200–250 километров, вклинился узкой полосой в немецкое пространство, не обеспечив охраны своих коммуникаций.

Немцы в нескольких местах перерезали коммуникации, разгромили тылы и, бросив в бой свежую танковую дивизию, начали «кромсать» оборону корпуса. За ночь все было кончено, корпус уничтожен, а сам командующий корпусом при прорыве из окружения застрелился в подбитом танке. Обо всех этих событиях рассказали и наш врач, и свежие раненые-пленные, захваченные в ночь на 23 февраля, в годовщину празднования дня Красной Армии, в городе Гришино (Красноармейск) в 100–120 километрах от Горловки.

На других участках фронта, в том числе и в Донбассе, зимнее наступление советских войск продолжалось. Однажды вечером в нашу палату пришла взволнованная врач и сообщила, что немцы бегут из города. Ее шеф, наш госпитальный «экспериментатор», бросил личные вещи и с друзьями-офицерами драпанул в Днепропетровск. Мы очень обрадовались, появилась надежда, что наши войска скоро войдут в город. Разбежалась и охрана госпиталя. Все, кто мог ходить и хотел бежать, покинули госпиталь.

Утром врач пришла в госпиталь и сказала, что наступление Красной Армии «захлебнулось», идет отступление из Донбасса и немцы вновь вернулись в город.

Продолжая зимнее наступление из-под Сталинграда и с Северного Кавказа, наши войска в Донбассе пытались создать новый большой «котел» окружения немцев. План был близок к завершению, оставалось в районе станции Волноваха с боем пройти всего 8 километров и окружение было бы закончено. Но, почувствовав, что Красная Армия перехватила полностью стратегическую инициативу и может форсировать Днепр еще зимой и угрожать выходом в Закарпатье и Румынию, немцы сняли во Франции девять танковых дивизий и бросили их в бой за Донбасс. Силы оказались неравными. Наши войска испытывали большие трудности с пополнением личным составом, техникой, боеприпасами и в связи с большой растянутостью наших коммуникаций. Тылы далеко отставали от передовых частей.

Свежие немецкие дивизии с ходу вступили в бой, смяли наши передовые части и в короткий срок снова захватили Лозовую, Барвенково и Харьков. Кое-как с большими потерями остановили немцев и на этом закончилось наше большое зимнее наступление

в 1942–1943 гг. Но и немцы в этот период были не готовы к наступлению. Фронт стабилизировался, и войска заняли позиционную оборону. Обе стороны начали подготовку к летней военной кампании.

В госпиталь поступило много раненых-военнопленных из нашего разгромленного танкового корпуса. У немецкого «мясника» появился хороший «материал» для бесчеловечных экспериментов. Раненых было так много, что они размещались на полу в палатах и коридорах. Помощь им оказывалась минимальная, перевязочного материала не хватало, о бинтах и мечтать не приходилось. Возникали и другие трудности. Вместе с нашими военнопленными лечились больные и раненные полицаи, старосты, власовцы и служащие из «зондеркоманд». Вся эта сволочь размещалась теперь в одних палатах, где мира и терпимости друг к другу не было. Дело доходило до потасовок, вплоть до убийств. Желая сохранить спокойствие в госпитале, в конфликт вмешался наш «мясник». Наиболее строптивым нашим военнопленным он назначал специальное обследование и в «мясные» дни делал операции. После таких экстренных операций количество раненных военнопленных в госпитале резко сократилось.

В госпиталь чаще стала приезжать «душегубка». Помню такой случай. Однажды после обеда услышал шум на улице, посмотрел в окно, а там стояла санитарная машина с красным крестом на крыше и бортах, это была «душегубка», пленные ее хорошо знали. В машину сначала грузили тяжело раненных полицаев, немцы с ними особенно не церемонились. Предатели всегда остаются предателями и сочувствия ни у своих покровителей, ни у честных людей они не вызывают.

Погрузив раненых, немцы вывели пять совершенно здоровых пленных красноармейцев и пытались их впихнуть в «душегубку», они кричали, по возможности сопротивлялись. Но что они могли сделать: руки связаны, да и во дворе свора полицейских и служащих из зондеркоманды, которые сбили их с ног, взяли за руки и за ноги и побросали в «душегубку». После такого зрелища очень трудно было привести свою психику в мало-мальски нормальное состояние. Все это и сейчас проходит перед глазами, как кошмарный сон.

А время между тем шло, на дворе засветило яркое солнышко, весна вступала в свои права. Смена времен года приносит человеку и смену настроения. Особенно это чувствуют люди, сидящие за колючей проволокой. Весна навевает много воспоминаний, дает надежды, одним — на выздоровление, другим — на возможный побег из ада. И даже в этих трудных

условиях люди находят себе друзей, сближаются, делятся своим сокровенным, строят планы на будущее, на случай, если их не разобьют по разным этапам и лагерям. Жизнь устроена так, что живой человек прежде всего думает о жизни, даже если идет на верную смерть.

Однажды в палату пришла «наша» врач и объявила, что через три дня придет транспорт и нас отправят в другой лагерь, а куда, пока не знает.

По вечерам, когда наступали сумерки и вступала в свои права темная южная ночь, мы с Игорем Макаровым предавались воспоминаниям о школьной жизни, о своих учителях и одноклассниках. Почти всегда, как правило, воспоминания прерывались ночными бомбежками наших бомбардировщиков по коммуникациям немцев, шоссейным дорогам, железнодорожным путям и скоплению эшелонов на перегонах, разъездах и станциях.

Я часто вспоминал свою школу, свой десятый класс. С особым уважением и любовью вспоминал нашего завуча — Хайновского Петра Юлиановича. Он преподавал математику в старших классах и имел прозвище «радикал». Оно было связано с извлечением подкоренного выражения из квадратного корня. Все ученики его очень уважали за честное отношение к ним, справедливую оценку знаний. Он никогда не повышал голоса ни на учеников, ни на учителей. Одет по тем временам был скромно, но очень аккуратно. Впоследствии, когда я окончил институт, успешно защитил диссертацию, стал деканом одного из крупнейших экономических факультетов в стране, я всегда следовал традициям Петра Юлиановича — к студентам относиться как к своим коллегам, никогда не проявлять неприязни, даже если что-то и не нравилось в их поведении, не повышать голоса в разговоре и даже при нравоучениях, на экзаменах и зачетах быть справедливым, стараться уточнить, что студент знает, а чего не знает. И если студент знает все-таки больше, чем не знает, по тем вопросам, на которые отвечает, оценку ставил ему положительную и не занижал ее. Обычно наказывал только тех студентов, которые «шпаргалили», вырывая страницы из учебников. Позже, уже в более зрелом возрасте, на экзаменах разрешал открыто пользоваться учебниками и за это не снижал оценки. Все преподаватели должны понимать, что студент всегда может их «провести» на экзамене, а поэтому проще дать ему возможность открыто посмотреть в учебник и найти то, чего он не знает, а дело преподавателя — дополнительными вопросами уточнить его знания, не устраивая при этом «экзекуции», не задевая самолюбия.

Часто вспоминал нашего военрука Кобелева Алексея

Васильевича, он много нам дал в подготовительный период перед службой в армии. Мы часто ходили в походы, знали стрелковое оружие: станковый и ручной пулеметы, много стреляли в тире из малокалиберной винтовки, умели «читать» карту, ходить по азимуту. Учитывая, что мое пребывание в военном училище было кратковременным, поэтому все «азы» военной подготовки в школе под руководством А.В. Кобелева были просто неоценимы. Он сам прошел хорошую школу, участвовал в боях на Халкин-Голе и в Монголии против японских милитаристов и понюхал пороху в войне с белофиннами. В Отечественную войну с первых дней воевал на западном фронте. Далее я не раз буду вспоминать о нем.

Аккуратности немцев можно было позавидовать. Транспорт прибыл, как было ранее сказано, ровно через три дня. Во двор госпиталя для военнопленных был проложен специальный железнодорожный «тупик» на пять товарных вагонов.

У нас с Макаровым были причины для беспокойства, оба были лежачие больные, он находился в гипсе, как в скафандре, а у меня большая рана под правым коленом очень медленно зарастала. Все было элементарно просто, нужно было хорошее питание и своевременная обработка ран, но, к сожалению, плен — не курорт и даже не наш советский фронтовой госпиталь.

Из разговоров полицаев, власовцев и солдат из зондеркоманды мы знали, как только нас переведут в пересыльный лагерь, там всех рассортируют: одних — в рабочие команды, других — для разминирования различных участков и проведения опасных работ во фронтовой полосе на строительстве оборонительных сооружений. Специально отберут военнопленных для различной работы в самой Германии, а оставшихся, как балласт, направят на уничтожение в концлагеря, скорее всего в Польшу.

Мне удалось уговорить санитара, чтобы он нашел во дворе палку и выстрогал для меня трость. Около кровати я уже двигался, а ходить по комнате без палки не решался. Рана в основном из-за питания заживала медленно, так как кормили плохо. Но научиться ходить было необходимо. При переводе из лагеря в лагерь, если поставят в колонну и будешь отставать или не сможешь идти, на тебя вначале спустят собак, они будут хватать за руки и за ноги, и ты невольно попытаешься догнать колонну, а если тебе не удастся это сделать и ты упадешь, солдат, замыкающий колонну, выстрелом в голову оставит тебя валяться на дороге или в кювете. Об этом знал каждый, но не все могли добраться до места назначения. Пристреленных при конвоировании пленных обычно находили местные жители и тут

же хоронили в безымянных могилах. Сколько таких захоронений, никто не знает, а сколько погибло на «минных» полях из-за неразорвавшихся авиабомб? Много, очень много!

Погрузка в транспорт прошла без приключений, если не считать, что произошел один побег. Работавший санитаром в госпитале наш военнопленный к побегу готовился давно, все выжидал удобный случай, и он ему подвернулся.

Когда вагоны были поставлены в тупик и началась погрузка раненных военнопленных, полицаи и охранники выходили с различными вещами в ворота мимо охранявших немцев, те им не препятствовали. Видимо, между ними существовали какие-то определенные взаимоотношения, скорее всего, через полицаев немцы вели свой «гешефт» (торговую сделку), осуществляли с местным населением обмен одежды и обуви, снятых с убитых и умерших пленных, на сало, самогон и другие продукты питания.

Санитар заранее приготовил униформу с полицейской повязкой, прихватил с собой какой-то узел и свободно прошел мимо немецкого поста. Побег его был удачным, немцы об этом узнали только перед отправкой транспорта, когда прошла перекличка среди военнопленных в транспорте и оставшихся в лазарете.

Обычно в таких случаях фашисты хватали первого попавшегося им цивильного парня, вталкивали в вагон, и количество пленных, приготовленных к отправке, совпадало со списком. Захваченный становился жертвой произвола, но изменить свою судьбу в тот момент не мог.

Ночью транспорт направился в город Смела, это недалеко от Винницы, где находились два крупных лагеря для военнопленных. Как известно, под Винницей была штаб-квартира Гитлера для ведения военных действий на восточном театре. Ставка Гитлера в Берлине впоследствии имела кабельную связь со ставкой в Виннице. В обоих лагерях к этому времени скопилось около 20 тысяч пленных, из них отобрали только 15 тысяч и отправили на работу по прокладке кабеля связи из бункера Гитлера в Виннице в штаб-квартиру «Волчье Логово» в Германии. По окончании работ все военнопленные, работавшие на прокладке кабеля, были расстреляны. Р. Медведев в своей книге «Люди с чистой совестью» сообщил об этом факте. Разведчиком Н. Кузнецовым, нашим земляком, был захвачен немецкий штабной полковник, у которого на карте было обозначено место прохождения кабеля связи. При допросе он пояснил, что это за связь, и рассказал, как прокладывался этот кабель и какова была участь людей, выполнявших эту работу.

В нашем лагере имелся лазарет на 100 мест, в нем работали

врачами и санитарами наши военнопленные.

Лагерь, в который нас привезли, располагался на территории бывших военных складов. Это были громадные дощатые помещения, внутри которых вдоль стен тянулись двухэтажные нары, сделанные из тонких жердей. Учитывая, что у большинства пленных не было даже шинелей, спать на таких нарах было одно «удовольствие». Человек привыкает ко всему, привыкли и мы к новой обстановке, появились новые знакомые, обозначились лидеры, вокруг которых начали формироваться отдельные группы; все присматривались друг к другу, опасаясь провокаторов, которых среди пленных было предостаточно.

Обычно предателей быстро распознавали и, как правило, дело заканчивалось «самоубийством». Их судил «трибунал» («тройка»), такой подпольный суд существовал в каждом большом бараке. После допроса, если суд признавал кого-либо виновным, выносился приговор от имени советской власти, ему связывали руки и ноги и вешали в туалете. Потом его развязывали, в карман клали «покаянное» письмо и на этом инсценировка самоубийства заканчивалась. Такие суды работали раз в неделю и без работы не оставались. Немцы догадывались, что происходит что-то неладное с их осведомителями, но глубоко в это дело не вникали, искали новых пленных для этой цели.

Наверное, могли быть случаи и невинно приговоренных к казни. Жизнь в плену ничего не стоила, но для каждого была дорога.

Многие группы готовились к побегу, и малейшее подозрение в предательстве могло закончиться смертью. Считали, что лучше убить одного самим, чем потом погибнет вся группа, а может быть, и больше. Об этом знали и предатели, но тем не менее делали свою грязную работу в основном за кусок хлеба и дополнительную миску баланды.

В каждом бараке были переводчик, как правило, из своих же военнопленных, староста и санитар, мало что понимающий в медицине, но умеющий прислуживать немцам, старосте и переводчику. Эта челядь жила в отдельно отгороженном закутке в несколько привилегированном положении среди пленных — для них была организована довольно приличная кормежка. Пленных же кормили баландой, приготовленной из грязной, нечищеной картошки, без соли, пополам с соломой, от которой шел запах как из туалета. Судить и убивать их мы не могли, так как за это немцы могли расстрелять весь барак. Иногда к этим «господам», а называть их полагалось «господин переводчик», «господин староста», приводили на ночь женщин из числа военнопленных и арестованных гражданских лиц.

Лагерь охранялся немцами и поляками, перешедшими на их сторону. Поляки несли службу более жестко, чем даже немцы. Они мстили нам за разгром Польши совместно с немцами в 1939 г., за захват части ее территории, за уничтожение многих тысяч поляков. Я помню, как в 1939 г., когда мы жили в Тюмени, через весь город на машинах везли сотни поляков на пристань, грузили на баржи и отправляли на север. Люди были унижены и оскорблены до глубины души, помогать им было строжайше запрещено. По всей вероятности, большинство из них погибли на севере, так как отправляли их летом, а зимней одежды у них не было.

Ненависть поляков к нам можно было понять, но от этого легче не было. Война обнажила те срезы на человеческих «пластах», которые раньше так тщательно скрывались. В жизни за все нужно платить, так и нам до сих пор приходится оплачивать по счетам не только полякам, но и прибалтам, с которыми обошлись не лучшим образом, когда ввели свои войска, а они ведь встречали нас хлебом и солью. Основное население радовалось приходу наших войск и восстановлению советской власти в их республиках.

В лагере были и полицейские формирования. Они делились на две группы. Одна группа хорошо зарекомендовала себя в борьбе с партизанами, подпольными организациями и в уничтожении местного населения за различные проступки перед немцами. Полицаи из этой группы жили за пределами лагеря и совместно с немцами несли наружную охрану.

Вторая группа была сформирована из военнопленных, как правило, из числа крымских татар, калмыков, ингушей и чеченцев; были в ней и те, которые выдавали себя за выходцев из сибирских, уральских, терских, кубанских и донских казаков. Они несли службу внутри лагеря, следили за распорядком и были более жестокими по отношению к пленным, чем немцы и поляки. Желая выслужиться перед немцами и показать свое рвение, они могли забить до смерти палками и ногами любого пленного, который почему-либо им не нравился. Их рвение и жестокость немцы поощряли различными способами.

В лагерь часто приезжали власовские офицеры в парадной немецкой форме с нашивкой на рукаве «РОА» (Русская освободительная армия). Немцы разрешали пленным встречаться с ними на плацу между бараками, вступать в разговоры. Как правило, проходила вербовка в армию Власова. Офицеры не стеснялись расхваливать службу в их армии. Вербовка начиналась так: ставились на площади большие столы, накрытые различными, очень вкусными блюдами с овощами и фруктами, в

стаканы наливался самогон, иногда немецкий шнапс. В стороне от больших столов ставились два маленьких столика. За один из них садились комендант лагеря и приезжий власовский генерал, за второй — лейтенант РОА. Немецкий комендант обращался с военнопленными через переводчика, представляя власовского генерала и расхваливая самого генерала Власова и его армию как союзника Германии в борьбе с большевизмом. Затем выступал генерал с хвалебными речами в адрес Гитлера, немецкой армии, правительства Власова и русской освободительной армии, всем желающим раздавалась власовская газета. Когда говорильня заканчивалась, власовский генерал предлагал желающим подходить к маленькому столику, за которым сидел лейтенант РОА, и записываться в армию Власова. Тот, кто пожелал записаться, мог после этого садиться за стол и вкусно пообедать. Обычно всегда находились желающие, правда, их было немного — 8-10 человек на такой большой лагерь.

После этой процедуры иногда немецкий комендант или его помощник предлагал записаться на службу в немецкую полицию или в зондеркоманду. Здесь также находились желающие, в большинстве случаев выходцы из прибалтов и западенцев.

Записавшихся сразу же переводили в спецблок, отведенный для предателей.

Но нужно сказать, что не все из записывающихся в армию Власова или в полицию и зондеркоманду у немцев хотели быть палачами и предателями своего народа. Значительная часть пленных, менее стойкая в своих убеждениях, рассуждала примерно так: запишусь, хорошенько поем, откормлюсь, наберу силенок, а потом убегу. Эти иллюзии быстро проходили. Из записавшихся немцы умело делали предателей и садистов, их «натаскивали» на проведение облав, расстрелов евреев, заставляли принимать участие в казнях через повешенье. Все эти акции немцы снимали на пленку, затем раздавали эти фотографии своим подопытным «кроликам», и тем ничего не оставалось, как служить верой и правдой во имя великой Германии. Путь к возвращению домой был отрезан.

Ночи на Украине темные и наступают быстро, в бараке стояла темнота. На весь блок была только одна «плошка», тусклый свет от которой у входа освещал место, где стояла «параша». Пленные в темноте коротали ночи или в тяжких раздумьях о доме, о своей судьбе, семье, друзьях, любимых подругах или обдумывали варианты побега.

Я часто вспоминал свою школу в Тюмени, десятый класс, одноклассников, ребят по спортивной школе, в которой я занимался на лыжном отделении; вспоминал и любимых

учителей… На выпускных экзаменах по литературе письменно и математике варианты давались по рядам. Наиболее сильных учеников по тому или иному предмету мы отправляли за первые парты. Решив задачи на черновике, они отодвигали его таким образом, чтобы сидящий сзади мог проверить свое решение, а сами переписывали на чистовик. Учителя иногда и замечали эти проделки, но делали вид, что все нормально, у них ведь тоже не было желания «завалить» своих ребят, проучившихся 10 лет в школе.

На первые парты садились обычно: М.В. Зайцева, В.А. Косолапов, А.С. Худяков, М.А. Елпашева. Экзамены успешно сдал весь наш 10-й класс.

Вспоминал прозвища учителей. «Химичку» почему-то прозвали «селедкой», завуча школы — «радикалом», учителя по черчению — «голова босиком», учителя по физкультуре — «греком». Учителя знали свои «клички» и, кроме «химички», никто не обижался.

Помню, еще до выпускных экзаменов с ребятами в классе обсуждали свои будущие специальности. Виталий Косолапов хотел быть сельским архитектором, строить кирпичные деревни, впоследствии станет полковником. Маргарита Зайцева мечтала работать школьным учителем, впоследствии преподавала в Москве в ВЗФИ. Саша Худяков надеялся стать художником, после армии работал в художественной мастерской. Я же мечтал быть военным, но, к сожалению, а может, и к счастью, судьба распорядилась иначе. После войны окончил Пермский сельхозинститут по специальности «Инженер-землеустроитель». В 1962 г. окончил аспирантуру при Московском институте инженеров землеустройства и 30 лет отработал в Пермском университете, из них 12 лет деканом экономического факультета.

Так, предаваясь воспоминаниям, мы коротали длинные ночи и тешили себя надеждами на более счастливую судьбу.

Однажды днем, после очередного «шанс-парада», когда пленные с приспущенными штанами, держа на левой руке свой член, проходили перед немецким врачом, утверждая право на жизнь и доказывая, что они не евреи, я осмелился попросить врача, чтобы он разрешил сходить мне в «ревир» на перевязку. Он удивленно посмотрел на меня, пока я застегивал штаны, и что-то сказал переводчику. Тот подошел ко мне и прошипел:

— Моли бога, что у «штаб-артца» хорошее настроение и он не только не ударил тебя (а врач всегда при себе имел тонкую плеть с металлическим набалдашником), но еще и разрешил раз в неделю ходить на перевязку. Запомни, тебе очень повезло, но не советую теперь лишний раз попадаться на глаза этому врачу.

«Ревир» — санчасть для военнопленных — находилась в северо-западном углу лагеря, рядом с домом, где размещалась администрация и охрана. Уходя на перевязку, я долго бродил по лагерю, пытаясь разыскать «свежих» военнопленных, от которых можно было бы узнать об обстановке на фронте. Обычно это не удавалось, но однажды мне повезло.

Возвращаясь после перевязки из «ревира», я прошел мимо кухни, в которой варили баланду для обитателей лагеря, и встретил старшего лейтенанта Макарова, с которым вместе лежали в госпитале для военнопленных в г. Сталино. Он был удивлен нашей встрече, но и не очень обрадовался. Гипс с него сняли, ходил еще с трудом, с палкой, глаза впалые, цвет лица нездоровый.

Поделились с ним последними новостями, поговорили о событиях в лагере, на Украине и на фронте. Он, стесняясь, рассказал, что его немцы пригласили приходить днем для работы в административный корпус. Их группа под руководством немцев готовила тексты листовок с целью запугивания местного населения, для партизан и подпольщиков, а также листовки-обращения к нашим солдатам, чтобы они переходили на сторону немецких войск и шли служить великой Германии в армию генерала Власова.

Я поинтересовался, что же его заставило пойти на эту работу к немцам?

— Голод, — ответил он. — Когда с меня сняли гипс, смотреть на меня было страшно, кровавые пролежни по всей спине, Когда я начал ходить, то понял, что, если не смогу найти хоть какое-то дополнительное питание, мне — конец, на первом же этапе меня пристрелят.

Я его не осуждал. В лагере каждый сам выбирал свой путь. Он спросил, соглашусь ли я работать вместе с ним, но, получив отрицательный ответ, умолк. В душе он, видимо, пожалел, что пооткровенничал со мной.

После некоторого молчания я спросил, что ему известно о гибели двух врачей из госпиталя военнопленных? Он сказал, что один из провокаторов подбил их на побег, но побег не удался и врачи были расстреляны. План побега был прост: в северной части лагеря была выкопана большая траншея, располагавшаяся за колючей проволокой. В нее днем на телеге вывозили трупы убитых и умерших пленных. Грузили телегу и везли ее наши пленные, а сопровождали повозку двое полицаев. Оба врача договорились с «тод-командой» (похоронной командой), что их принесут на носилках санитары и положат на телегу, а рядом еще погрузят труппы умерших в «ревире». Все так и произошло, телегу

днем вывезли к траншее, трупы сбросили, полицаи обычно не подходили к бровке траншеи. Трупы сверху слегка забросали землей, и, казалось бы, дело сделано, но не успели еще телегу утащить в лагерь, как к траншее подошли немцы с собаками. Собаки разрыли землю, покусали врачей. Немцы дали собакам вдоволь поиздеваться над людьми, а затем хладнокровно перестреляли их в траншее. Днем для устрашения показывали военнопленным их трупы и давали понять, что так будут поступать со всеми, кто осмелится бежать из лагеря.

Макаров сообщил, что дней через пять нас должны вывезти в карантинный лагерь, в город Слауту. Дня через два в лагерь была доставлена большая партия «свежих» военнопленных, захваченных в боях под Харьковом и Лозовой. Ребята хорошо выглядели, среди них было много средних командиров: взводов, рот, минометных расчетов, были и разведчики полков и дивизий. Они рассказали много нового. Оказывается, в армии отказались от должностей заместителей по политчасти, ввели офицерские звания, погоны. На фронте ждали больших перемен, все фронты готовились к наступлению. Это была, несомненно, большая моральная поддержка для «старых» военнопленных.

Вскоре был подан транспорт, пленных погрузили в вагоны и вывезли в город Слауту. Пересыльный лагерь в Слауте располагался в когда-то нашем военном городке, расположенном рядом с бывшей нашей границей. Территория лагеря была большой, все казармы двухэтажные, из красного кирпича. Лагерь был разбит на отдельные блоки, обнесенные колючей проволокой. Внешне он смотрелся привлекательно, все дорожки чистые, посыпанные желтым песочком. Но жизнь в нем была очень тяжелой, кормили настолько отвратительно, что смертность была очень высокой, а за малейшую провинность — пуля или плаха. На обед обычно варили довольно густой суп из неободранного проса. После такой еды пленные невероятно мучались запорами. Приходилось, не стесняясь друг друга, просить выковыривать палочкой неободранное просо из анального отверстия, муки при этом были ужасные.

Вскоре в лагере все расстрелы практически прекратились, охрана стреляла только в тех, кто, по ее мнению, очень близко подходил к изгороди из колючей проволоки. Люди с жадностью всматривались вдаль, и каждый мечтал о несбыточном. Одни прикидывали разные варианты побега через два ряда колючей проволоки с «предбанником» (расстоянием между наружными и внутренними рядами проволоки), другие просто отрешенно смотрели вдаль, и к ним приходили туманные видения о встрече с родными и любимыми, а третьим виделись картофельное поле,

горячая картошка с солью и казалось, что они могли бы ее есть с утра до вечера каждый день.

Вместо расстрелов немцы стали практиковать уничтожение людей с помощью шприца, вводя в вену кубик воздуха, который моментально выбивал сердечный клапан и смерть наступала мгновенно и бесшумно. В первую очередь таким способом уничтожались люди, не представляющие интереса для немцев как рабочий «скот» или как доноры для забора крови.

Город Слаута находился в зоне партизанского края, поэтому охрана железнодорожной станции была усиленной. За время пребывания в этом лагере был совершен только один побег из нашего блока.

Среди пленных в блоке выделялся один высокий блондин спортивного телосложения с блуждающими глазками непонятного цвета. Его внешний вид и манера общения притягивали к нему людей и в то же время холодный проницательный взгляд настораживал. Присмотревшись к нему и перебросившись с ним несколькими ничего не значащими словами, я начал подозревать в нем не того человека, за которого он себя выдает. Слишком уж «чужеродным» выглядел он среди пленных, да и очень смущал его упитанный вид. Чувствовалось, что он кого-то ищет, тщательно подбирая для откровенной беседы. В блоке трудно скрыть частые, даже интимные беседы, а он, подыскивая себе собеседников, давал понять, что готовит группу для побега. Острое желание выбраться на волю притягивало к нему людей.

Когда подобралось четверо крепких ребят из бывших офицеров Советской Армии, были изучены их биографии, было разрешено бежать в ночь на седьмое ноября. Первая попытка оказалась неудачной. Днем шестого ноября большую группу пленных построили и перевели в соседний блок, в нее попал и тот высокий «блондин». Дня через три часть пленных из этой группы перевели обратно в наш блок, вернулся и он. Как рассказали ребята, их брали на рытье траншей для немецких солдат, охранявших железнодорожный узел.

Вернувшись, «блондин» вновь развернул подготовку к побегу. Побег состоялся в ночь на двадцатое ноября 1943 г. Произошел он каким-то странным образом. Около трех часов утра «блондин» вывел свою группу за пределы казармы, двери почему-то оказались не заперты. Расстояние от дверей до проволоки не превышало 30–35 м. Первым пополз «блондин», около проволоки оказалась малая саперная лопата, он проделал подкоп и выбрался на волю. На соседней вышке, в «скворечнике», почему-то не оказалось немцев с ручным пулеметом. Вторым пополз один из

его единомышленников. Он очень быстро перебрался за проволоку и исчез в маленьком перелеске. За ним поползли сразу двое оставшихся, и, как только они перелезли под первую проволоку и оказались в «предбаннике», выскочили овчарки, набросились на людей и начали яростно рвать их. Тут же появились немцы, открыли стрельбу, и оба, пытавшихся совершить побег, были убиты, а их трупы для устрашения пленных полицаи забросили на колючую проволоку.

Впоследствии, когда я уже вернулся на родину, удалось узнать версию побега из этого лагеря в ночь на двадцатое ноября. «Блондин» служил в Абвер-команде, по происхождению из немцев Поволжья, чисто говорил по-русски и превосходно владел немецким языком, имел офицерское звание, но, видимо, не выше обер-лейтенанта. В его задачу входило общение с пленными, сколачивание группы для побега, в которой должен быть обязательно один с Урала, из Пермской или Свердловской областей. С ним он должен был уйти через линию фронта и осесть в одном из городов Урала. Остальные двое заранее были приговорены к смертной казни, «блондину» они не были нужны.

Получилась красивая, хорошо оформленная легенда. Совершен дерзкий побег из очень хорошо охраняемого лагеря, двое ушли и двоих убили. Немцы устроили переполох в нашем блоке, провели «шмон» в помещении, во дворе, организовали личный обыск. Словом, сделано было все, чтобы об этом узнало население в городе, соседних деревнях и партизаны.

«Блондин» был задержан в Челябинской области, а второй сам пришел с повинной в одном из городов Пермской области. Это принесло ему большие неприятности. За то, что он при переходе через линию фронта сразу не пришел в одну из воинских частей и не рассказал о совершенном побеге, его судили и дали срок — 10 лет. Видимо, по приговору суда он был отправлен на отработку в Кизеловский угольный бассейн.

Я к этому времени все еще был не готов к активным действиям, о побеге мог только мечтать, рана на ноге не заживала. По характеру был очень контактным, пленные относились ко мне хорошо, часто консультировались по разным вопросам, очень сожалели, что моя рана медленно затягивается.

По настроению немцев, полицаев и власовцев мы понимали, что дела на фронте у них неважные. Вскоре поползли слухи о подготовке транспорта для отправки в Германию. Новый переезд — это не просто очередное путешествие, готовятся к нему и немцы, и пленные. Учитывалось, что путь пойдет через Западную Украину, зону активных боевых действий партизан, и Польшу, где также были отдельные партизанские группы лондонского

правительства Польши и новые боевые патриотические группировки. Немцам необходимо было обеспечить надежную охрану транспорта и быть готовыми к отражению партизанских атак.

Пленные тоже готовились к поездке, одни делали острые заточки из различных железок, другие приводили в порядок свое ветхое обмундирование, а третьи, смирившись с участью, думали — будь что будет! Но все понимали, что произойдут какие-то перемены.

К этому времени в лагерь поступила большая группа пленных из-под Курска и Белгорода, среди них были и женщины, в том числе медицинские работники и связисты. Их грузили вместе с мужчинами в один товарный вагон, давали ведро, оно служило им ночью как «параша», а днем в него на больших станциях немцы разрешали набирать питьевую воду.

Плен для мужчин был кошмаром, а для женщин — просто невыносимые муки, ни о какой гигиене они не могли и думать. Немцы к ним относились с презрением.

Сразу же после погрузки в вагон, когда уже была закрыта дверь, нетерпеливые пленные по своей глупости принялись за дело, начали заточками вырезать доски вокруг дверного запора. Поспешность в любом деле нежелательна, она, как говорится в пословице, нужна лишь при ловле блох. Немцы, конечно, обнаружили нашу работу по скрипу, так как поезд еще стоял в тупике. Если бы не спешили, а начали работу во время движения состава, побег мог бы и получиться. Загремел затвор, дверь сдвинули, в вагон запрыгнули несколько немецких конвоиров, мат стоял на русском и немецком языках. Немцы научились похабщине и ругались по-русски не хуже нас. Брань на русском языке вызывала у них чувство восхищения, и они «вставляли» разные словечки где надо и где не надо.

Надрезы на стенке вагона обнаружили сразу, наскоро всех обыскали, нашли несколько заточек из проволоки. Сидящих у той стенки избили, на прощание пригрозили расстрелом всего вагона, если мы попытаемся все же совершить побег.

Впоследствии я понял, что немцы через свою агентуру знали о подготовке пленных к побегу во время транспортировки, поэтому заранее в каждый вагон подсадили двух-трех провокаторов. В их задачу входило сразу же после погрузки пленных в вагоны начать подрезку досок. А немцы еще до отправления поезда должны были провести «шмон», набить нам «морды», нагнать страху, деморализовать и таким образом отбить охоту к организации нового побега. Все так и получилось. Но в то время о возможных провокациях, организованных немцами, я и не

думал.

Где-то за полночь лязгнули колеса и состав медленно пополз в темноту. Полная безысходность нагоняла грусть и тоску. В нашем вагоне, да, видимо, и в других, стояли вонь, смрад и гнетущий запах от грязных человеческих тел. Вначале все молчали, каждый переживал последствия неудачной подготовки к побегу по-своему. Вскоре разговорились и выяснилось, что сохранилась одна из проволочных заточек и часа через три, когда поезд войдет в активную зону партизанских боевых действий, можно будет попробовать вновь начать подрезать стенку вагона и готовиться к побегу.

Но оказалось все не так просто; «подсадные немецкие утки» сделали свое дело. Вначале они энергично запротестовали, доказывая, что побег не удастся, а из-за двух-трех человек, которые успеют убежать, расстреляют всех оставшихся в вагоне. Может быть, оно так и было бы, а может быть, и нет, тем не менее побег оказался нереальным.

Я и до сих пор не знаю, каким было бы мое решение, если бы начался побег, видимо, — положительным. Однако мне пришлось бы очень тяжело, ходил я с трудом, а бежать совсем не мог. Даже при положительном результате я был бы большой обузой для товарищей и им бы ничего не оставалось, как оставить меня одного, а самим быстро уйти.

Утром состав остановился, впереди партизаны в нескольких местах разобрали полотно железной дороги. Немецкие ремонтные бригады, в основном состоящие из местного населения, под руководством немецких офицеров быстро восстановили путь, и движение продолжалось. Партизаны знали, кто находится в составе, но освобождать нас им, видимо, не было смысла. Вояки мы были плохие, нас надо было откармливать, да и среди нас были провокаторы, завербованные немцами. Проще было с нами не связываться.

Точно не помню, но где-то дня через три или четыре уже на территории Польши на какой-то большой станции, видимо, в Кракове, состав остановился, конвоиры открыли двери вагонов, нас выдворили на перрон, где стояли полевые кухни. Впервые за эти дни нам раздали по половине буханки эрзац-хлеба (наполовину с опилками) и по черпаку баланды. Представьте, как это было «вкусно» после голодовки, но мало. Ночью наш состав загнали в какую-то бывшую польскую крепость, в которой находился крупный концентрационный лагерь.

Утром нам приказали покинуть вагоны и построиться. Немецкий офицер объяснил, что нам предстоит пройти специальную санобработку, после которой будет решена судьба

каждого: кому ехать в «Великую Германию», а кому остаться здесь, в лагере.

Через военнопленных, проводивших санитарную обработку вагонов нашего состава, мы уже знали, что из оставшихся здесь будет сформирован «транспорт» и всех отправят в один из крупных концлагерей на уничтожение в крематориях.

Мне повезло и в этом пересыльном пункте. После санобработки все прошли флюорографию, туберкулезники подлежали уничтожению.

Германия нуждалась в здоровых «рабах», так как нас рассматривали не иначе, как рабочий скот.

Днем отобрали группу из семи человек, в которую попал и я. Отвели нас в спецблок на допрос, допрашивали поляки, служившие в немецкой армии. Их в основном интересовало, откуда и через какие государства идет нам помощь от союзников военной техникой, продовольствием и медикаментами. Я ответил, что через северные порты и Иран. Это не было секретом в нашей стране. Просили назвать фамилии офицеров, которые я знал, это было просто, фантазия работала хорошо.

Через неделю нас погрузили в транспорт и мы поехали в юго-западную Германию в город Бадорб-Шталаг IX «А». Перед входом в лагерь на воротах была надпись «С нами бог» (такая надпись была у всех немецких солдат на пряжке поясного ремня поверх мундира) и ниже — «Германии нужны трудолюбивые и покорные».

В лагере после осмотра врач — полковник медицинской службы, наш военнопленный, после согласования с немецким врачом определил меня в «ревир» (санчасть). Здесь жили и лечились около сорока наших военнопленных.

Прибывшие с нами женщины были размещены рядом с нашей комнатой в одном блоке. Нам было видно, как к ним часто приходили немецкие офицеры с продуктами питания. Иногда слышны были песни. Все это навевало грусть, и безысходная тоска становилась невыносимой. Спасение было только в мечтах и воспоминаниях о прошлом.

Вспомнил, как перед отправкой на фронт ко мне в госпиталь в Тюмени пришли мои друзья — Борис Печенкин и Валентин Филатов. Они окончили Тюменское пехотное училище, им присвоили офицерское звание лейтенанта. Гордость переполняла, и радости не было предела! Они готовили себя к победе или смерти и знали, за что будут умирать. Это не то, что сейчас, когда по чьей-то глупости погибали в Чечне совершенно невинные мальчишки и, главное, не могли понять, кому и зачем нужна их смерть?

С Борисом и Валентином я учился в одной школе в десятом классе. Судьба отправила меня на фронт раньше, чем их, и я уже был ранен и лечился в госпитале, а они только готовились к этому. Им было интересно знать, как вести себя с солдатами на формировке в тылу, в эшелоне, на фронте, особенно в первом бою.

Борис Печенкин был моим большим другом, я у них в семье жил за сына. В классе почти у всех ребят были ружья, и каждую субботу мы уходили в тайгу с ночевкой и возвращались домой в воскресенье вечером обычно с хорошими трофеями. Весной довольно удачно охотились на водоплавающую дичь на Андреевском и Кривом озерах, осенью стреляли куропаток и тетеревов, а зимой промышляли зайчишками. Обычно в тайгу уходили своей компанией: Валентин Филатов, Волька Глумов, Стас Хилькевич, Николай Воронцов, Валентин Рыба-лов, Владимир Могилев, Вадим Васильев и я. Вспомнился случай, когда однажды осенью возвращались с Кривого озера. День выдался на редкость теплым, песчаные дороги в сосновом бору на полянах были хорошо прогреты. Выйдя из-под тенистых развесистых крон вековых сосен, вздрогнули от ужаса, такого зрелища мы еще никогда не видели, хотя слухи об этом ходили среди местных жителей. На песчаной дороге большой поляны грелись на солнце, как нам показалось, тысячи змей, посчитать мы их не могли. Змеи, видимо, готовились к зимней спячке, предчувствуя приближение осенних заморозков. Прошло уже много лет, а воспоминание об этом случае все еще навевает какой-то ужас.

Судьба у всех ребят из нашей компании оказалась сложной. Борис Печенкин погиб на фронте, о нем будет особый разговор. Валентин Филатов был тяжело ранен. После войны жил в Алма-Ате, но с развалом советского государства переехал в Питер к детям. Волька Глумов, «булочка» — так прозвали его за полноту и тройной подбородок, погиб на фронте. Стас Хилькевич испытал все унижения, которые выпали на долю детей, родители которых были объявлены «врагами народа». Его отец, как говорили, был чистюля — интеллигент до мозга костей, очень порядочный человек, работал преподавателем в Тюменском институте. Кто-то на него состряпал донос и за это его арестовали и расстреляли. Сейчас он реабилитирован. Стас Хилькевич погиб на фронте. Володя Могилев окончил бронетанковое училище, хорошо воевал на Западном фронте, погиб в бою за деревню Ясная Поляна Смоленской области. О его подвиге наш поэт Михаил Абрамов написал проникновенное стихотворение. М. Абрамов — весьма незаурядная личность, порядочный человек, о нем будет

написано особо.

ПОДВИГ ТАНКИСТА

Посвящается выпускнику Тюменской школы № 1 1941 года Владимиру Могилеву, который в бою за деревню Ясная Поляна Смоленской области не покинул подбитый танк, а продолжил бой с фашистами до последнего снаряда.

Чуть зарделся рассвет, поднялись спозаранку
И заполнили место в привычном строю,
Разом двинулись все краснозвездные танки,
В бой пошли на врага за Отчизну свою.

Лейтенант Могилев в щель глядит напряженно,
А радист Казаков шлемофон пристегнул.
Молодой экипаж, в первый бой устремленный,
Стиснув зубы, нахмурившись, брови сомкнул.

Цель видна: справа дзот и окопов траншеи,
Надрываясь, бессильно строчит пулемет,
Пушки слева стреляют по танкам прицельно,
И пехота в окопах с гранатами ждет.

Танк по пушке прицел на ходу направляет,
Залп, с короткой, снаряд посылает вперед;
Там, где пушка была, столб огня уж сверкает,
Боевой счет открыт, враг возмездье несет!

Танк направо летит и траншею проходит,
Длинный немец корявые руки задрал.
«Так-то, гад! — улыбнулся, увидев, Володя, —
Хенде хох ты и сам перед нами поднял».

Прямо к дзоту спешит боевая машина,
И с размаха взлетает на холмик броня,
Рухнул дзот, не сдержавши такую махину,
Пулемет замолчал, заклубилась земля.

Снова ровное поле, на небе зарница,
Танк несется, колосья под траки подмяв.
Только что отцвела молодая пшеница,
И блестели на солнце росинки, упав.

Вот машина с разбега внезапно споткнулась
И волчком закружилась она, тарахтя.
Гусеница ее, как ковер, растянулась,
И крутились ленивцы, напрасно вертясь.

«Танк покинуть!» — команда звучит командира.
Сам поднялся и место у пушки занял,
Ствол навел на копну, что вблизи ориентира,
Меткий залп ту копну будто ветром слизал!

Казаков заряжает в казенник снаряды,
Могилев точно ставит ствол пушки на цель,
Залп за залпом гремит по врагам канонада,
Все сметая вокруг, что попало в прицел.

Ствол пылал, посылая откат за откатом,
В танке стало, как в бане небелой жара,
Запах гари от гильз, дым на вкус сладковатый,
Схватка лютой с врагом ненавистным была.

Лишь последний снаряд не успели направить
Эти парни, что выдали лавы огня.
Казаков в нижний люк смог машину оставить,
Могилев в башне тесной сгорел, как свеча!

Далеки те года и те дни огневые;
А в смоленской земле, где могилы ребят,
То молчат, то шумят те леса вековые,
Что о подвигах вечную память хранят!

Николай Воронцов был рослым добродушным парнем, хорошо повоевал, ему повезло, даже не был ранен. После войны женился на своей соученице Нине Елькиной. Когда она умерла, пристроился к ее сестре, Елькиной Валентине, моей однокласснице. Валентина окончила медучилище, была на фронте, сейчас живет в Нижнем Тагиле. Жизнь с Николаем у них не сложилась, она осталась в Н. Тагиле, а он переехал в Тюмень.

Валентин Рыбалов — интересный на вид парень, школу окончил на год раньше меня, жил в Тюмени по соседству. По характеру был очень спокойным, любил рассказывать «байки», мог соврать, но за это на него не обижались. Борис Печенкин, Валентин и я были неразлучные друзья. Если с ребятами из нашей компании мы «баловались» охотой, то с Борисом и

Валентином занимались этим делом серьезно. У всех нас были двуствольные ружья. У Бориса было особенное ружье — бельгийское, штучной работы, с фирменным клеймом «Коп-Кирилл-Петух», и ценилось по тем временам дорого.

Отец Бориса, Леонид Печенкин, знал толк в охотничьих «подружейных» собаках. У него был рыжий сеттер — «ирландец» и три пойнтера, все собаки хорошо натасканы на боровую дичь. Осенняя охота с такими собаками — одно удовольствие! В те времена дичи, особенно серых куропаток, было много у самого города. Охота на куропаток и косачей начиналась прямо от дома отдыха. Выходили на охоту обычно вчетвером, иногда с нами ходил Петр Юлианович Хайновский, завуч нашей школы, он дружил с отцом Бориса.

Собаки были очень рады, когда их брали на охоту, а как «красиво» они работали — загляденье! Поиск дичи шел «челноком», почуяв ее, собака вся преображалась, глаза блестели, тело вытягивалось в струну. Припадая к траве, она подтягивалась к дичи и, когда оказывалась совсем рядом, замирала в стойке. Корпус, голова и хвост вытянуты в линию, стоит на трех лапах, правая передняя согнута в суставе, морда у самой травы, вся нервно подрагивает.

Мы подходим, у каждого по собаке, каждый следит за своей; вдруг почти из-под самого носа собаки с шумом взлетает стайка куропаток, гремят выстрелы, кто-то стреляет удачно, кто-то промахивается. Собаки начинают поиск убитой дичи и, если не находят ее, смотрят на охотника с укоризной, дескать, какой же ты «мазила»…

Иногда после промаха с языка срывались непечатные словечки, только один Петр Юлианович тихо шевелил губами, но бранных слов от него никто не слышал. Домой возвращались с трофеями. У Печенкиных их было всегда больше, так как влет они стреляли лучше нас.

Иногда с Печенкиными я ездил на лошади за 50 километров в Велижаны на косачиную и глухариную охоту. Обычно на телегу ставили плетеный короб, садили собак, брали жену и дочь Леонида Печенкина. Обратно возвращались дня через два-три. Короб был почти полный, так как дичи в тайге было превеликое множество.

Вспомнился и такой случай, когда мы с Борисом сдавали шкуру убитого волка, а у нас ее не принимали, утверждая, что это собака, а не волк. Но это была настоящая волчица. Отец Бориса принес ее щенком из леса. Выросла она вместе с их собаками, а когда стала уже почти взрослой, пришлось от собак убрать, так как было опасение, что либо собаки ее загрызут, либо она их

перекусает.

Отец надел на нее ошейник, посадил в огороде на цепь и стала она сторожевым псом. Но дело не обошлось без казуса. Как известно, волки часто по ночам воют, выла и наша волчица, вызывая собачий переполох на улицах. Однажды ребята забрались в огород к Печенкиным и хотели полакомиться зеленью, но повстречались с Фимкой, так звали волчицу, и одного из них она сильно искусала. Возник скандал. Отец Бориса взял ружье и пристрелил ее в огороде. Мы сняли шкуру и решили обменять ее на порох и дробь в «Заготпушнине». Но когда приемщик увидел, что шкура на шее вытерта ошейником, то заявил, что собак не принимает. Вскоре пришел старший охотовед, шкуру у нас принял, но премию — пятьдесят рублей — не дал. В то время это были хорошие деньги, больше пяти тысяч нынешних, но мы и этим были довольны, так как порох и дробь в магазинах не продавали, а «самоделка» на рынке стоила дорого.

Часто вспоминал, как мы за «Тюменкой» (так назывался пригород около татарских деревушек) охотились на домашних гусей. На заливных лугах кормилось много гусиных стай. Рано утром, когда уходили на охоту, старались обязательно пройти поближе к птицам. Потревоженная стайка гусей с гоготом потихоньку уходила с лугов к мелким озерам, которых здесь было множество, а старые гусаки, вытянув шеи, с шипением пытались наброситься на нас. Мы их поддразнивали, отчего они все больше свирепели, теряли осторожность, подбегали к нам вплотную и пытались ущипнуть за ноги. В руках у нас были заранее подготовленные длинные гибкие ивовые прутья. Когда гусь, потеряв бдительность, хватал клювом за штанину, короткий, резкий взмах руки с прутиком обрушивался на его шею. От сильного удара он замирал и переворачивался на спину. Быстро подобрав гуся в мешок, мы устремлялись в ивовые заросли и уходили в лес.

Распотрошив гуся, просолив изнутри, набив его картошкой, обмазывали глиной вместе с перьями и клали в горячую золу костра. Уверен, что ничего подобного вам ни в одном ресторане не подавали, вкуснятина неимоверная!

Представьте себе, что вы уже почти год ничего вкусного не ели и были всегда голодны, а таким людям всегда снится что-то необыкновенное и все их помыслы только о сытной еде. Так было и со мной.

Жизнь в лагере и в нашем санитарном «ревире» шла своим чередом, одних выписывали и направляли в рабочие команды, других покупали различные «бауэры», третьих отправляли в лагеря смерти на переработку в костную муку на удобрения

лагерных огородов и на выработку мыла. Немцы — народ практичный, так что человеческих отходов почти не было, все шло в дело. Скажу откровенно, что мыло из «человечины» получалось все же паршивое, но все пленные им мылись и, более того, те, кто работал на фабрике, выпускающей мыло, ухитрялись проносить в лагерь жир, компонент мыла из человеческих отходов, который пленными использовался для еды.

Наши лагерные врачи делали многое для моего выздоровления, рана была уже небольшой, но никак не зарастала. Нужно было сделать пересадку кожи или обеспечить хорошее питание, но об этом можно было только мечтать.

Началась зима, в бараке холодно, единственное утешение — это ночное гудение в небе американских «крепостей» Б-16, тяжелых бомбардировщиков. Американцы летали челночными рейсами с английских военных баз. Заправившись до предела горючим и бомбами, летели бомбить немецкие города, в том числе и Берлин, а совершив акцию «возмездия», брали курс на Полтаву. Там передохнув, залатав пробоины в фюзеляжах самолетов, оставив раненных в госпитале и заправив самолеты горючим и бомбами, вновь ночью брали курс на города Германии и после очередной бомбежки приземлялись в Англии. При таких налетах американцы и англичане несли потери в людях и технике. Сбитых летчиков немцы в первые годы расстреливали, а позднее стали брать в плен.

Американцы, как правило, «расстилали осветительный ковер» над городом — вначале сбрасывали десятки осветительных бомб и было светло как днем, а затем «поливали» напалмом и сбрасывали тяжелые бомбы весом иногда более пяти тонн. В последнее время, когда немцы начали бомбить англичан самолетами-ракетами Фау-1 и Фау-2 с большим количеством взрывчатки, американцы стали бомбить немцев морскими торпедами. Такая торпеда при взрыве могла разрушить целый жилой квартал.

Немцы понимали, что идут к гибели, но оставались верны своему фюреру. Среди солдат, охранявших лагерь, большинство были калеками, но службу несли исправно, за малейшую провинность сразу следовало наказание. В одном из лагерей солдат сделал приспособление для порки провинившихся пленных, один экземпляр поступил и в наш лагерь. Провинившийся получал талон от немецкого солдата, шел в блок, где стояло приспособление, отдавал талон дежурному солдату, снимал штаны и ложился животом на стол. Солдат включал рубильник и стальная пластина била по голому заду столько раз, сколько было указано в талоне. Однажды и я прошел эту

процедуру за то, что не поприветствовал проходившего солдата.

Весна наступила как-то незаметно, стало теплее в бараке, и вновь начались разговоры о побеге. Вынашивались разные планы и обдумывались варианты: можно было бежать через горы в Италию к партизанам, в Югославию к Тито, в нейтральную Швейцарию и очень заманчиво — во Францию, в отряды Сопротивления.

Наш блок (барак) располагался в трех метрах от колючей проволоки, за которой начинался крутой лесной спуск с горы. При определенных обстоятельствах условия для побега вселяли надежду. За проволокой часто ходил с винтовкой молодой поляк, видимо, он был ранен во Франции, из госпиталя уже выписан и отправлен на охрану лагеря до полного выздоровления. Его поведение вызывало определенный интерес, но было не совсем понятным. Когда поблизости не было немцев, он вступал с нами в разговоры и, как бы между прочим, давал понять, что в его ночное дежурство можно рискнуть совершить побег. Идея была очень заманчивой, но и риск при этом большой. Возникали различные вопросы, как и почему он оказался солдатом в немецкой армии, почему не ушел в армию Тито или в отряды Сопротивления во Францию и не является ли провокатором? Гестапо умело хорошо организовывать различные провокации, и мы это знали.

Вскоре мы наблюдали из лагеря, как немцы с собаками при участии местного населения и молодежной организации «Гитлерюгенд» прочесывали лесные массивы в горах. Во время ночного налета англо-американских тяжелых бомбардировщиков были подбиты два самолета, их команда выбросилась на парашютах. Это примерно двенадцать-пятнадцать хорошо вооруженных офицеров, знающих местность и готовых при задержании оказать вооруженное сопротивление. Какова судьба этих людей, мы не знали. Судя по поведению немецких солдат, охранявших лагерь и принимавших участие в этой операции, можно было догадываться, что часть англо-американцев была уничтожена, часть раненых взята в плен и кое-кто, видимо, ушел от облавы. Были убитые и раненые с немецкой стороны.

Для себя мы сделали вывод, что немцы умеют хорошо организовать преследование бежавших из лагеря и, что самое главное, при побеге нужно бояться не только солдат с собаками, но и цивильных немцев, особенно молодых сопляков из «Гитлерюгенд».

Рана на ноге зарастала очень медленно. В очередной осмотр немецким врачом я ему что-то не понравился. Судьба была решена. Из «ревира» меня выписали с предписанием отправить в

рабочую команду в город Ханау.

К утру была сформирована команда военнопленных из 20 человек, и после завтрака под конвоем мы пошли на железнодорожную станцию города Бард-Орб. Когда спустились вниз с горы, на которой размещался наш лагерь, огляделись вокруг: какая красота предстала перед нашим взором! Высокие горы с заснеженными вершинами, покрытые сосновым лесом, прорезанные глубокими долинами, при ярком весеннем солнце сверкали белизной вверху, а внизу в долине поражала сочная зелень. Это была настоящая Швейцария или северная Италия, благо граница этих государств проходила совсем недалеко.

Примерно через 30–40 минут подошел поезд, и мы отправились к новому месту назначения. Пассажиры бросали на нас косые, недобрые взгляды, но в разговоры вступать не решались. Мы понимали, что у многих из них дети, мужья или другие родные, близкие сложили головы на восточном фронте, да и среди городских жителей было немало калек, получивших ранение в войне с нами. Лично для меня все было любопытно, начиная с вагонов поезда и самой железной дороги. В вагонах вдоль стенок было четыре двери, каждое открытое купе рассчитано на шесть посадочных мест, чистота в вагоне идеальная. Полотно железной дороги уже нашего, шпалы металлические, уложенные на толстый слой щебенки. Мелькающие отдельные домики «бауэров» и мелкие поселки утопали в зелени, поля ухожены, коровы и лошади все «крупногабаритные», дороги, как правило, асфальтированы или засыпаны гравием. На лицах немцев лежала какая-то печать: замкнутость и плохо скрываемое нервное напряжение. Понять их было можно: с восточного фронта постоянно шли похоронки, а в городах было страшнее, чем на фронте. Каждую ночь шли беспрерывные налеты англо-американской авиации, и все крупные города лежали в развалинах. Приближение часа расплаты за свои злодеяния немцы чувствовали, но отдалить его уже не могли. В жизни за все платят: за любовь, унижение и злодеяния.

Город Ханау встретил нас воздушной тревогой, шел очередной дневной налет авиации союзников. Самолеты летели на большой высоте, город не бомбили, «стучали» зенитки, осколки падали рядом. Все немцы ушли в укрытие, а нас положили вдоль насыпи и приказали не вставать. Конвоиры находились рядом, и было видно, как у них дрожали коленки.

Город Ханау небольшой, уютный, с одноэтажной застройкой, очень чистый, раньше был резиденцией русских царей во время отдыха.

Забегая вперед, отмечу, что на южной окраине города размещался крупный завод по производству резинотехнических изделий, в том числе и автомобильных шин, — это акционерное предприятие фирмы Данлоп, созданное на англо-немецком капитале. Англичане имели контрольный пакет и даже в войну получали хорошие дивиденды. На северной окраине поблизости от железнодорожной станции размещались крупные склады боеприпасов и мастерские по ремонту гужевого транспорта — место нашей работы.

Город Ханау был уничтожен и сожжен напалмом авиации союзников в течение пятнадцать минут. Ночью самолеты-разведчики световыми бомбами обозначили город, подошедший эшелон тяжелых бомбардировщиков сбросил бомбы и накрыл ковром напалмовых зажигалок. К утру все сгорело, город перестал существовать. Но что любопытно: на завод фирмы Данлоп упала только одна бомба, да и та на территорию, где жили восточные рабочие. Англичане берегли свое добро и завод бомбить не разрешали.

В рабочей команде нас встретили приветливо. Она только что начала формироваться, раньше нас уже приехало двадцать пять человек военнопленных. Нас всех разместили в кирпичном здании, бывшем когда-то складом. Мы быстро вдоль стен соорудили двухэтажные нары, набили матрацные наволочки соломой, получили какие-то тряпки в качестве одеял и начали обживать новое место.

Человек — удивительно разумное и неприхотливое животное, почти к любой обстановке быстро привыкает и, к сожалению, почти не ропщет на свою судьбу.

Вести себя в рабочей команде нужно было аккуратно, все провинности немцами-конвоирами записывались в журнал и в конце недели провинившихся заставляли пивными кружками чистить сортир. На это уходила вся ночь, и вонь стояла на дворе и в нашем бараке невозможная. Для немцев это было развлечением.

Через пару дней нас построили, заменили лагерную униформу на рабочую робу — старую французскую военную форму. У каждого на спине красной краской написали две буквы «SU», что, по мнению немцев, должно означать «пленный из Советского Союза». Подобное клеймо было еще у евреев. У них на спине желтой краской было написано «YU», что должно было означать «иуда», а на груди большая шестиконечная желтая звезда. Если кто-то осмеливался убрать эти знаки, то приговаривал себя к смертной казни.

Когда мы шли строем под конвоем солдат с собаками, мое внимание привлекало то, что почти на каждом углу у телефонных

будок был черный плакат, на котором изображена тень человека в плаще с поднятым воротником и в шляпе, а внизу надпись: «Фаинд мит хорен» (враг подслушивает). Шпионаж друг за другом у немцев был развит больше, чем у нас, поэтому они не доверяли друг другу. Немцев повсюду сопровождала тень гестапо, даже лежа в постели и занимаясь любовью, они ощущали эту тень.

Прошло много времени, сейчас уже кое-что выветрилось из нашей памяти и памяти немцев, но все-таки любопытно вспомнить, что начиная с 1943 г. в Германии стали открываться специальные «случные» пункты. За первые два с половиной года войны немцы в России потеряли более двух миллионов солдат и офицеров, армия выросла до небывалых размеров, мужчин почти не осталось в городах. Среди женщин начались непристойные разговоры в отношении руководства страны, резко возросла проституция, упала нравственность нации. Геббельс предложил открыть в стране «случные» пункты с участием чистокровных арийцев и выдавать каждой вдове талон для удовлетворения своих потребностей. Вскоре эта акция прижилась и не вызывала у населения особых эмоций.

В рабочей команде меня определили в столярную мастерскую по ремонту военных конных повозок. Это были большие телеги на высоких колесах с высокими бортами. Рабочая команда была укомплектована из одних офицеров — от младшего лейтенанта до полковника включительно. Часть пленных была определена на работу в слесарную мастерскую, а остальные выполняли разные работы: копали укрытия на время воздушных налетов авиации, занимались погрузочно-разгрузочными работами и разминированием неразорвавшихся после налетов англо-американской авиации авиабомб.

В рабочей команде судьба свела меня с разными людьми. С одними впоследствии стали друзьями, с другими установились хорошие отношения, к некоторым возникла антипатия. В столярке вместе со мной работали Владимир Колосов и Александр Степашкин. Они были старожилами и ко мне относились настороженно. У Владимира были золотые руки, он делал много красивых вещей для немцев, работавших с нами. Старый Иоганн, столяр, и молодой раненый солдат Фриц относились к нам неплохо. Фриц после обеда из солдатской столовой часто привозил нам в коробке из-под пулеметной ленты вареный картофель. С нами работал еще один немец — Вальтер. Его сильно искалечило под Смоленском, и он относился к нам не лучшим образом. В разговоре с нами он часто задирался и не стеснялся «распускать» руки. Однажды во время очередного налета авиации англо-американцев бомбы рвались на территории

складов и попали в два бункера с боеприпасами, в которых находились сотни снарядов. Стоял кромешный ад. Мы едва успели выскочить из столярки и забраться в водосточную трубу под дорогой вместе с нашими немцами, как начали рваться тяжелые бомбы, и земля качалась и тряслась, как при очень сильном землетрясении. Когда все это закончилось, мы выползли наружу. Все были изрядно напуганы, кругом одни воронки, бросали, видимо, «сотки» и «пятисотки». Мы остановились на краю большой воронки, к нам подошел Вальтер, и я ему, между прочим, сказал, что при очередном налете можно угодить в воронку и песок засыплет. Он выразительно посмотрел мне в глаза, отвернулся, ничего не сказал, но зато стал вести себя аккуратно и больше не искал с нами ссор.

В женской команде работал мой хороший приятель младший лейтенант, командир взвода Гранкин Володя. В женской команде были цивильные женщины, они размещались в отдельном бараке и набивали пулеметные ленты. Володя работал у них истопником и занимался уборкой барака. Отношение женщин к нему было хорошее, иногда его подкармливали и заигрывали с ним. В плен он попал тяжелораненным, ему сильно изуродовало правую ногу. Рана уже поджила, но нога осталась короче на 10–12 сантиметров. По характеру это был изумительный человек, очень общительный и справедливый.

Я спал на нижних нарах рядом с капитаном Емельяновым Ильей Петровичем. Это был высокий, статный, симпатичный сибиряк из села Чапрай Красноярского края. Воевал в артиллерии, как я предполагаю, по должности был заместителем командира дивизиона по политчасти. Это была, конечно, его тайна, говорить об этом ему не следовало, так как немцы комиссаров и евреев расстреливали на месте, считая их «жидовским племенем». Работал он в слесарной мастерской, по характеру был очень ровный, добродушный и справедливый, что отличает многих сибиряков.

На дополнительную кормежку каждый из нас, если удавалось, подрабатывал как мог. Володя Гранкин приносил цветные прокладки из цинковых коробок от боевых патронов. Я ухитрялся красть нитки из грузовиков и оргстекло из кабины. Из цветного войлока мы шили тапочки, колодки для их пошива я сделал в мастерской. Сбывал их Володя Гранкин цивильным немкам. Делали мы и красивые наборные мундштуки, заготовки для них выполнял Илья Петрович, а завершали обработку вечером у себя в бараке. Готовые изделия сбывали пленным французам. Они жили сравнительно хорошо, им присылали посылки из дома через общество Красного Креста.

Американцы с англичанами форсировали Ла-Манш, так как был открыт второй фронт, и немцы были взвинчены до предела. Народ уже понимал, что война проиграна, но гражданские немцы все еще надеялись на чудо, которое обещал Геббельс. Надежды, видимо, были связаны с чудо-оружием — атомной бомбой. Немцы были близки к ее изготовлению, но авиация союзников вывела из строя все их лаборатории по производству пушечного плутония.

В ответ на бомбежку союзников немцы пытались отвечать налетами Фау-1 и Фау-2. Стартовые площадки этих установок находились где-то недалеко от нашего барака, и иногда по ночам мы видели огненный след запуска немецких реактивных самолетов-снарядов.

В хороших, дружеских отношениях со мной были Исаев Семен Петрович, старший лейтенант, и Бычков Михаил Константинович. Впоследствии, осенью 1945 г., мы вместе проходили «фильтрацию» в 1-й Горьковской дивизии НКВД в Белоруссии на станции Опухляки..

Наступила радостная пора, но и очень тревожная. Наши союзники начали активные действия на севере Франции. Настроение немцев по отношению к нам стало меняться. Те из солдат, которые воевали на восточном фронте России, пытались дать нам понять, что на фронте они не зверствовали — это был удел «СС». Гражданские немцы проявляли сочувствие, но все равно все боялись гестапо, так как в их среде почти каждый второй был осведомителем. И чем хуже становилось положение на фронтах, тем сильнее свирепствовало гестапо.

В это время один из цивильных мастеров особенно старался сблизиться с Володей Гранкиным. Каждый день давал ему информацию о продвижении союзников в глубь Франции, говорил о том, как немцы не хотят войны. Однажды он передал записку якобы от Русского центра из Франкфурта-на-Майне. В записке так называемые восточные рабочие предлагали объединить усилия, вместе с ними поднять восстание и начать боевые действия при подходе союзников к городу. Володя поделился своими соображениями с Емельяновым Ильей Петровичем, и они вместе задумали план действий, но об этом не сказали даже мне. Через мастера, передавшего записку, они попытались наметить план совместных действий с Русским центром, однако все скоро рухнуло. Немец оказался провокатором и сдал Володю и Илью гестапо. Где и как они погибли, неизвестно, вероятнее всего, их сожгли в крематории в одном из лагерей военнопленных. Так я потерял своих близких друзей. Деталей я не помню, только знаю, что от них из тюрьмы пришла записка, в которой они предупреждали, что немецкий

мастер — провокатор и нужно от него избавиться.

В один из сильных дневных налетов американцев немца прибили арматурным прутом и засыпали в воронке. Возмездие состоялось.

Однажды у немцев настроение вдруг поднялось, оказывается, в Арденнах, на севере Франции, их войска изрядно потрепали наших союзников. Положение англо-американских войск становилось критическим, и от полного разгрома их спасло наступление наших войск на восточном фронте.

Вскоре наши союзники «пришли в себя», поскольку немецкое наступление приостановилось. Начались интенсивные бомбежки немецких городов тяжелыми бомбами с предварительным поливанием напалмом. Города горели, из подвалов домов и развалин шел трупный запах, а зарево пожаров ночью можно было наблюдать со всех сторон.

Как я уже отмечал, наш кирпичный барак находился недалеко от железнодорожной станции города Ханау. В одну из ночей англо-американцы совершили очередной налет на железнодорожную станцию. Территория нашего барака, мастерских и складов была накрыта несколькими «коврами» тяжелых бомб, напалмом и морскими торпедами. Охрана открыла двери, прокричала: «Алярм!» — «Тревога!» — и вместе с нами разместилась в убежище. Это был пустой одноэтажный гараж, снаружи обвалованный землей до самой крыши. Пока бомбы падали сравнительно далеко от нашего укрытия (200–300 м), некоторые солдаты пытались шутить и даже напевать маршевые песенки, стараясь показать нам, какие они храбрые. Когда же бомбы начали падать совсем близко, страх охватил всех. Земля вздымалась и качалась, с потолка сыпалась штукатурка, одна из морских торпед весом в несколько тонн разорвалась где-то поблизости, ударившись о дерево. Взрывная волна выбила двери гаража, нас всех вдавило в стены, крышу сбросило в сторону. Я мысленно попрощался с жизнью, понимая, что если еще одна тяжелая бомба или торпеда упадет рядом, наше убежище превратится в одну братскую могилу. Простые смертные очень нервно переносят бомбежку в лесу, крупных населенных пунктах, особенно находясь в убежищах с большим количеством людей. Всем почему-то кажется, что бомба обязательно упадет туда, где они находятся.

Утром, когда налеты прекратились, мы увидели, что недалеко от нас, примерно в ста метрах, было прямое попадание тяжелой бомбы в капитальный немецкий бункер и на его месте теперь была большая воронка, наполненная водой.

В этот период немцы переживали сплошной кошмар, ни днем,

ни ночью им не было покоя — кромешный ад. Все города и крупные населенные пункты были в развалинах. Наступило возмездие, то, чего они так боялись.

Однажды в феврале 1944 г. вечером, после ужина, в наш барак пришел унтер-офицер из внешней охраны блока. Переводчик, он же староста, построил нас в прихожей перед кухней. Немец поздоровался и, к нашему удивлению, попросил прощения за свой несдержанный характер: «Я завтра еду на восточный фронт и очень прошу вас написать мне рекомендацию, что мое отношение к русским пленным было лояльным».

Мы не ожидали ничего подобного от немецкого унтер-офицера и растерялись, стояла тишина. Немец долго молча смотрел на нас, а мы не знали, как нужно поступить. Его отношение к нам было действительно лояльным. Ребята подумали, составили текст и написали записку с приложением списка всей нашей рабочей команды. На прощание дали несколько добрых советов, как нужно поступить, если он захочет перейти на сторону наших войск и сдаться в плен.

К сожалению, дальнейшая судьба его неизвестна, хотя я и пытался разыскать адрес его возможного проживания через знакомых немцев, которых впоследствии у меня было достаточно, когда пришлось работать комиссаром госпиталей в г. Ашафенбурге американской зоны оккупации Германии.

Зима в этот год в Германии была сравнительно теплой. На погодные условия, возможно, «повлияло» наступление советских войск на восточном фронте, наших союзников — на западном, во Франции и на юге Италии. Вся Германия оказалась в «котле» почище сталинградского, но упорство немцев на фронтах не ослабевало. В это время в немецкой армии действовал зловещий приказ, пострашнее нашего приказа № 100 («ни шагу назад»). По этому приказу не только расстреливались солдаты и офицеры немецкой армии, оставившие свои позиции под напором неприятельских войск, но и подлежали уничтожению и репрессиям их семьи и близкие родственники. Но спасти от разгрома всю военную машину вермахта уже ничто не могло. В Германии начался хаос. Тысячи беженцев двигались по всем дорогам. Одни бежали от наступающих советских войск, боясь возмездия за злодеяния своих солдат на территории России, другие — от беспрерывных бомбежек городов нашими союзниками.

«Майн Гот, Майн Гот!» — обращение к богу было почти у всех на устах. Вера в бога возрастает у всех народов в трудный период их жизни. Но обычно, когда люди творят свои злодеяния, о боге не вспоминают.

Особенно лицемерят перед богом правители. Гитлер с напускной маской лицемерия и глубокой верой в бога развязал кровавую бойню в Европе. Сотни миллионов людей и тоже с именем бога начали с ожесточением уничтожать друг друга. Забегая вперед, можно сказать, что все это происходит и сейчас. Например, «искренний» католик Бил Клинтон, не моргнув глазом, послал бомбить народ Панамы, Ливии, Югославии и сейчас грозит народам мира, что он готов послать свои войска в любую точку земного шара, где, по его мнению, могут быть «задеты» интересы Америки.

(Так и у нас в России бывшие коммунисты Борис Ельцин, Павел Грачев, Виктор Черномырдин и другие, со свечками в руках стоящие у алтаря, ограбив свой народ, развязали кровавую войну в Чечне, превращая в развалины города и села, убивая своих ни в чем не повинных людей. В бога они, конечно, не верят, но посмотрите на них, когда они стоят со свечками в храмах Москвы, и поймете, насколько они лицемерны и лживы.)

Прошу читателей извинить за мое отступление от того периода времени, когда я находился в рабочей команде Германии в завершающей стадии одной из самых кровавых войн на земле.

Огненное кольцо в 1944 г. со всех сторон приближалось к границам «Великого Рейха», и эту петлю вокруг Германии чувствовал каждый немец как на своей шее. Но любопытно было наблюдать за немцами, понимавшими, что пришел крах и война уже проиграна: рабская покорность и вера своему фюреру, особенно у молодежи, была фанатичной.

В наш блок зачастили власовские офицеры, приносили свои газеты, различную пропагандистскую литературу, но сами агитацией не занимались. Им, видимо, хотелось поточнее знать наше настроение и можно ли будет найти поддержку у нас в случае военного краха Германии.

Обстановка на фронтах быстро менялась, восточный и западный фронты активизировались, в Африке немцы были окончательно разбиты. Командующий войсками фельдмаршал Роммель — «лиса пустыни» — бросил свои части на милость победителей — американцев и англичан, а сам ночью на самолете бежал в Германию, впоследствии вынужден был застрелиться.

Немцы с приближением фронтовых действий к самым границам Германии, а в некоторый местах и с их ведением на территории Германии впервые почувствовали себя очень неуютно в своем любимом рейхе.

В Германию были вывезены для работы более пятнадцати миллионов гражданских лиц со всех завоеванных стран Европы. Только с оккупированных территорий Советского Союза немцы

угнали в рабство около пяти миллионов человек. В границах рейха в этот период находилось несколько миллионов военнопленных солдат и офицеров Советской Армии и наших союзников. Кроме этого в Южной Германии была сформирована власовская армия, в рядах которой было более пятисот тысяч хорошо обученных солдат и офицеров.

Вся эта масса иностранцев представляла большую угрозу стабильности внутри страны. Началось массовое истребление военнопленных, крематории в концлагерях работали круглосуточно, но не успевали сжигать трупы. Тогда немцы при помощи рабочих команд из военнопленных стали укладывать трупы штабелями вперемежку с дровами, обливали их бензином и поджигали. По рассказам очевидцев, запах горелых трупов распространялся на много десятков километров.

Вот в такой обстановке мы жили, но в душе, конечно, надеялись на лучшее.

Однажды на территорию рабочей команды, где мы работали, пришел полк специальных войск для ведения химической войны. Установки со специальными баллонами расположились под деревьями по всей зоне. Такое соседство не сулило ничего хорошего. Гражданские немцы, которые находились вместе с нами, были очень напуганы. Все понимали, что если союзники совершат воздушный налет на станцию, то бомбовый «ковер» накроет и нашу территорию.

К счастью, нас построили и увели в барак, поскольку до конца рабочего дня было еще много времени. Мы почувствовали тревогу, понимая, что должно произойти какое-то событие.

После обеда к нам пришли взволнованные солдаты, криками стали заставлять нас делать бессмысленную работу: разбирать нары, выметать сор, чистить плац. Вскоре пришел комендант и объявил, что нас всех переводят в другой лагерь. Во двор въехал длинный грузовик, крытый брезентом, нам было приказано взять с собой одеяла и лезть в кузов машины. Кое-как, стоя, как сельди в бочке, мы разместились под брезентом между высокими бортами кузова.

Куда нас везут, мы не знали. Вскоре мы поняли, что едем на запад. Позади остались города Ханау, Ашафенбург, Франкфурт-на-Майне. К вечеру мы приехали на какой-то военный аэродром, до нас здесь работала греческая рабочая команда. Все греки погибли при налете англо-американской авиации в бараке, где жили. Видимо, налет был ночной и всех их застал врасплох, а возможно, охрана испугалась, что во время налета они все разбегутся и не позволила им покинуть барак и укрыться в старых воронках от разрывов бомб. Тяжелая бомба, вероятно «пятисотка»,

угодила в барак и все люди внутри погибли. Утром нас заставили разобрать завал, вытащить трупы и захоронить в одной братской могиле в большой воронке.

Аэродром был большой, взлетные дорожки грунтовые, все поле покрыто воронками. Вдали виднелся ангар, около него стояло несколько истребителей, покрытых маскировочной сетью. Нас разбили на звенья, дали лопаты и отправили засыпать воронки. Днем американцы еще раз накрыли аэродром «ковром». Мы недоумевали, зачем это было сделано? Все поле перепахано разрывами бомб и непригодно для взлета и посадки самолетов, сверху это хорошо видно. Может быть, они нас приняли за немцев и решили дать нам «прикурить», разогнать, чтобы мы не занимались восстановительными работами?

Среди пленных постепенно начались тайные переговоры о подготовке к побегу, сколачивались группы по три-пять человек. Был и лидер, которому верили, все его указания выполняли беспрекословно и на работу старались попасть в свое звено.

У нас тоже образовалась группа, в которую кроме меня вошли: Бевз А., старший лейтенант, бывший председатель колхоза на Украине; Алексеев Виталий П., уроженец и житель города Ставрополя; Козлов Алексей С., до войны жил и работал в колхозе «Красный Волок» Великолукской области; Шишков Александр М., 1919 года рождения, уроженец Московской области, станция «Правда»; Мурзин Павел З., 1920 (21) года рождения, до войны жил в Оренбургской области; Исаев Семен П., жил в Саратовской области, в колхозе «Новая жизнь» Дергачевского района; Бычков Михаил К. — из города Ташкента; был еще один, фамилию не помню. Это был очень красивый молодой лейтенант, звали его Валентином. Всего девять человек.

Какова дальнейшая судьба бывших товарищей по несчастью, не знаю. В конце сороковых годов, когда я уже жил дома, в поселке Павловском Очерского района Молотовской области, повел переписку со многими из них, но потом пришлось ее прекратить, так как понял, что нахожусь «под колпаком» и за мной идет негласное наблюдение. Впоследствии я узнал всех своих осведомителей, со многими из них сохранял добрые отношения и прилагал усилия к тому, чтобы они не догадывались о том, что я знаю о наблюдении за собой. Я знал даже их клички, под которыми они строчили донесения на меня, моих знакомых. Зная их предвзятое отношение, я старался давать им выгодную о себе информацию и никогда не вступать в сомнительные споры или комментировать различные политические события, так как понимал, что все сказанное мною может быть превратно истолковано в их донесениях. К этому я еще вернусь, это

довольно трудная и неприятная страница в моей жизни.

Очень сожалею, что переписку с друзьями пришлось уничтожить, так как понимал, что ее могут использовать против нас люди недоброжелательные и коварные. Впоследствии выяснилась, что эта мера предосторожности была не лишней.

После побега из плена я вместе с А. Бевзом, Шишковым А.М., С.П. Исаевым и М.К. Бычковым проходил «фильтрацию» в запасном полку Первой Горьковской дивизии на станции Опухляки в Белоруссии.

Все это будет потом, когда закончится война, сейчас же нужно было готовиться к побегу, а дело это непростое в условиях плена.

Где-то в самом конце февраля всех загнали в барак, приказали раздеться догола, выйти на улицу и построиться вдоль забора. Немцы устроили нам очередной «шмон»: обыскали барак, перерыли все наши шмотки, забрали ножи, заточки, ложки с заточенными черенками и даже булавки. Мы всегда старались быть осторожными, а тут попали впросак — все у нас отобрали.

Когда мы оделись, нас вновь построили и старший конвоя объявил, что нам предстоит длинный путь. Американцы в это время вели боевые действия уже на территории Германии, а мы были совсем рядом с городами Баден-Баден и Ваис-Баден, которые находились недалеко от западной границы Германии с Францией.

Мы приняли решение в удобный момент бежать с этапа, двигаться навстречу американцам, где-то поблизости от линии фронта спрятаться, замаскироваться и ждать их прихода. Однако все произошло иначе. По дороге к нашей колонне подошли еще несколько колонн военнопленных, и под усиленным конвоем начался наш марш в неизвестность. Двигались мы медленно и долго, опять прошли через Франкфурт-на-Майне. Весь город лежал в развалинах и представлял такую же жуткую картину, как сейчас Грозный.

Но что примечательно: город был разбит полностью, а химический концерн «Фарбен-индустрии» остался цел и работал. Во многих районах города стояли многоэтажные, как силосные башни, сооружения. Оказывается, это были наружные бомбоубежища. Сверху на крыше был налит восьмиметровый слой каучука, а круглая форма стен позволяла выдерживать удар взрывной волны практически любой силы.

При прямом попадании бомбы верхний слой каучука амортизировал удар — бомба скользила в сторону. Пользоваться такими убежищами было разрешено только элите города, остальное население обязано было скрываться в подвалах зданий,

оборудованных под убежища. Когда нас гнали по улицам через город, мы чувствовали неприятный трупный запах, «шедший» из-под развалин домов. Немцы к этому времени перестали разбирать завалы и извлекать трупы. Если я не ошибаюсь, в этом городе в марте 1944 г. во время очередного налета авиации союзников погибла последняя наследница русского престола.

Мы понимали, что нас перегоняют на юго-восток Германии в один из концлагерей. В этой части рейха, в горах, находилось много подземных заводов в пробитых в горах штольнях. Поскольку приближался неизбежный крах «Великой Германии», все подземные заводы были хорошо заминированы. Нас всех можно было загнать в эти штольни и в условный час взорвать вместе с подземным оборудованием или просто затопить. Такой вариант у немцев также был предусмотрен.

Через какое-то время, может быть через неделю, мы опять подошли к городу Ханау, откуда нас вывезли на запад. На окраине города, у леса, сделали привал. Приехали какие-то немецкие офицеры, пытались забрать наш конвой для обороны города, а нас всех в горах расстрелять. В это время к нам присоединились еще несколько больших колонн военнопленных и немцы, видимо, побоялись привести эту акцию в исполнение.

Нас построили в колонну, и мы вновь двинулись в путь. Ночи коротали обычно на открытых полянах, что при нашей-то одежде было просто ужасно, так как начиналась весна, было сыро и холодно. Немцы заставляли нас прижиматься друг к другу и сидеть. Границы квадрата, где мы сидели, обозначали проволокой, натянутой на колья. Конвой предупреждал, что каждый, кто приблизится к проволоке на три метра, будет убит без предупреждения. Вскоре мы подошли к главным воротам нашего бывшего лагеря в Бадорбе «Шталаг-IX-A». Здесь вновь был устроен привал, и мы думали, что нас оставят в этом лагере.

К вечеру подошла какая-то воинская часть, и мы видели, как немцы недалеко от нас жгли на кострах какие-то документы. Было ясно, что паника охватила немецкую армию, началась агония, возможны самые непредсказуемые для нас последствия.

Необходимо было срочно бежать с этапа. Наша колонна вместе с другими продолжала движение на юго-запад в горы. По пути на обочинах стали появляться трупы пленных. Всех, кто не мог идти, конвой пристреливал.

Утром, когда мы подходили к какому-то небольшому городку, начался налет авиации союзников, неподалеку начали рваться бомбы, наводя ужас на конвойных немцев.

Еще накануне вечером мы окончательно определили, кто будет нападать на конвойных справа и слева колонны. В этой

неразберихе и хаосе конвойные вмиг были уничтожены. Прихватив оружие и их ранцы, наша группа двинулась по мелколесью вокруг городка в обратном направлении. К вечеру, обойдя поселок с западной стороны, мы вышли на дорогу, по которой нас гнали этапом. Выбрав на высоком берегу реки Майна густой кустарник, решили переночевать. Недалеко от нас стоял одинокий добротный дом какого-то бауэра, а вдоль его забора проходила проселочная дорога на юг, в горы.

Во время бомбежки бежало еще несколько групп военнопленных, одну из них мы заметили около этого дома. Ошалев от радости и счастья, почувствовав себя свободными, беглецы около дома вели рискованные переговоры с хозяином дома. Позже мы узнали, что до прихода наших ребят в этом доме побывала полевая жандармерия, она знала о нашем побеге. Жандармы предупредили хозяина дома о возможном появлении здесь русских военнопленных. А о чем могут просить пленные? Прежде всего, им понадобятся хлеб, соль, спички, картошка, о хорошей еде в этот период даже не мечталось. И, конечно же, их будут интересовать дороги, куда они ведут. Наиболее заманчивый путь — на юг, в горы, лес начинается через 800–900 метров. Немцы предполагали, что пленные могут выбрать именно это направление, так как горы и густой лес по их склонам будут служить хорошим прикрытием от посторонних глаз, а также они смогут оторваться от погони, которую организуют немцы. Вначале мы наблюдали за ходом переговоров из своего укрытия, потом решили подойти и выяснить намерения, а может быть, и договориться о совместных действиях. Сюда вышли две группы, одну возглавил Горощеня, имя и отчество его не помню, вторую — Филимоненко из Белоруссии. Все ребята были из одного лагеря «Шталаг-IX-A» и из одной рабочей команды. В каждой группе было по пять человек.

Лидерство этих ребят было бесспорным, в лагере и рабочей команде они выделялись активностью, но были чрезмерно самолюбивы и заносчивы. Они предложили нам объединиться с одной из групп, так как у нас всех имелось оружие, а они были безоружны.

Выслушав их и узнав о дальнейшем плане действий, мы решили сохранить свою группу и действовать самостоятельно.

Хозяин дома объяснил им путь движения в горы, дал хлеба и картошки, что-то сказал скороговоркой — мы не поняли, махнул рукой и ушел. Ребята еще раз предложили нам совместное движение через лес на юго-запад, но видя, что мы отказываемся, почти бегом направились к лесу.

Мы стояли в раздумье, не зная, как лучше поступить. В это

время выбежала русская дивчина, вывезенная из Белоруссии и проданная этому хозяину в рабство. «Великий рейх», по мнению Гитлера, должен был существовать как минимум 10 000 лет.

Юная женщина замахала руками, закричала, чтобы остановить нас. Она торопилась объяснить, что хозяин ушел в жандармерию и приказал ей сидеть дома и не высовываться. Днем, когда приходили жандармы, ей удалось подслушать их разговор с хозяином дома. Жандармы приказали ему, если будут подходить пленные, всех направлять на юг, в лес, а там их будет ждать засада.

— Вы не ходите в этом направлении, — торопливо говорила она, — а быстро уходите отсюда, лучше всего на север, вдоль реки, недалеко есть мост, может быть, ночью вам удастся перебраться на ту сторону. Лучше всего поищите лодку и на ней тоже ночью попытайтесь перебраться на тот берег. Но имейте в виду, что раз в ночь, где-то около часу, проходит полицейский катер. В села старайтесь не заходить. Картошку ищите в поле, немцы хранят ее в буртах. Наберете картошки, отверстие в яме закройте, чтобы лишний раз не злить немцев, еще неизвестно, каким будет ваш путь.

Когда она закончила рассказ, мы посмотрели в сторону леса, куда убежали ребята, но их уже не было видно, догнать их было практически невозможно. Мы тяжело вздохнули и с грустью посмотрели друг на друга. На прощание девушка дала нам на дорогу спички, сахарин и немного сала. Мы были очень рады этому.

Возвратившись на свое место в кустах, обсудили план дальнейших действий и возможные направления движения. Решили до утра пробыть на этой возвышенности, понаблюдать за движением на реке, а утром отправиться в направлении города Бадорб.

Вечером, когда уже начали сгущаться сумерки, произошло непредвиденное: мы услышали почти рядом детские голоса. Присмотревшись, увидели, что на небольшой поляне на какой-то подстилке лежала молодая женщина, а рядом резвились двое ребятишек. Мы постарались не привлекать к себе внимания, но они все-таки заметили нас. Дети есть дети, подбежали к нам, но когда присмотрелись, поняли, что мы не немцы, а «восточные» рабочие, или военнопленные, с испугу закричали и позвали мать. С матерью мы объяснились, сказали ей правду, что мы русские пленные, бежали с этапа во время налета авиации. Поинтересовались, что она делает здесь с детьми, почему не идет домой.

— Дома ночью очень опасно, — ответила она, — особенно во

время бомбежки, а налет, видимо, повторится, так как днем сбито три американских самолета. Обычно после обстрела самолетов следовали ответные ночные налеты англо-американской авиации.

С нами она была доверчива, говорила без всякого страха и ненависти к нам. Интересовалась, придут ли русские сюда и будут ли мстить за эту войну, за погибших в концлагерях. Мы ответили, что русские сюда не придут, скорее всего, здесь будут или англичане, или американцы, а возможно, даже и французы. Такой ответ ее вполне удовлетворил, так как по ее виду можно было предположить, что лучше быть с ними, чем с русскими.

Эта невинная болтовня чуть было не стоила нам жизни. Разговаривая с ней, мы совершенно забыли об осторожности и перестали вести наблюдение. Вдруг прямо перед нами с оружием в руках появились два немца в штатской одежде. Они начали бранить женщину за связь с нами. Приказали нам и немке лечь на землю лицом вниз, пинками подогнали детишек к матери. Спасли нас двое наших ребят, которые до этого ушли вниз к реке принести воды. Когда они поднимались, то услышали лающую немецкую речь и поспешили на помощь. У них при себе были карабины, захваченные при уничтожении конвоя во время бомбежки, а вот наши карабины остались в кустах, добраться до них мы не имели возможности. Немцы быстро переговаривались между собой, но мы не могли понять, о чем шла речь, хотя догадывались, что всем нам грозит что-то очень скверное, так как немка плакала и просила о пощаде.

В это время прозвучала команда:

— Хенде хох! (Руки вверх!). Бросить оружие и лечь на землю. — Немцы беспрекословно выполнили приказ. Немецкие «вальтеры» были как раз кстати, у нас не было оружия ближнего боя, а без него в подобных стычках трудно остаться живым.

Немцев обыскали, забрали ножи, часы, сигареты, связали им руки, попрощались с немкой, фрицев забрали с собой и двинулись вдоль реки, стремясь поскорее и дальше уйти от этого места. Примерно через 2,5–3 километра в безлюдном и малодоступном месте спустились к реке, сделали привал. Немцев еще раз обыскали, заставили раздеться, надели на них нашу одежду с большими буквами на спине «SU», вынесли единогласный приговор, связали руки и ноги, привязали к ним тяжелые камни и столкнули в омут. Судя по их удостоверениям, они служили в тайной полиции. Как они оплошали с нами, я до сих пор не могу понять, видимо, для них оказалось слишком неожиданным появление наших ребят с оружием, а они привыкли иметь дело с безоружными.

Мы отдавали себе отчет в том, что наше положение

осложнилось и надо впредь быть предельно внимательными и осторожными. Некоторое беспокойство вызывали у нас конвойные солдаты, поскольку не было уверенности в том, что все они были убиты, в спешке мы могли оставить кого-либо и раненным. Беспокоила нас и немка с детишками, которая осталась ждать утра. Правда, она была очень напугана этими типами, они пригрозили ей расстрелом за связь с нами. По военным законам того времени всем жителям Германии под страхом смертной казни запрещалось вступать в связь с русскими пленными. За нами уже тянулась цепочка действий, по которым немцы легко могли выйти на наш след.

Беспрерывные бомбежки немецких городов днем и ночью давали нам надежду на успех, отвлекали от нас различные спецслужбы и гражданское население. Государственная машина разваливалась у немцев на глазах, воцарился хаос, народ начал прозревать и в ужасе от безысходности положения не знал, что делать.

Мы все дальше и дальше уходили на северо-запад. За это время союзники почти повсеместно подошли к границам Германии и вели успешное наступление на юг Франции. Фельдмаршал Петен, возглавлявший марионеточное правительство при немцах, был арестован. (Впоследствии, его и предателя французского народа Лаваля судили и приговорили к смертной казни. Перед казнью Лаваль ползал на коленях, прося о пощаде, а его «патрон» — девяностолетний фельдмаршал принял смерть достойно. Перед гильотиной он остановился, поправил наглаженные брюки и сам расстегнул воротник сорочки.)

Наши войска также вошли в Германию и были где-то недалеко от Одера на Эльбе. Днем, укрывшись в засаде и выбирая момент для броска через дорогу, мы часами вели наблюдение за беспорядочным передвижением немецких войск. Шло интенсивное движение войск на всех магистралях и больше всего в восточном направлении.

Мы начали понимать, что немцы пытаются стабилизировать восточный фронт, уплотнить боевые порядки, остановить наступление советских войск, а на западе они оставляли небольшие заслоны. И тогда мы приняли окончательное решение двигаться навстречу войскам союзников, понимая, что к нашим на востоке не пробиться, а на юге можем попасть в лапы власовцев.

В западных лесах Германии было очень трудно маскироваться, лесные массивы легко просматривались, в них чисто, как в парках. Каждый квартал леса по углам обозначен сторожевыми вышками для наблюдения егерей за передвижением

людей, зверей, а также с целью предотвращения пожаров. Границы кварталов хорошо пропаханы, все муравейники обнесены металлической сеткой и закрыты на замок. Немцы к своим природным богатствам относятся очень заботливо, а лесам уделяют особое внимание. Несмотря на большую плотность населения в стране, в лесах много диких животных, особенно кабанов и оленей.

В марте, особенно в конце месяца, чувствовалось, что весна вступает в свои права. Днем солнце прогревало лес, кругом щебетали птицы, муравьи работали по очистке леса как санитары, уничтожая всяких насекомых и их личинки. Во время привалов, когда, замаскировавшись, мы отдыхали, различное зверье резвилось по соседству, олени, почти ручные, подходили близко и с любопытством рассматривали нас. Очень хотелось свежего мяса, но стрелять в кабанов и оленей боялись, могли обнаружить себя. Продвигались мы медленно, с большой предосторожностью.

Однажды днем чуть не столкнулись с американской группой разведчиков, которые, видимо, были выброшены на парашютах в тыл к немцам. Где-то во второй половине дня, когда солнышко стояло высоко и светило особенно ярко, мы облюбовали красивую кудрявую сосну, решив, что это самое подходящее место для очередного отдыха. Кудрявая сосна на небольшой поляне напоминала каждому из нас родные места и те далекие времена, когда мы были детьми. На фронт мы действительно уходили детьми, на войне мужали, взрослели не по годам, а в плену по внешнему виду становились стариками.

Теплый солнечный день нас так убаюкал, навеял сентиментальные воспоминания, вселил какую-то бурную радость, что мы вновь забыли о всякой предосторожности. Карабины поставили к дереву, сами разместились рядом. Из мешков достали «царскую», по нашим понятиям в то время, еду, вино и шнапс. Два дня тому назад нам крупно повезло. В лесу около небольшого озера обнаружили одноэтажный дом, обнесенный забором, с гаражом, погребом и даже с машиной. Устроившись поудобней, долго вели наблюдение за домом, убедились — собаки нет, окна закрыты ставнями, движения во дворе не видно. Приготовив оружие к бою, решили проверить, что это за хозяйство. В другое время, может быть, и прошли бы мимо, не заходя в усадьбу, но у нас кончились продукты, чувствовалась простуда, требовалось лекарство, поэтому риск был оправдан.

Осторожно пробрались во двор, осмотрели дом со всех сторон, убедились, что в нем давно не было людей. В углу двора был отгорожен маленький загон, и в нем содержались три дикие козочки. Они вели себя нервно, всем видом показывая, что им

необходима помощь. Заглянув в загон, мы поняли: им нужна вода и корм. Заниматься ими у нас не было времени, поступили просто: открыли загон и выпустили их в лес. Быстро вскрыли замки в дом и погреб и приступили к делу. Кому приходилось бывать в крестьянских хозяйствах и лесных домиках, тот знает, какой идеальный в них порядок. Все продукты в упаковке лежат в определенном месте. Колбасы, окорока, различные копчености висят в погребе, консервы лежат на полках, напитки в бочках и бутылках хранятся в самом низу погреба.

У нас от такого изобилия продуктов разбежались глаза. В рюкзаки и большие кожаные сумки набрали всего столько, сколько могли унести. В доме нашли аптечку, два хороших охотничьих карабина с патронами, верхнюю одежду и нижнее белье, табак и сигареты. Аккуратно все закрыли и — бегом в лес.

Два дня и две ночи двигались почти без отдыха.

И вот, уставшие, расположились под кудрявой сосной, приступили к еде, запивая мясо шнапсом и вином. После вина языки развязались, и, забыв об осторожности, мы довольно громко разболтались о чем нужно и не нужно.

Вдруг мимо нас с испугом пробежали кабаны и олени. Мы быстренько прикусили языки и осмотрелись. Метрах в двадцати от нас группа из семи человек в маскировочных халатах, пригибаясь к земле, быстро двигалась в восточном направлении.

Мы внимательно присмотрелись и увидели, что в руках у этих людей оружие не немецкое, маскировочные костюмы тоже отличались покроем от немецких. Двигались они небольшими перебежками. Немцы так бы не вели себя дома. Мы лежали и не шевелились, очень уж не хотелось умирать в такую чудесную погоду. Нам показалось, что они нас все-таки заметили, но не стали тратить время на выяснение отношений.

После этой встречи вся дурь мгновенно выветрилась из головы. Подобрав остатки еды, мы двинулись в путь поближе к бетонке, чтобы при удобном случае перебежать на другую сторону дороги. И надо же! Подойдя к дороге и замаскировавшись в кустах, мы обнаружили за собой «хвост». Немецкий парнишка лет 16–17 наблюдал за нами, тоже замаскировавшись метрах в двадцати выше по склону горы. Нам стало не по себе. Мы уже знали, что из себя представляют парни из Гитлерюгенда. Положение осложнялось еще и тем, что на этот участок местности у нас не было карты, т. е. мы не знали, где находимся и где расположен ближайший населенный пункт. Возникло и такое подозрение: а может быть, парней двое, один «ведет» нас, а другой убежал за взрослыми немцами или жандармами. После небольшого совета решили, что необходимо

немедленно уходить от дороги, по которой шло оживленное движение, двигаться быстро и вести наблюдение за этим парнем. Если он будет следовать за нами и скрытно вести наблюдение, придется его «брать», а как поступить дальше — увидим по ситуации.

Было ясно одно, что необходимо избавиться от «хвоста» до наступления ночи. Обговорив маршрут движения, решили: вначале уходит один, а через десять минут — второй, в лесу они встретятся, замаскируются и будут ждать нашего прохода, наблюдая за немцем. Если он пойдет за нашей группой дальше, брать живым и решать его судьбу по обстановке.

Опасения наши подтвердились, когда группа, подобрав пожитки и оружие, двинулась в путь. Немец, перебегая от дерева к дереву, маскируясь в кустах, следовал за нами. Наша засада пропустила его, а когда он, увлекшись слежкой, потерял осторожность, ребята попытались его взять. Он оказал отчаянное сопротивление, поднял шум, и нам ничего не оставалось, как отправить его на тот свет.

Может быть, кому-то покажется, что все это очень просто. Но если вы не профессиональный убийца, дело это очень сложное. По правде говоря, даже в пехоте не всем солдатам за войну удалось убить хотя бы одного немца, а некоторые, провоевав всю войну, живых немцев видели только пленными.

В песке вырыли могилу и закопали парнишку. Постояли, перекурили, не глядя в глаза друг другу, и молча двинулись в путь. Настроение у всех было отвратительное. Где-то около трех часов утра наткнулись на маленькую лесничью сторожку. В будке никого не было. Все были рады крыше над головой. После длинного пути заснули мгновенно, даже не выставив караула.

Проспали долго, днем решили двигаться в сторону Ашафенбурга. В этом городе мы надеялись встретиться с передовыми частями американской армии. Наши надежды оправдались, однако произошло это через пару недель, а до этого было немало курьезных случаев.

Однажды при подходе к одному из мостов через небольшую речку нам нужно было пересечь автостраду. Расположившись в кустах на склоне горы, мы долго вели наблюдение за движением на дороге. Наиболее интенсивным оно было в восточном направлении в глубь Германии. В основном шли войска, перегонялась военная техника, иногда — колонны военнопленных.

По движению на трассе мы видели, что идут отступающие немецкие войска, но не могли понять, далеко ли нам еще до наступающих союзных войск. Массированные налеты

американской авиации на этом направлении прекратились, правда, иногда днем происходили воздушные бои истребителей союзников с немецкими одиночными самолетами. Американцы имели полное господство в воздухе, и одиночные немецкие самолеты, как правило, становились их добычей. Не слышно было артиллерийской стрельбы из крупнокалиберных пушек. Мы понимали, немцы бросают западный фронт и стремятся на восток, чтобы задержать продвижение советских войск. Но где же американцы?

Три дня мы не решались пересечь автостраду. На четвертый день увидели пять легких американских танков, на их броне были привязаны крупные военные немецкие чины. Танки свернули с дороги и ушли на северо-запад. Радости нашей не было предела, значит, немцам «капут» и можно смело выходить на дорогу.

Быстро перекусив, решили двигаться вперед в том направлении, откуда появились танки с белыми звездами на броне. Но как быть с оружием, взять с собой или оставить здесь, в кустах? Мы рассуждали примерно так: если пойдем с оружием навстречу союзным войскам, то за кого они нас примут? За немцев, за власовцев или за какой-нибудь вооруженный сброд, который, используя сложившуюся ситуацию, мародерствует на дорогах. Решили оружие оставить в кустах, на сломанные ветки от деревьев привязать белые платки и идти на встречу с американцами.

Встали, отряхнулись, вышли на дорогу и ахнули: прямо на нас из-за поворота шел взвод немецких солдат. Что делать? Бежать обратно в кусты не имело смысла, так как нас, как куропаток, могли перестрелять из автоматов. Бежать через дорогу на виду у немцев — еще хуже. В растерянности мы встали как вкопанные и с ужасом смотрели на приближавшихся немцев.

Поравнявшись с нами, гауптман (капитан) приказал нам пристроиться к колонне солдат и двигаться вместе с ними. Оказывается, это была потрепанная в боях рота, от которой остался примерно взвод, а остальные, скорее всего, разбежались по домам, напуганные американскими танками.

Союзные войска находились еще примерно за 100–120 километров от нас. В это время сплошной линии фронта у немцев с американскими войсками уже не было. Стыки между отдельными частями немецких войск были свободными, а фланги неприкрытыми. Американцы продвигались почти свободно, и танковая разведка проскочила глубоко в тыл отступающим немецким частям. Ее-то мы и приняли за передовые регулярные войска союзников. Оправившись от шока, немцы несколько усилили заслоны американским войскам и продолжали быстро

отступать в восточном направлении, пытаясь удержать войска в повиновении и не дать возможности солдатам разбежаться по домам. Западный фронт немецкое командование почти не беспокоил, им важно было выставить надежный заслон наступающим советским войскам и как можно дольше продлить свою агонию. Гибель солдат и мирного населения для Гитлера не имела значения, он проклял свой народ за то, что тот не сумел принести победу «Великой Германии».

Пристроившись к колонне, мы не ведали, что нас ждет впереди, и в то же время не могли понять, почему нас до сих пор не расстреляли? Поднявшись в гору, «потрепанная» рота свернула с обочины и подошла к какому-то большому сараю. Солдаты направились к своей походной кухне, а к нам подошел хозяин сарая и предложил забраться наверх, где было сено, и спать там, но только не курить. Вместе с нами разместилось отделение румын, воевавших в немецкой армии. К этому времени Румыния уже не воевала на стороне Германии. Румыны нам объяснили, что передовые американские части находятся в 50–80 километрах от нашего расположения. Румынский офицер предложил забрать утром оружие из повозки и идти с ними в лес, а затем двигаться навстречу американцам. Мы не возражали.

Мы увидели своими глазами полное разложение и деморализацию немецкой армии. На нас никто не обращал внимания. Утром, умывшись, пошли к русским шоферам, служившим у немцев. Они дали хлеба, консервов и подробно объяснили, как добраться до американцев, но сами не хотели сдаваться им в плен. У них были подготовлены документы, гражданская одежда, а оружие и боеприпасы надежно спрятаны в нескольких местах в лесу. Автомашины они собирались отогнать на крестьянские хутора, устроиться там на работу и дожидаться прихода американцев. Видимо, у них были награблены во Франции большие ценности и валюта.

Посовещавшись, мы решили с румынами никаких дел не иметь, учитывая, что они, как правило, воры и мародеры и им сейчас тоже нужны ценности и валюта. Мы же никого грабить не собирались и, кроме того, знали, что у немцев есть дисциплинированные карательные подразделения, встреча с которыми не сулила ничего хорошего. Румыны ушли на юго-запад, а наша компания лесом с большими предосторожностями пошла вначале на восток, а затем резко повернула на северо-запад и вновь вышла к тому месту, где встретились с немецкими солдатами.

К нашему удивлению, на автостраде усилилось движение машин и солдатских колонн. Вид у солдат был удрученный, глаза

потухшие.

Выбрав удачный момент, мы проскочили через дорогу. Шли до вечера. Потянуло сыростью, поняли, что где-то совсем близко река. Решили выбрать удобное место для ночевки, а утром оценить обстановку и двигаться по направлению к мосту.

Ночь прошла без приключений, только было слышно гудение тяжелых самолетов-бомбардировщиков, которые шли, видимо, в Северную Италию, где немцы еще оказывали упорное сопротивление.

Днем подошли к мосту через реку Майн, замаскировались и повели тщательное наблюдение. Около моста стояла большая немецкая баржа с привязанной лодкой у борта. Готовили и обсуждали варианты переправы на противоположный берег.

Прошло двое суток. Мы никак не могли рискнуть проскочить через мост. По мосту иногда проходили патрульные машины и было предположение о его минировании. Однако, как потом выяснилось, немцы не минировали для американцев мосты при отступлении, давая им полную возможность для продвижения в глубь Германии.

На третий день мы увидели американскую полевую полицию, охраняющую и контролирующую подступы к мосту. Обсудив эту неожиданную, но приятную новость, выбросив все лишнее, кроме пистолетов, решили идти на встречу с американцами.

Встреча прошла бурно, радости не было предела. Нам очень повезло, что среди американцев оказалось несколько украинцев, служивших у них в армии, а поэтому переводчик был не нужен. Нас накормили, вымыли в бане, дали новое белье и почему-то французскую военную форму. Украинские переводчики объяснили это так: поскольку мы пойдем в сторону города Ашафенбург, то при встрече с наступающими частями советских войск в этой форме у нас будет меньше проблем.

Недалеко от моста горело несколько костров, а потом послышались довольно громкие взрывы. Оказалось, что немецкие ребятишки уже освоились среди американских солдат и ради озорства клали на костры американские бачки из-под бензина для дальних бомбардировщиков. В бачках сохранялись пары бензина, и при нагревании происходил громкий взрыв. Ребят это радовало, а солдаты не обращали на них никакого внимания. Для нас оказалось любопытным то, что на каждом бачке американцами для немцев была сделана трафаретная надпись примерно такого содержания: «Боши, (так унизительно называли немцев), подбирайте каждый бачок и храните до прихода наших войск, а затем предъявите любому нашему офицеру и получите за каждый экземпляр по 5 американских долларов». Это была, конечно, злая

насмешка над немцами, но тем не менее она сыграла определенную роль. Педантичные немцы, следуя этой инструкции, собирали бачки и укладывали их штабелями у своих домов. Деньги им американцы за этот металлолом, конечно же, не заплатили, а сделали все проще: подогнали грузовики, погрузили дюралевые бачки и отвезли на базу, а там под пресс и — к себе, в Штаты.

Нужно сказать честно, американская армия вызвала у нас восхищение, особенно ее оснащение военной техникой, высокий уровень механизации. Организация вещевого довольствия, питание, медицинское обслуживание, денежное довольствие были несопоставимы с нашими, даже сама военная форма для ведения боевых действий была удобнее.

При дальнейшем продвижении к Ашафенбургу французская военная форма действительно нам помогала. В населенных пунктах, усеянных белыми флагами в окнах, немцы дружелюбно посматривали на нас, давали вкусные угощения, но когда убеждались, что мы русские, то смотрели со страхом на нас. Видимо, ожидали пакости с нашей стороны, но мы быстро стали другими. Скорее в нас было чувство брезгливости к ним, чем животная ненависть. Навстречу нам двигались колонны американских войск. Для нас война кончилась, и очень не хотелось по глупости лишиться жизни.

Чтобы сократить расстояние до города, мы свернули с автострады и пошли проселком. У очередного автодорожного моста повстречались с немцем, вызвавшем у нас любопытство. Он шел пешком, вел велосипед с грузом на багажнике, одет был в спортивную охотничью форму, на голове зеленая шляпа с пером. Такую форму обычно носили лесничие. Увидев нас, он очень растерялся, да и мы, когда присмотрелись к нему, тоже вздрогнули. Очень уж он был похож на Гиммлера.

От удивления раскрыв рты, пропустили его вперед. Он уверенно шел прямо к мосту, а мы стояли, как завороженные. И вдруг услышали, как закричали немецкие ребятишки. А американские солдаты задержали этого немца, отобрав у него велосипед, затем посадили в машину и увезли в город.

Так кто же это был: настоящий Гиммлер? Двойник? Или просто очень похожий на него человек? В голове стоял сумбур. И все же мы задавали эти вопросы и себе, и друг другу. Почему же мы не пытались остановить его или даже задержать? Но ответов не находили. Ясно было лишь одно, что мы могли попасть в самые непредвиденные ситуации. Наши имена могли войти в официальную летопись войны или же нас просто потихоньку пристукнули бы как свидетелей в большой политике. Все могло

быть, так как война еще не кончилась, да и мы находились не в своих войсках, а в нескольких сотнях километров от них — в передовых частях наступающей американской армии. Как бы то ни было, раздумья на эту тему иногда бывают и сейчас.

Вскоре наше внимание привлек сильный рев танковых моторов и грохот гусениц на брусчатке предместья города Ашафенбург. Мы поспешили навстречу танковой колонне американской армии.

Когда мы спускались с горы, нашему взору открылось великолепное зрелище. Это могут понять только те, кто успел хорошо повоевать. По дороге двигалась мощная армия, оснащенная могучей техникой, в таком количестве и разнообразии, с которым мы еще не встречались. Пехоты как таковой в нашем обычном понимании не было. Солдаты и офицеры ехали на специальных машинах в строгом порядке, соблюдая дистанцию.

Когда мы вышли на улицу, по которой шло движение американских войск, нас охватило чувство восторга, примерно такое же, как в начале 60-х, когда услышали о полете Юрия Гагарина в космос. Мы впервые за последние годы почувствовали себя свободными и счастливыми. Нас охватила радость, и появилось горячее желание повоевать вместе с американцами. Мы пытались предложить им свои услуги, но на нас никто не обращал внимания.

Впоследствии, когда мы проходили «фильтрацию», то никогда не рассказывали следователям ни о встрече с немцем, очень похожим на Гиммлера, ни о том чувстве восторга, которое охватило нас при встрече с солдатами и офицерами американской армии. «Преклонение перед иностранщиной» могло иметь для нас непредсказуемые последствия.

Продвигаясь по улице навстречу нескончаемому потоку американских войск, мы повстречались с лейтенантом военной полиции.

— Кто вы? — спросил он.

Кратко пояснив ему свое «происхождение», поинтересовались, где бы можно было слегка перекусить. Он улыбнулся и сказал:

— О чем вы говорите? Вы же победители-завоеватели. Видите напротив вывеску?

— Да.

— Что на ней написано?

— Ресторан.

— Вот и топайте туда и прикажите хозяину принять вас на самом высоком уровне. Запомните, просить не надо, а нужно

требовать. Вы — завоеватели, теперь это все ваше!

Потом засмеялся и пошел дальше.

Мы переглянулись. То, что мы — победители, у нас уже сомнения не вызывало, а вот завоеватели — это как-то не укладывалось в голове.

Перейдя через улицу, попытались проникнуть в ресторан, но там все входы-выходы были перекрыты. Настроение у нас было решительное. На нас уставились неприветливые злые глаза.

— Что вам угодно? Ресторан закрыт.

Не обращая ни на кого внимания, мы вошли в зал. Хозяин понял, что с нами нужно вести себя поделикатней, иначе могут быть неприятности.

Увидев, как все женщины, находившиеся здесь, тут же сбежали, мы поняли, что нас приняли, скорее всего, за грабителей или насильников. В зале остался один хозяин. Пригласили его сесть с нами за столик, объяснили, что никакого погрома не будет, обижать никого мы не собираемся, насиловать тоже. Но уж если кто-то из немочек очень пожелает… тогда другой разговор. Хозяин повеселел и спросил:

— Так что бы вы хотели?

— Вначале нам нужна ванна, на нас много грязи, давно не мылись, а потом хороший обед с «приложением».

Привели себя в порядок, хорошо закусили и, поблагодарив хозяина, собрались покинуть заведение, как вдруг заметили в углу большой концертный рояль. Среди нас был хороший пианист. Он подошел к роялю, открыл крышку и долго, молча, смотрел внутрь, а потом подозвал нас. На внутренней стороне крышки мы увидели инвентарный номер и надпись, из которой следовало, что этот инструмент принадлежал смоленскому Дому культуры. Внизу была добавлена строчка на немецком языке: «Подарок дорогим родителям от любящего их сына из Смоленска». Еще ниже: «Гауптман СС, январь 1942 г.» и роспись.

Закурив, долго молчали, потом гладили рояль, как что-то свое, родное и очень дорогое нашему сердцу.

Хозяин все понял и не знал, как вести себя дальше.

— Подойдите к нам и посмотрите, что тут написано, — сказали ему. Он тупо смотрел на инвентарный знак и подпись, а глаза его сверкали от гнева и ненависти к нам.

— Где же сейчас ваш сын?

— На фронте.

— Сколько еще награбленных вещей прислал вам сын из России?

Хозяин молчал.

— За грабеж вашим сыном России мы накладываем на вас

контрибуцию. Из вашего погреба возьмем столько продуктов, сколько сможем унести. А за инструментом приедем после окончания войны.

Впоследствии мне приходилось встречать в Западной Германии много ценных вещей, награбленных в России.

Из ресторана мы направились к центру города. На всех домах висели белые флаги — так немцы встречали победителей. На улицах гражданского населения было не видно, жители наблюдали за происходящим из-за штор и занавесок на окнах. Вездесущие ребятишки быстро освоились с обстановкой в городе и смело приставали к американцам, выпрашивая жевательную резинку и сигареты.

Вскоре нам повстречались собратья, теперь уже бывшие военнопленные, освобожденные передовыми частями американской армии. От них мы узнали, что сборный пункт для бывших советских военнопленных и насильственно угнанных в Германию, в рабство, гражданских лиц находится в центре города в здании бывшего офицерского училища.

Народу в здании было еще немного и нам удалось занять отдельную небольшую комнату, по всей вероятности, одну из классных комнат на втором этаже.

Здание было большое и красивое, построенное в готическом стиле. В актовом зале на стенах висели портреты немецких полководцев и вождей третьего рейха. Перед сценой стояла массивная трибуна с большой фашистской свастикой и над ней еще висел огромный портрет когда-то горячо любимого немцами Адольфа Гитлера.

Глядя на портрет, невольно вспоминалось высказывание И. Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается…»

На другой день портрет фюрера сбросили и вместе с трибуной вытащили на проезжую часть улицы. С проходящих американских машин по портрету раздавались автоматные очереди и пистолетные выстрелы, а позднее проходящий танк раздавил портрет вместе с трибуной.

Внизу здания размещались спальные комнаты и столовая. Но все постели были уже заняты и нам ничего не оставалось, как самим искать спальные принадлежности. Спустились в подвальное помещение, взломали дверь, обнаружили каптерку с набором всякого добра.

Хорошенько обустроившись, мы начали осваивать город, а он был весь в руинах. Англо-американская авиация особенно хорошо обработала центр города и северо-восточную окраину, где размещались заводы и сортировочная станция. Под обломками

рухнувших зданий, видимо, находилось много трупов, так как завалы не были разобраны, и от них шел неприятный трупный запах. В самом центре находились полицай-президиум и гестапо. В большое здание полицейского управления во время последнего налета американской авиации почти в самую середину попала «пятисотка» и несколько бомб меньшего калибра. Здание чем-то напоминало Пентагон и занимало по площади большой квартал, прикрытый ажурной стеклянной крышей. Все было разрушено, по периметру торчали полуразвалившиеся стены. Напротив этого комплекса стояло внешне привлекательное здание гестапо, в которое не попала ни одна бомба, и даже стальные осколки и битые кирпичи не портили его внешнего вида. На фоне окружающих развалин этот дом вселял какой-то ужас, как бы утверждая, что карательная система третьего рейха будет жить вечно на костях и крови идейных противников.

Дом размещался на краю высокого холма. Одна сторона обрыва круто уходила вниз к реке Майн. Здание со стороны реки чем-то напоминало наше «Ласточкино гнездо» на берегу Черного моря в городе Алуште: оно также «прилепилось» к обрывистой стороне холма.

Оказывается, буквально за несколько часов до захвата города американцами в один из концентрационных лагерей из гестапо вывезли Эрнста Тельмана — вождя немецких коммунистов. Администрация лагеря была предупреждена о том, что в лагерь привезут главного коммуниста Германии. Для его встречи была специально подготовлена одна из печей крематория. «Тэди» — так звали коммунисты своего вождя, безусловно, догадывался, зачем привезли его в этот лагерь. Во время переезда в лагере несколько раз объявлялась тревога, шел налет на город, но транспорт не пострадал. Недаром говорили пленные, что если тебе суждено сгореть в печи крематория, то судьба обязательно распорядится именно так, а не иначе.

Тельмана привезли в лагерь смерти во второй половине дня, привели в крематорий и тут же застрелили, перестреляли и всю команду исполнителей, которая сожгла труп Эрнста Тельмана. Вот таким трагическим был конец вождя немецких коммунистов.

Позже мы ходили купаться мимо здания гестапо и по крутому склону спускались к реке Майн. На расстоянии 100–150 метров от берега от реки «шел» искусственный канал, покрытый сверху деревянным настилом, и уходил под холм, на вершине которого находилось здание гестапо. Из-под настила шел трупный запах. Мы предполагали, что из здания гестапо «уходила» штольня, которая соединялась внизу с каналом и по нему — с рекой Майн. Видимо, пленных, захваченных гестапо и приговоренных к

смерти, расстреливали прямо в подвале здания, а затем сбрасывали в штольню, и трупы уплывали по реке. Недаром в том месте, где канал соединялся с рекой, водились очень крупные сомы и налимы, которые и пожирали растерзанные тела жертв, не оставляя следов преступлений нацистских садистов.

Сами мы не рискнули обследовать здание гестапо, так как предполагали, что оно заминировано. Американцы тоже не спешили его осмотреть.

Напротив гестапо на середине реки находился большой остров. Однажды мы переплыли реку и обследовали его. Территорию острова занимал большой парк и огромная незаконченная строительная площадка спортивного комплекса.

Возведение гигантских сооружений с громадными скульптурами, олицетворяющими могущество, силу и дух тысячелетнего рейха, предполагалось закончить ко дню уничтожения российского государства — дню победы немецкого оружия над Советской Армией. Судьба жестоко посмеялась над кровожадным немецким фашизмом, уготовив ему возмездие за все его злодеяния.

В конце апреля 1945 г. американцы на юго-западной окраине города, на месте бывшего военного городка, организовали сборный пункт для всех перемещенных лиц (бывших военнопленных и гражданских лиц). Здесь я впервые встретился с капитаном Щербаковым, сыном начальника Политуправления Советской Армии. Щербаков входил в группу генерала Деревянко, которая вместе с англо-американскими войсками высадилась на северном берегу Франции и от Ла-Манша продвигалась в восточном направлении к границам Германии. Одна из задач этой группы заключалась в подготовке и организации возвращения народов Восточной Европы и Советского Союза на родину из фашистского рабства.

Впоследствии генерал-лейтенант Деревянко возглавил советскую военную миссию и на американском линкоре «Миссури» участвовал совместно с американской военной миссией в заключительном акте войны — капитуляции Японии после разгрома ее вооруженных сил.

На сборном пункте союзники организовали администрацию, которую возглавили американский майор и советский полковник Ковалев (из бывших военнопленных). В комплектовании «местной» администрации активное участие принимал и капитан Щербаков. После беседы со мной он рекомендовал утвердить меня комиссаром госпиталей большой зоны американской оккупации вокруг города Ашафенбург. К этому времени наш сборный пункт стал базой, вокруг которой комплектовались

другие лагеря перемещенных лиц. Недалеко от нас расположился довольно крупный сборный пункт польских репатриантов.

В каждом лагере существовали медсанчасти с отделением госпиталей. Обслуживающий персонал был из числа военнопленных и перемещенных лиц. Все врачи побывали на фронте и имели большую лечебную практику. Медицинским оборудованием, лекарствами и препаратами медсанчасти обеспечивали американцы с немецких складов и из больниц.

Когда мы еще пробирались к городу Ашафенбург вдоль реки Майн, то видели по фарватеру реки много барж с различным военным имуществом и продовольствием. На одном из совещаний администрации лагеря мною было предложено обследовать баржи. Американский майор не возражал. Он же нашел грузовой катер, а команду подобрали из числа военнопленных. На одной барже обнаружили несколько тысяч комплектов морского обмундирования. Нам удалось одеть весь состав лагеря в новую красивую морскую форму.

Чтобы укрепить дисциплину в лагере, ввели жесткие уставные воинские отношения. Весь личный состав бывших военнопленных и гражданских лиц (мужчин) свели в роты и батальоны. Взводов не было. Каждое утро горнист играл подъем, а далее — туалет, зарядка, завтрак. Днем коллективно слушали передачи нашего радио. Вечером перед отбоем — построение, на нем объяснялась задача на следующий день и далее была прогулка строем с песнями.

Вскоре мы почувствовали, что такая высокая организация быта в нашем лагере не очень нравится американцам. Представьте себе: война еще идет, наши войска стремительно движутся на запад… (В то время наша армия была значительно сильнее армии союзников, имела большой опыт ведения войны и, если бы возникли недоразумения, могла бы в течение одной-двух недель выбросить союзников из Европы.)

Американцам наши формирования из бывших пленных в их тылу были острой занозой, которую и оставлять опасно, и выдернуть нельзя. Поэтому не случайно на севере Германии они не распускали из лагерей военнопленных немцев. Все они были сведены в воинские формирования, при них на складах хранилось достаточное количество оружия и боеприпасов. Можно было предполагать, что эти воинские формирования придерживались только по тем соображениям, что в случае конфликта западных союзников с нами немцев можно было быстро перебросить в зону конфликта. Настроение немецких офицеров было реваншистским, и они были готовы пойти на новую авантюру. Общая политическая обстановка в Европе в этот период была сложной.

Особенно она обострилась после смены правительства в Англии и ухода в отставку Черчилля. К этому времени американцы провели испытание атомной бомбы, с помощью которой пытались шантажировать руководство нашей страны. К счастью, все обошлось, мир был сохранен, серьезных конфликтов не возникло.

В госпитале я подружился с земляком Анатолием Ф. Метинских. Он жил в г. Березники Пермской области, до войны работал врачом на городской санэпидемстанции. Однажды мы с ним оказались в довольно сложной ситуации. Как я уже говорил, по соседству с нашим лагерем располагался польский сборный пункт для поляков, насильно угнанных в немецкое рабство.

Борьба за возвращение поляков на родину шла между так называемым лондонским польским правительством, которое было организовано из бежавших в Англию бывших польских министров, и польским народным правительством, созданным после изгнания советскими войсками немецких захватчиков. Лондонское польское правительство не хотело, чтобы поляки из лагеря возвращались на родину в народное польское государство. По этому поводу устраивались различные провокации.

Однажды ночью слышу стук в дверь и громкий голос дежурной сестры:

— Комиссар! Комиссар! Вставайте! Скорее вставайте! У поляков беда, что-то у них случилось страшное!

Я быстро оделся, второпях забыл о пистолете и — бегом к полякам, на ходу крикнув, чтобы разбудили врачей и сообщили коменданту лагеря. В дверях мы столкнулись с врачом А.Ф. Метинских, и я посоветовал ему прихватить с собой санитаров.

Какой же кошмар я увидел у поляков в их лагере — трудно себе представить! Возбужденные толпы мужчин и женщин, которые громко кричали, проклиная всех на свете и особенно «москалей», метались по лагерю. Когда же они увидели нас, то совсем озверели и завопили:

— Это сделали они! Хватайте их! Смерть! Смерть им!

Я понял, что одни мы оказать помощь не в состоянии: возбужденные до предела люди и слушать нас не будут, а просто растерзают. Мы повернулись и бегом вернулись в свой лагерь. Я поднял по тревоге комендантский взвод охраны и под его защитой вновь направился к полякам для оказания им помощи. Теперь на нас почти никто не кричал. Мы увидели жуткую картину: сотни людей валялись где попало и корчились в жутких предсмертных судорогах.

Что же произошло у поляков? Один из резидентов лондонского польского правительства привез бочку отравленного спирта, поставил ее посередине двора и начал черпаком

разливать всем желающим, которых нашлось немало, почти весь лагерь. Вначале пили за победу союзников, за свое освобождение, за великую Польшу. Постепенно начали «балдеть» и помаленьку умирать в страшных муках. Когда поняли, что их отравили, началась жуткая паника. В это время кто-то распространил грязные слухи о том, что это — дело рук «москалей».

Наши врачи, санитары и солдаты из взвода охраны приступили к оказанию помощи пострадавшим. Отравленные люди бились в страшных судорогах, изо рта шла кровавая пена, их жутко тошнило. Прежде всего каждому нужно было что-то подложить под голову, чтобы человек не захлебнулся своей рвотой, и удерживать его в таком положении. Кроме того, врачам нужно было у пьяных и обезумевших людей пришить язык к щеке, чтобы они не проглотили его и не задохнулись.

Представьте себе, как бы вы полезли в рот к таким людям, когда под руками нет специальных фиксаторов, которые могли бы удерживать рот открытым. Думаю, что не многие из вас рискнули бы пойти на это.

Всем, кто был в сознании, для общей безопасности пришлось связать руки и ноги. Где-то через час прибыли американские и немецкие врачи из близлежащих медицинских учреждений для оказания квалифицированной медицинской помощи, но было уже слишком поздно.

В этой страшной трагедии пострадало свыше шестисот поляков и около десяти человек из нашего лагеря, из числа тех, кто были в гостях у поляков. В живых осталось несколько десятков человек и большинство из них стали «футболистами», так их прозвали за то, что их руки и ноги при ходьбе двигались в разные стороны, поэтому без посторонней помощи пострадавшие не могли передвигаться. Среди них оказался и мой знакомый еще по лагерю «Шталаг-IX-Б» Бад-Орб капитан Андрианов, бывший командир батальона. До отъезда на родину он научился передвигаться на костылях, а это в его положении было уже большим достижением. Как добрался он до дому, как и где, в каких лагерях проходил «фильтрацию» и как сложилась его судьба в дальнейшем, я не знаю.

К сожалению, этот жуткий случай ничему не научил наших людей в сборном пункте. Они продолжали бегать в самоволку и в речных портах, на железнодорожных станциях, аэродромах искали спирт и напивались до потери «сознательности».

Однажды сразу произошло несколько ЧП. Солдат, охранявший разбитый проход в стене, не пропустил одного цивильного парня, направлявшегося в самоволку. Тот, недолго думая, дал солдату по «мордасу» и пустился наутек. Солдат

крикнул:

— Стой! Стрелять буду!

Парень продолжал бежать. Солдат выстрелил — пуля оказалась роковой. Солдата арестовали, чтобы люди не убили его в лагере.

Вскоре после этого произошло еще одно серьезное происшествие. Рядом с нашим лагерем находилось шоссе, по которому часто двигались американские воинские части. Однажды утром проходила танковая колонна и какие-то мерзавцы бросили из окон несколько ручных гранат по американским танкам. Большого вреда гранаты танкам принести не могли, но вот покалечить солдат, сидящих сверху на броне, смогли. Эта провокация нам стоила больших неприятностей. Американцы оцепили лагерь и начался настоящий «шмон». Представьте себе, что при обыске нашлось немало всякого оружия, о котором мы и не подозревали. После этого было приказано сдать все оружие и распустить незаконно сформированный взвод охраны.

Были ЧП и в нашей части. В один из дней санитары обнаружили на крыше бочки с водой двоих новорожденных мальчиков. Вскоре удалось найти и тех женщин, которые бросили своих малюток, но, кроме нравоучений, никаких других санкций применить к ним не смогли. Все мы были вне закона, и судить нас мог только американский народный суд, так как мы были в американской зоне оккупации.

Нам были известны и другие случаи уничтожения новорожденных детей нашими перемещенными лицами в Германии. После освобождения французской армией под руководством генерала де Голя Эльзаса и Лотарингии и долины реки Рейн много наших пленных и гражданских лиц устремилось на восток, вслед за наступающей американской армией. При переходе автомобильных и железнодорожных мостов нередки были случаи, когда матери выбрасывали в Рейн маленьких детишек.

Понять и объяснить это варварство можно. Молодые девушки были насильно вывезены в рабство в Германию. Одних определили работать на фабрики и заводы, других — продали богатым бауэрам. Постоять за их честь и достоинство было некому, а поэтому похотливые сынки, да и не только сынки, порой и сами хозяева насиловали их.

Возвращаться домой, на родину, с таким «приданым» было стыдно, одних насмешек не оберешься. Так, в отчаянии, и совершались подобные преступления. А что им было делать!?

Жизнь в лагере шла своим чередом, прибывали новые группы

бывших пленных и перемещенных гражданских лиц, все здания были заполнены до предела. Пришлось ставить двухъярусные кровати или делать двухэтажные нары.

Работы в санчасти было невпроворот. Медиков стало не хватать, госпиталь заполнился до отказа, а вопрос о нашей депортации на родину, по нашему мнению, решался очень медленно. Мне иногда удавалось поездить по южной и юго-западной Германии, посмотреть города в долине реки Рейн: Баден-Баден, Вис-Баден и другие, побывать на юге в альпийских лесах.

В свое время капитан Щербаков просил нас как можно больше осмотреть городов и уточнить, сколько еще осталось наших людей, не пришедших на сборные пункты для возвращения на родину. Эту работу мы выполняли добросовестно.

В моем распоряжении была легковая трофейная машина «фольксваген», удобная и неприхотливая, в эксплуатации очень экономичная. На проезд по дорогам американская военная администрация выдала пропуск, а к нему прилагалась схема передвижения.

Удалось установить, что в крупных городах иногда орудовали банды из разбежавшейся власовской армии и из бывших наших военнопленных, служивших в частях немецкой армии и различных зондеркомандах. Эта мразь грабила местное население, отбирала золото, серебро, ювелирные изделия и другие ценные вещи. Все они готовились бежать в страны Южной Америки, Африки и Австралию. Возвращаться домой им было опасно.

В своей работе в качестве представителей лагерной администрации до самого возвращения на родину мы чувствовали, что какие-то подпольные силы вели настойчивую пропаганду среди наших людей, убеждая бежать в северные порты Германии, где их будет ждать морской транспорт для отправки в свободный демократический мир, мир равных возможностей. Все, у кого совесть была нечиста перед своим народом, так и поступали. Много наших людей, особенно мужчин, осело в селах. Они пристроились около немок, мужья которых погибли на войне.

Американцы также начали проявлять интерес к нашим людям, предлагая служить в американской оккупационной армии или выехать на жительство в Америку. Желающие появились. Некоторые из них, перейдя на службу к американцам, приходили в наш лагерь одетые в добротную американскую военную форму, при оружии и уговаривали своих дружков и подруг поехать жить и работать в самую богатую страну — Америку.

Однажды американский майор, комендант лагеря, вместе с переводчицей, длинноногой и довольно смазливой бабенкой из числа наших перемещенных лиц, пригласили меня составить им компанию в поездке на их джипе в предгорья Альп и обследовать некоторые вещевые и продовольственные склады бывшей немецкой армии. Отказываться от такой поездки не имело смысла. По дороге нам пришлось встречаться с различными слоями немецкого общества. Одни люди с уважением и рабским преклонением относились к американцам, другие — с полным безразличием, третьи смотрели на них, как на грабителей и оккупантов. В их глазах была тоска и безысходность. Безусловно, как всегда, страдали самые бедные и обездоленные. Так было во всех городах и селах. Немецкая государственная машина развалилась, власть рухнула, армия была в плену на своей территории, города в развалинах, снабжение населения продуктами питания не налажено. Везде процветали спекуляция, продуктовый «бартер», проституция — вынужденная торговля телом взрослых и детей за кусок хлеба. Американские солдаты, да и офицеры, не стеснялись заниматься мародерством, они были завоевателями. Бывшие гордые немцы, кичившиеся своим расовым превосходством, готовы были лизать им пятки за пачку дешевых солдатских сигарет. Вот таковы превратности судьбы. «Каждому — свое!» — так было начертано на воротах фашистских концлагерей, и каждый из немцев получил по заслугам.

К вечеру мы приехали на крупную базу снабжения бывшей немецкой армии. База и обилие продуктов, вин и различных консервов произвели должное впечатление. Американцы долго рылись в различных шмотках и без отрыва от «производства» занимались дегустированием вин. Каких только напитков здесь не было! В одних названиях коньяков можно было запутаться. В одном из винных погребов в дубовых французских бочках, украденных во Франции вместе с вином, представляющим неимоверную ценность для французов, хранилось божественное вино многолетней выдержки. Дегустировать эти вина я не рискнул, так как опасался «перегрузиться» и потерять машину, на которой приехали. Американцы же продолжали дегустацию и уже еле стояли на ногах.

Мне удалось отобрать для сотрудников госпиталя несколько ящиков рыбных консервов и сырокопченых колбас. Затем начал отбирать бутылки с коньяком и в углу обнаружил несколько плетеных корзин с небольшими глиняными кувшинами, внешне совершенно неприглядными. Когда все, что мне было нужно, я отобрал, мой взгляд опять вернулся к этим корзинам. Я подошел,

взял в руки кувшин, наклонил и чуть не облился каким-то маслом. Когда слил масло, коньячный аромат распространился по всему помещению. В то время я не знал толк в хороших винах, считал, что все коньяки пахнут клопами, но аромат из этого кувшина был необычный. Прихватив с собой в машину несколько таких корзинок, был весьма рад, даже представил себе, как обрадуются мои сотрудники в госпитале, когда вечером сядем ужинать.

Но не тут-то было! По возвращении в лагерь меня у госпиталя встретил прибывший с проверкой капитан Щербаков. По своей простоте, а может быть, глупости рассказал ему о поездке, порекомендовал заглянуть на ту базу и пригласил продегустировать содержимое кувшинчиков. Когда он попробовал на вкус ароматную, слегка обжигающую жидкость, воскликнул:

— Да ведь это самый настоящий напиток Богов! Не искушайте Бога, отнесите все это в мою машину, а из нее возьмите ящик вина, запомните — один ящик.

Вот так! По усам сотрудников могло течь вино, привезенное мною, но в рот им не попало. Бывают в жизни и не такие штучки, но что поделаешь, на все воля Божья, кесарю — кесарево, а нам, что достанется.

В первый месяц после побега из плена и обустройства на сборном пункте для перемещенных лиц и бывших военнопленных время проходило незаметно, появилось много новых знакомых и было много впечатлений от всего увиденного и пережитого. Но чем дольше оставались в лагере, тем больше ощущали какое-то раздражение, порой чувствовалась неуверенность в своих действиях, непонимание происходящих событий. Появлялись тревожные мысли: а как примет Родина своих заблудших сыновей? Ответов порой не было, оставались горькие мысли, терзавшие и сердце, и душу. Для себя принял решение: что бы там ни было, буду возвращаться домой и приложу максимум усилий для оказания влияния на окружающих меня людей. Домой, домой, только домой!

В другом таком же сборном пункте (№ 2), расположенном недалеко от нас, открыли начальную школу для наших лагерных детей. Первым преподавателем и заведующим школой была Цопенко Марта Даниловна. Она оказалась дельным организатором и сумела довольно неплохо наладить обучение ребятишек, не имея школьных программ, учебников и методических пособий. К ней в лагерь перебрался и мой березниковский знакомый врач, живший со мной в одной комнате, — капитан медицинской службы А. Метинских. Он сумел быстро развернуть что-то вроде медсанчасти и начал

врачебный прием.

Этот филиал нашего сборного пункта был расположен поблизости от американской воинской части, в которой служили преимущественно негры, среди которых было много больных венерическими заболеваниями. Для наших женщин они представляли большой интерес, так как бывшие военнопленные после голодовки в немецких лагерях не обрели еще хорошей «спортивной» формы и не могли конкурировать с хорошо откормленными черными «жеребцами». Однако за полученное удовольствие женщины впоследствии расплачивались здоровьем все годы своей жизни.

Служебные контакты с оккупационными войсками союзников в Западной Германии позволили сделать некоторые выводы, может быть, и субъективные, об их общем культурном уровне, поведении, нравственном воспитании. Все офицеры, особенно высший командный состав, — представители привилегированного класса с обостренным чувством собственного достоинства, с явно выраженным пренебрежительным отношением к своим подчиненным, особенно к «цветным». Очень высокомерны были англичане, в разговоре даже с американцами они пытались представить себя людьми высшего сорта. Наиболее просты в обыденных отношениях американцы и особенно французы. Образовательный уровень у солдат-союзников того времени был на 2–3 порядка ниже нашего. Близкое знакомство с ними позволяло судить о них, как о ворах и мародерах. Особенно это относилось к неграм. Грабили немцев все, от высшего командного состава до последнего солдата, за сопротивление могли убить на месте. Неуемная жажда наживы — самая мерзкая черта капитализма, она присуща и нашим «новым русским». К сожалению, постепенно и простой люд втягивается в этот грязный водоворот.

Все мы жили и ждали приказа оккупационных властей и нашего командования о возвращении на Родину. В конце июня к нам в лагерь приехал капитан Щербаков и передал, что через пару дней мы должны будем выехать в Восточную Германию в город Бауцен. Это была последняя встреча с капитаном Щербаковым. Забегая вперед, скажу, что впоследствии, когда я был уже дома, то попытался разыскать его, но оказалось, что в живых его уже нет.

Как-то очень странно умер его отец, член Политбюро, генерал армии, начальник Политуправления Советской Армии. Вскоре умер так же очень странно его сын, будучи уже в звании полковника. Для меня это была ощутимая потеря. Я потерял своего заступника, человека, который мог бы подтвердить мое

алиби по работе комиссаром госпиталей в городе Ашафенбурге. Моя судьба могла бы быть совсем другой, если бы полковник Щербаков остался жив.

Через два дня подошли американские студебеккеры и постепенно всех перевезли на один из железнодорожных переездов, где нас уже ожидал товарный поезд. Я проследил за погрузкой госпиталя, проводил всех больных и вместе с ними разместился в поезде. В вагоне вместе со мной оказалась и Марта Цопенко, она выполняла роль переводчика. В дороге особых происшествий не было, разве что я чуть не лишился жизни, проезжая по одному из железнодорожных мостов. Я сидел на полу у открытой двери, высунув ноги наружу. Правая нога, хотя рана уже затянулась, еще плохо сгибалась, и при переезде через мост я ударился ногой о край перил и меня чуть не выбросило из вагона, но все обошлось.

На железнодорожных полустанках и станциях к вагонам подходило много американских солдат, в основном негров, предлагавших нашим женщинам «променад и шоколад». Эти слова слышались у каждого вагона, так поступали американские солдаты с немками, у них это получалось неплохо. В американской оккупационной зоне был страшный хаос, народ голодал и был готов на любую услугу.

На станциях, где стоянки были продолжительными, Марта Цопенко исчезала надолго и никогда не говорила, где и с кем встречалась. Мне казалось, что она выходила на какую-то связь или искала связь, но с кем и зачем?

Впоследствии, как-то будучи в городе Березники, я встретился с врачом А. Метинским; вспоминая минувшие дни в Ашафенбурге, он кое-что рассказал о Марте Цопенко. Оказывается, они спали в одной комнате, но были близки только один раз, и больше она его не подпускала к себе. Порой в ее глазах горели злые огоньки, была она замкнутой и воздерживалась от разговоров о своей прошлой жизни. Кто она по национальности, он так и не определил. По-русски и по-украински говорила чисто и без акцента, говорила и по-немецки, свободно владела английским языком.

Наш поезд изменил направление движения, и вместо города Бауцен нас привезли в Плауен.

Небольшой городишко Плауен располагался в предгорьях Альп и имел хорошую военно-воздушную базу, укрытую в подземных горных ангарах. База во время бомбежек союзной авиацией почти не пострадала.

По территориальному разграничению между оккупационными зонами союзных держав район Плауена

переходил под контроль американцев, и, вероятно, нашему командованию необходимо было вывезти из зоны оборудование заводов и фабрик, в общем, все, что представляло интерес с военной точки зрения. Видимо, так и было сделано.

Выгрузились из вагонов под открытое небо, благо, что погода была теплая. Американцы чувствовали себя в этой зоне уже хозяевами и давали понять нашим военным, что тем здесь уже делать нечего. Снабжение продовольствием в американской армии было организовано на хорошем уровне. К нашему прибытию были развернуты полевые кухни, нас накормили супом, рисовой кашей с тушенкой, напоили горячим какао с молоком и на дорогу снабдили банками консервов из австралийских кроликов, выдали по белому батону американского хлеба, кстати, абсолютно безвкусного, мы к такому хлебу не привыкли. Столь хорошо организованное американцами питание для нас было последним, о нем с благодарностью вспоминаешь и сейчас. Дальше нас ждала интересная, но полуголодная жизнь.

В Плауене американцы нас опять пересадили в армейские грузовики и повезли в город Бауцен. Оказывается, железная дорога была восстановлена и до этого города, но американцы железнодорожные составы в нашу зону не пропускали, поскольку подвижной состав наша сторона не возвращала, а брала его себе в счет военных репараций.

Нас разместили в больших домах в центре города. Жители Бауцена были строго наказаны нашей военной администрацией за упорную оборону города. Во время наступления наших войск в городе была полностью уничтожена танковая бригада. Танки сожгла команда Гитлерюгенд из фаустпатронов. Когда сопротивление немцев было уже сломлено и танки свободно входили на улицы города, команда молокососов из засады в домах в упор расстреливала машины, и они горели, как свечки. Фаустпатроны — это страшное оружие против танков в уличных боях. Вот за это жителей города на три месяца лишили продовольственного снабжения и они находились в очень трудном положении. В городе ввели чрезвычайное положение, всякое передвижение гражданских лиц без особых пропусков военной администрации с 21 часа до 7 часов утра было запрещено. Днем немки, молодые и в возрасте, готовы были «обслужить» любого военного за кусок хлеба или даже кусок мыла. Все это было похоже на американскую зону оккупации, только в худшем варианте, поскольку там не было чрезвычайного положения.

(Сожженные танки в этом городе напоминали захват Грозного

нашими войсками под командованием бездарных военачальников во главе с бывшим военным министром П. Грачевым в военной авантюре против российского народа в Чечне. По приказу П. Грачева, «лучшего военного министра», по заявлению Б. Ельцина, российские танкисты ворвались в город, но были уничтожены вместе с танками в уличных боях. Так начался провал военной авантюры, организованной бездарным руководством российской армии. Война в Чечне — это повторение русско-японской войны 1905 г. Там тоже было сплошное бахвальство, собирались шапками закидать японскую армию, но погубили весь свой морской флот, получили смертельный удар под Порт-Артуром и вынуждены были заключить позорный мир.

То же произошло и в Чечне.

Недаром А. Коржаков, бывший телохранитель Президента в своей книге «Борис Ельцин — от рассвета до заката» взял в качестве эпиграфа высказывание Талейрана: «Целые народы пришли в ужас, если бы узнали, какие мелкие люди властвуют над ними». Горько переживать такой позор офицерам и солдатам российской армии.)

Как ни странно, город Бауцен не разрушила авиация союзников, он был чистенький, с ухоженными улицами, скверами и площадями и утопал в зелени. Этот город удивил меня тем, что внутри почти каждого квартала городской застройки был маленький бассейн пять на пять метров под металлической сеткой и закрывался на замок. Это напоминало муравейники в лесах Германии, летом вокруг бассейнов всегда было много детворы и взрослых.

На этом сборном пункте впервые наша военная администрация начала регистрацию бывших военнопленных и перемещенных гражданских лиц. С каждым днем прибывало все больше людей. Много было бывших партизан из Югославии, воевавших в армии Броз Тито. Все они, как правило, были в новых кожаных куртках с орденами и медалями югославской армии. Держались они обособленно, с чувством гордости и достоинства, и, мы, конечно, завидовали им.

Много приехало бывших военнопленных из Франции и Италии, им удалось бежать из немецких лагерей в эти страны и там принять участие в отрядах Сопротивления.

На сборном пункте сразу почувствовалась работа ОкрСмерша. Народ прикусил языки, стал более сдержанным и подозрительным. Участились случаи убийства среди проживающих на сборном пункте. Как предполагаю, это действовали отщепенцы из бывшей администрации концлагерей (полицаи, переводчики и т. д.), власовцы, лица, служившие ранее

в немецких воинских частях, особенно в зондеркомандах. Были, видимо, и старосты, и другие служащие из немецкой администрации на оккупированной советской территории. Все они рассчитывали найти себе теплое местечко в «Великой» Германии, но с крахом рейха оказались никому не нужны — часть из них с хорошо оформленными документами и сфабрикованными легендами пыталась вернуться в Советский Союз. На сборном пункте в их поле зрения попадали бывшие жертвы или люди, знавшие о их неблаговидных делах. Боясь за свою шкуру, предатели пытались от них избавиться.

Надо предполагать, что и союзнические службы в ходе массового вывоза на родину наших людей забрасывали в Советский Союз свою агентуру для длительной адаптации.

В этот период жизни я, как и все, для нашей военной администрации был рядовым военнопленным со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Судьба, судьба, она играет человеком, то вознесет его до неба, то в бездну бросит свысока»…

Госпиталь с персоналом и больными, в котором у меня было особое положение еще в городе Плауене, отправили в один из польских городов. Я же предпочел туда не ехать. Персонал уважал меня и очень сожалел о принятом мною решении. Я предчувствовал, что впереди будет много непредсказуемого, но об этом не хотелось пока задумываться, легче было на «авось», а там — куда кривая выведет.

У меня довольно общительный характер, и вокруг меня всегда было достаточно людей с добрыми мыслями, а иногда «прилипали» и мелкие авантюристы. Как-то начал замечать, что со мной настойчиво пытается завести дружбу один довольно симпатичный блондин. Он всегда ходил со мной в столовую на обед и ужин, садился рядом, вел довольно рискованный по тем временам разговор о жизни, о войне, о послевоенном переустройстве в Германии и Советском Союзе, о нашей возможной дальнейшей судьбе на родине. Нужно отдать ему должное, интеллектуально он был развит, неплохо разбирался в политической ситуации, которая складывалась в этот период в Германии.

Лето было жаркое, и мы часто ходили с ним в самоволку в городской бассейн купаться, а после купания валялись на траве, пели песни. Советских песен он никогда не пел, по-моему, и слов-то их не знал. Голос у него был довольно приятный, и он с большим чувством исполнял «Не слышно шума городского, на Невской башне тишина, и на штыке у часового горит полночная луна»…

Для меня было странным, что когда мы бывали в городе, то

иногда проходили мимо одного из домов. Он подходил к окну, осторожно стучал, занавеска отодвигалась, и нам открывали дверь. Мы заходили в квартиру. Нас обычно встречали пожилые хозяева, очень доброжелательно относившиеся к нам, угощали чашечкой кофе. Владлен вел с ними непринужденный разговор, затем хозяин находил благовидный предлог и приглашал его в другую комнату, беседа там длилась минут 10–15. После этого мы уходили, хозяева с нами дружески прощались и, как я догадывался, просили его беречь себя. Мои попытки уточнить, что это за люди и откуда он их знает, не увенчались успехом. Он деликатно уходил от этого разговора. У меня были, конечно, самые разные мысли по этому поводу, но я не мог понять моей роли в этом знакомстве. Для чего я был нужен ему? Кто это был? На кого он работал? Все это так и осталось для меня загадкой. Позднее, когда я проходил «фильтрацию» в Союзе в Первой Горьковской дивизии на станции Опухляки, об этом знакомстве даже не заикался, так как каждое сомнительное знакомство фиксировалось, по нему шли проверки и можно было нарваться на большие неприятности. Тем более что перед отъездом в Союз он куда-то исчез, и я потерял его из виду.

Перед отправкой на родину с нами поступали почти так же, как и в фашистских концлагерях: приходил офицер, давал команду построиться со шмотками, мы собирали свои нехитрые пожитки и строились на плацу, затем нас подводили к бане, давали 10 минут на помывку и выпускали через другие двери с противоположной стороны. Тут лежала приготовленная лагерная роба, а все наши пожитки оставались при входе. Впоследствии мы уже об этом знали и ухитрялись самые для нас нужные предметы прятать на голом теле, и часто нам это удавалось.

Перед отправкой домой нас также построили и скомандовали: «Смирно! Равняйсь! Направо! Прямо — марш!» Мы не успели опомниться, как оказались на станции, но из строя выходить не разрешали. Неожиданно нам повезло: при нашем советско-российском порядке всегда находится место для беспорядков. Получилось так, что нас привели на станцию, а вагоны подогнать забыли. Мы, не долго думая, бегом бросились врассыпную и «двинули» в свой городок. Там нас не ожидали и пожитки наши еще не успели растащить. Забрав вещи, мы бегом устремились обратно на вокзал. Здесь солдаты не рискнули отобрать у нас наше барахло. Вскоре подогнали состав, паровоз дал свисток, и мы «со свистом» покатили в Союз. Скажу откровенно, домой-то всем хотелось, но большой радости никто не испытывал.

На одном из полустанков, уже на Украине, наш состав

остановился рядом с составом демобилизованных солдат, возвращавшихся из Германии. Дисциплины и порядка среди солдат уже не было, большинство из них были пьяны. На станциях и полустанках они меняли вещи на самогон и были уже «на хорошем взводе». Когда узнали, что мы — бывшие военнопленные и тоже возвращаемся домой, один «дебил» выхватил автомат и с криком «Бей предателей и изменников Родины!» дал очередь по вагонам. Несколько человек было убито и ранено.

В этой трагедии, видимо, никто не разбирался, а пьяного солдата забросили в вагон и поезд отправили. Из нашего состава убитых вынесли на поляну, раненых кое-как перевязали, и составу дали «зеленую улицу». Свидетелей никто не опрашивал, так как за нас никто ответственности не нес, мы еще не были «оприходованы», документов у нас не было, и мы толком не знали, кто мы такие для своей страны. На станциях и полустанках люди на нас смотрели по-разному: одни с чувством неприязни; те, у кого сыновья, братья или мужья пропали без вести, со слезами на глазах искали среди нас своих родных или просили вспомнить, не встречали ли мы их фамилии, будучи в Германии. Мы в то время были еще совсем молодыми, поэтому некоторые жители, особенно молодые женщины, уже совсем отчаявшись дождаться возвращения своих родных и близких, предлагали нам остаться. Надо полагать, что, насмотревшись на «радушный» прием в пути следования, некоторые из бывших пленных остались жить на хуторах и в селах Украины и Белоруссии.

Так, как-то незаметно и без дальнейших особых приключений поезд остановился на станции Опухляки. Я никогда не слышал такого названия. Данное место, видимо, соответствовало своему названию. Кругом озера и болота, и только по отдельным островкам суши разбросаны небольшие хутора. Трудно себе представить, как весной и осенью, по бездорожью, люди добирались до них и как вообще жилось в таких условиях. Пахотных земель почти не было, но зато было много грибов, клюквы, морошки и других даров лесной природы.

В Белоруссии подобных мест много, и не случайно их леса и болота хорошо освоили партизанские формирования, а вся республика именовалась партизанским краем.

Мы еще до конца не представляли себе, в какой «гнилой угол» нас привезли. Время шло быстро и, когда были соблюдены все формальности: выгрузка, построение, перекличка, поздравление какого-то политработника с прибытием на родную землю, нам скомандовали — вещи взять и шагом — марш!

Колонна двинулась в путь, оркестр заиграл «Встречный

марш», и так мы незаметно подошли к большой зоне, огороженной колючей проволокой, с караульными вышками, с обозначенной полосой «предбанника», по которой бегали здоровенные псы. На арке ворот висели какие-то лозунги, мы уже их не читали, а как-то все сникли и начали понимать, что в этой обители нам предстоит провести немало времени. Нас всех распределили по большим землянкам, примерно на 120–150 человек каждая. Выходить из зоны было запрещено, но тяга к воле была большая. Двое москвичей не выдержали и однажды ночью пустились в бега. Одного из них звали Олег Конюхов, фамилию второго не помню. Оба — офицеры: Олег — лейтенант, второй — капитан. Вскоре на одном из железнодорожных разъездов оба были задержаны, привезены в зону и посажены на гауптвахту. Через две недели состоялся открытый суд и за «дезертирство», под эту статью их подвели на следствии, им дали по 10 лет.

Я представляю, как им было обидно: уже почти дома и — снова тюрьма, не лучше, чем в плену. Забегая вперед отмечу, что когда мы прошли «фильтрацию», были восстановлены в воинских званиях, получили проездные документы и отправились домой, попутно заехали в Москву, разыскали квартиру Олега Конюхова и рассказали родным, что знали о нем по плену и его судьбе в лагерной зоне в запасном полку Первой Горьковской дивизии на станции Опухляки.

Квартира Конюхова была в центре Москвы, недалеко от станции метро «Арбатская». Мама его работала в Министерстве железнодорожного транспорта у министра Л.М. Кагановича. После нашей беседы она сказала, что через Лазаря Кагановича, а может быть, и через И.В. Сталина попытается смягчить участь своего сына. Она еще не представляла себе того, что не всех бывших военнопленных восстанавливали в гражданских правах, воинском звании и не всем разрешали вернуться домой под негласный надзор карательных органов. Восстанавливали в правах в первую очередь тех, кто попал в плен раненным, вел себя в плену достойно, бежал из плена в отряды Сопротивления во Францию, в Италию, в армию Тито и к союзникам, когда они форсировали Ла-Манш. Многим по разным причинам давали срок и отправляли под конвоем на различные стройки, главным образом, на шахты, среди которых были шахты по добыче урана в горах Туркмении, а также в леспромхозы обычно сроком не менее пяти лет с ограниченной перепиской и редкими свиданиями с родственниками.

Меня миновала эта участь: за побег из плена и работу в должности комиссара в администрации госпиталей города Ашафенбурга американской зоны оккупации в Германии я был

награжден орденом Отечественной войны второй степени.

В Москве наши пути-дороги разошлись. Выйдя от Конюховых, зашли в «забегаловку», взяли по «сотке» и по кружке пива, рукавом «закусили», тепло попрощались друг с другом и разошлись каждый в свою сторону. Я почему-то сразу пошел на Казанский вокзал.

Из всех московских вокзалов Казанский — самый большой и бестолковый, всегда переполнен людьми, вокруг обычно шляется много шпаны, проституток, бомжей и лиц без определенных занятий. В этой людской круговерти нужно было вести себя очень аккуратно, обворовать и даже убить здесь могли в любую минуту. Делалось это просто: преступная группировка из три-пять человек в военной или милицейской форме подбирала какого-либо «веселого» человечка, выводила его из зала и за углом обирала до нитки. Если он вдруг пытался сопротивляться, его тут же «успокаивали», документы забирали и — попробуй узнай, что это был за человек. Иногда обирали прямо в здании вокзала. Обычно это происходило так: заприметив кого-то из пассажиров в зале ожидания с большими чемоданами, проследив за ним и поняв, что едет он один, без друзей и провожатых и вступиться за него некому, находили предлог и начинали с ним драку. В этой суматохе чемоданы исчезали, шпана разбегалась, и найти потом вещи или задержать кого-либо практически было невозможно. Дежурные милиционеры, как правило, никакой помощи не оказывали, скорее, помогали грабить и «заметать» следы.

Кое-как разобравшись в расписании движения поездов, я нашел номер поезда, который должен был следовать до Свердловска. Вскоре объявили посадку, и мне с большим трудом удалось втиснуться в один из общих вагонов и кое-как примоститься на одном из боковых сидений.

Ехать в таком вагоне — одно «удовольствие», из-за табачного дыма почти ничего не видно, кругом пьют, кто спирт, кто водку, многие самогон и даже одеколон.

В военную пору все железнодорожные станции имели единую вывеску: КИПЯТОК. При подъезде к любой станции первое, что бросалось в глаза, — это написанное крупными буквами слово КИПЯТОК и под ним до десятка кранов с горячей водой.

В то время горячий чай в общих вагонах проводники не готовили, а в вагон-ресторан пробраться практически было невозможно. Единственная надежда — это кипяток на привокзальных станциях. Сейчас только вспоминаешь, какие вкусные были ржаные солдатские сухари с кипятком. Это помнят только те, кто хлебнул горя и радости в то военное лихолетье, будучи в пути на фронт или на формировку. Молодое поколение

этого не знает, а «динозавры» вымирают и уходят в небытие.

Садясь в поезд, я рассчитывал, что он обязательно пойдет через станции Верещагино и Пермь. И каково же было мое удивление, когда поезд пошел совсем другой дорогой, в обход Перми и Верещагино.

Прибыв в Свердловск, я окончательно загрустил, деньги кончались, а по продовольственному аттестату получать почти нечего. Выбраться из Свердловска в Пермь было значительно сложней, чем из Москвы в Свердловск.

По правде сказать, в трудные периоды моей жизни мне все-таки везло. Повезло и на этот раз. Я встретился с каким-то капитаном, фамилии сейчас не помню, он с маленьким мальчиком пробирался в Горький. Закурив папиросу, угостил капитана.

— Чего ты такой грустный? — спросил он.

— Как не загрустишь, когда здесь бардак похлеще, чем в Москве на Казанском вокзале. Билет при такой суматохе не достать, к кассам даже не подойдешь, а в вагон без билета не пустят.

— Ерунда! Уедем! — заверил капитан.

— А каким образом?

— В наше время, — усмехнулся он, — надо быть предприимчивым, наблюдательным и шевелить мозгами. Я вот, когда мы ехали сюда, в одном из вагонов у проводника стащил ключи. Теперь, имея в кармане своего «кондуктора», мы можем открыть дверь в тамбур любого вагона. Ты постой с мальчиком и посмотри за вещами, — предложил капитан, — а я выясню, с какого пути и когда будет отправляться очередной поезд в нашем направлении.

— Только смотри внимательно, — крикнул я ему вслед, — и хорошенько разберись, куда пойдет поезд, а то опять в Москве окажемся.

Минут через 30–40 капитан, насвистывая веселую песенку, подошел к нам.

— Ну вот и все, дело сделано, — заверил он, — ровно через час с третьего пути отправляется поезд «Свердловск — Пермь — Горький». Надеюсь, он тебя устраивает?

— Вполне — ответил я.

— Так вот, — сказал капитан, — я — старший по возрасту, слушай мою команду. Вещи взять! Правое плечо вперед! Прямо в привокзальный сквер шагом марш!

— Нам необходимо привести себя в порядок, — пояснил он, — помыться, побриться, подшить новые подворотнички, почистить сапоги. Одним словом, перед посадкой нам нужно

прилично выглядеть, чтобы не привлекать внимания военных патрулей. А минут за 10–15 до отправления поезда мы обойдем состав с другой стороны и наметим для себя вагон и тамбур, который откроем моим «кондуктором». За 3–5 минут до отхода поезда организуем посадку, а там нас уже никто не тронет. Ты доберешься до своей станции Верещагино, а я до Горького.

— План ясен, задачу понял, теперь садись, закурим и помолчим, — сказал я. Посидели, помолчали.

— Ну все, пора вставать, — сказал капитан. — Берем вещи и к поезду.

Выбрали мы почему-то седьмой вагон. Когда по радио объявили отправление поезда, открыли тамбур. Карманный «кондуктор» сработал безотказно. Долго не могли найти место, куда бы можно было приземлиться. Кое-как усадили мальчика, а сами пошли к туалету в тамбур. В общем, с большими мучениями, но без приключений мы и доехали до станции Верещагино.

Мать жила в Павловске, это в 35 километрах от станции. Расстояние небольшое, но добраться до дома было не просто. Рейсовых автобусов в то время не было. Но в какой-то мере удача и здесь сопутствовала мне. На привокзальной площади раздавались голоса: «Кому до Павловска? Идите за мной». «Кому до Очера — за мной, кому до Сивы, кому до Большой Сосновы?»… Я побежал за человеком, который приглашал до Павловска, но полуторка (грузовая машина) была набита до отказа. Я бросился к другой, которая шла до Очера, тут место нашлось и мне удалось у борта в уголке «приземлиться» на свои пожитки.

На павловской машине шофер оказался знакомым парнем, в Павловске их дом был почти напротив нашего. Его звали Валерка Носков. До войны мы еще без штанов бегали вместе с ним по улицам поселка. Я попросил его передать матери, что буду ночевать в Очере у ее знакомой тетки и там ее подожду.

В ту пору частных грузовых машин не было. Обычно шоферы договаривались с завгаром и с молчаливого согласия администрации отправлялись в «левый» рейс, как тогда говорили — на шабашку. Деньги делили, видимо, в зависимости от субординации, вначале рассчитывались с гаишниками, которые следили за посадкой и отправкой с привокзальной площади, а затем — между собой.

Работать в те годы шофером грузовой машины было мечтой многих, но осуществить ее было не просто. Все шоферы были связаны с торговлей, доставкой товарно-материальных ценностей. В этой сфере всегда есть шанс иметь «левый» товар, а следовательно, возможность для спекуляции и воровства.

Когда я на станции садился в кузов машины, то даже не подозревал, что на дорогах иногда бесчинствуют бандиты. В Очерском районе в то время скрывалось три группы дезертиров, бежавших с фронта. Вот они-то и орудовали на дорогах района.

Дороги в ту пору были очень скверные, из-за больших ухабов машины шли медленно. Бандиты выбирали такой участок, когда шофер вынужден был «переключаться» на вторую или первую передачу, чтобы выбраться из очередной ямы. В этом случае машина становилась легкой добычей для нападавших. У шофера обычно отбирали деньги, водку, которой расплачивались некоторые пассажиры, а у людей в кузове забирали деньги и ценные вещи.

Время поездки до Очера пролетело быстро. В кузове шли разговоры о нападении на машину. Люди травили разные байки, и было трудно разобраться, где правда, а где вымысел.

Утром мать прибежала к тетке в Очер, и мы с ней сразу же направились в Павловск. Встреча оказалась радостной и тяжелой, со слезами. В Павловск пришла на меня похоронка, и для матери я второй раз родился. Все 10 километров от Очера до Павловска прошли в непрерывных разговорах и планах на будущее. Я был недостаточно уверен в себе и не очень четко представлял, где и кем буду работать. Ведь на войну ушел сразу после 10-го класса, специальности и рабочей профессии у меня не было. Кроме как убивать на фронте, ничему дельному не научился. Положение мое было примерно такое же, как у российских молокососов, которых призвали в армию, толком ничему не научили, а сразу загнали на чеченскую бойню. Оставшись в живых, они являются хорошим материалом для пополнения рядов криминальных структур, так как гражданской специальности у них нет. Правда, многие из них воровать, а некоторые и убивать научились еще до призыва в армию.

Не имея гражданской специальности, трудно выбрать правильный путь в жизни. Одни спивались и кончали жизнь под забором, другие объединялись в воровские шайки, тащили все, что попадало под руку: уводили скот колхозный, грабили товарные поезда, устраивали разбойные нападения на отдельных граждан. Были даже и такие случаи, когда двое — трое мужиков с оружием в руках входили в городские трамваи или автобусы и «шерстили» пассажиров. Такие мародеры часто погибали в перестрелках. Так был убит при ограблении поезда мой соученик по школе в Пермском судозаводе Михаил Сажин. Парень он был неплохой, но «заскоки» наблюдались еще в младших классах школы, где мы учились. Семья у Михаила была хорошая, но невезучая. Мать — прекрасная учительница, отец рано умер,

младшая сестра, будучи студенткой Пермского университета, из-за несчастной любви бросилась под колеса поезда. Брат Михаила Виктор окончил Пермский университет, работал в различных школах города, впоследствии был директором средней школы в Нижней Курье.

В Павловске было много знакомых, бывших мальчишек и девчонок, они возмужали и стали симпатичными женщинами и мужчинами. За период с 1942 по 1945 г. судьба у многих изменилась. Так, мой близкий друг Леонид Бояршинов был убит на фронте в 1943 г. Коля Ларионов, дальний родственник, после нашего купания в ледяной воде на Павловском пруду простудился, долго болел и умер. Сергей Касьянов — майор, инвалид войны, почти слепой, не дожил до Дня Победы.

С Леонидом Б. и Сергеем К. нас связывала забавная история. Летом 1942 г. я после госпиталя в Тюмени приехал к матери в Павловск на три месяца. У мамы была хорошая знакомая — Нина Тычинкина, студентка III курса мединститута. Мы познакомились, подружились. Она была строгих правил, да и я не был донжуаном. Когда через три месяца расставались, она обещала меня ждать. Ждала до тех пор, пока не получила на меня похоронку. Вскоре после этого в Павловск приехал также после госпиталя на три месяца Леонид Бояршинов. Они познакомились и вскоре поженились. После отпуска Леонид Б. уехал на фронт и через месяц был убит.

Сергей Касьянов был нашим общим знакомым, вначале он утешал Нину Т., а затем их дружба переросла в любовь. Сергей, хотя и очень плохо видел, но обладал довольно предприимчивым характером. Жизнь в то время в тылу была очень трудная, люди голодали, сытыми были администрация, работники торговли и те, кто воровал и имел «левые» заработки.

Сергей К. организовал «охоту» на колхозных поросят, втянул в это дело и Нину Тычинкину. Так с ранней весны и до поздней осени они «промышляли» на колхозных фермах, таская поросят, иногда овец и даже телят.

В жизни многое начинается хорошо, но быстро кончается, так закончилась и эта «кооперация» по добыче бесплатного мяса. Сергей заболел и умер. От него у Нины остался симпатичный сын. Личную жизнь ей удалось устроить, она вышла замуж за хорошего мужчину.

Все эти подробности при встрече рассказала мне сама Нина Тычинкина. Я ее не осуждал. Все невзгоды этих лет я познал на своей шкуре.

Лето кончалось, приближалась зима, а у меня не было теплой обуви, нужно было идти лично к директору завода и просить

талон на приобретение валенок. Когда привозили водку и прочий дефицит — мыло, табак, соль, одежду, — за всем нужно было идти на поклон и просить талоны. Снабжение по карточкам и талонам продолжалось до 1947 г. О талонах на водку вспомнили при Горбачеве, за это его проклинали, а, мне кажется, это было правильным решением.

(Сейчас, когда наступила демократия проституции и разврата, когда Жванецкий похвалялся по телевидению, что он в любое время суток может в тапочках сбегать и купить «пузырь» без всяких проблем, жить стало страшно. Россия спивается, и на улицу выходить небезопасно.)

Однажды у рабочего клуба повстречался с Касьяновой Августой Николаевной, сестрой Сергея. Она работала директором клуба. Увидев меня, спросила:

— Ты все еще не работаешь?

— Нет, — ответил я.

— Приходи завтра в клуб, поговорим, может быть, что-нибудь и придумаем.

— Хорошо, вечером зайду.

Беседа состоялась, поговорили обо всем, вспомнили Сергея, Леонида, а затем она посмотрела на меня и как-то неопределенно спросила:

— Может, ты поработаешь у меня в клубе художественным руководителем?

Я также полушутя-полусерьезно произнес:

— Ну что, можно поработать.

Я в это время в клубной самодеятельности принимал активное участие.

Режиссером в клубе работал симпатичный «старикан» Гусев Иван Яковлевич. Доморощенный артист также вышел из художественной самодеятельности. Сколько он в ней пробыл, мало кто помнил, всем казалось, что со дня рождения. Любовь к театру передалась мне от отца, он также в свое время в свободные от работы вечера руководил театральным кружком в рабочем клубе Пермской судоверфи в Нижней Курье. А я частенько отирался за кулисами сцены во время репетиций и спектаклей, и многое осталось в памяти. Впоследствии, будучи уже в старших классах школы, я со своей любимой учительницей немецкого языка самостоятельно готовил небольшие пьесы, которые с успехом шли на школьной сцене. Собственно, это была вся моя «профессиональная» театральная подготовка, которая привела к работе художественным руководителем в рабочем клубе поселка Павловск.

Сейчас, как только вспомнишь, так вздрогнешь от такого

нахальства, а в то время что-то получалось и даже говорили, что совсем неплохо. Зрительный зал клуба был рассчитан на 200 мест, и все билеты расходились до открытия спектакля. Иногда выезжали с постановками в Очер и другие населенные пункты и везде имели успех.

Я прекрасно понимал, что скоро моя «балаганная» карьера кончится, а поэтому нужно искать что-то более серьезное. Шел конец июля 1946 г. Просматривая газеты, я увидел что уже почти закончился прием заявлений для поступления в вузы города Перми. Искать счастья в других городах не было средств. В начале августа приехал в Пермь, зашел в университет, вежливо отказали, мол, прием закончен. В мединституте — аналогичная картина, и, совсем отчаявшись, решил заглянуть в приемную комиссию сельхозинститута.

И, как обычно со мной бывало, в последний момент мне повезло. Этот день был последним в работе приемной комиссии. Прием заявлений был закончен, уже прошли вступительные экзамены, однако отдельные абитуриенты еще приходили из других вузов, где они не прошли по конкурсу. Это были, как правило, девушки, парни же проходили вне конкурса и зачислялись на учебу в первую очередь.

В приемной комиссии были деканы факультетов, оформлявшие документы по зачислению абитуриентов в число студентов. Девушками, приходившими из других вузов, они не интересовались. А вот на меня обратили внимание. После собеседования были разные предложения. Помню, меня активно уговаривал декан зоотехнического факультета профессор Никольский, очень симпатичный мужчина, обещавший принять меня без вступительных экзаменов с предоставлением общежития. Это было очень заманчивое предложение.

В это время в приемной комиссии появился декан инженерно-землеустроительного факультета доцент Зиновий Михайлович Шапиро. Он сразу понял, что я еще окончательно не определился с выбором специальности и пригласил меня на собеседование в деканат.

Кафедры и лаборатории факультета размещались в правом крыле здания на втором этаже. Зиновий Михайлович долго со мной беседовал, интересовался всякими мелочами моей жизни.

— Ты мне нравишься, — сказал он, — твое место на нашем факультете, а хвосты «крутить» разным скотинякам на зоофаке, по-моему, малоприятное удовольствие.

Так определилась моя судьба с учебой и дальнейшей жизнью на многие годы.

На факультете училось много бывших фронтовиков,

впоследствии многие из них стали видными учеными, руководителями предприятий и организаций, это: Н. Булычев, П. Хлебников, М. Цума, И. Хлебутина, А. Чудинов, Л. Пушков, Ю. Щедрин, Е. Шадрин, А. Белянин, Г. Кёниг и др. Учились мы у замечательных преподавателей-профессоров: В. Прокошева, А.П. Никольского, А. Назарова, А. Герасимова, И. Герасимова, М. Петухова, Адамовича; доцентов: Я. Ротина, Г. Дажина, Ю. Славнова, Н. Масалкина, Е. Азарина, А. Востроknутова, Л. Златогорского, С. Третьякова. Многих из них давно уже нет в живых, на их место пришли молодые, но все-таки, как мне кажется, менее талантливые ученые.

И вот здесь на этом факультете я с любовью встретился своей — Лазаревой Ниной Петровной. Прожили мы с ней долгую жизнь, оба состарились, и сын наш, Александр, уже тоже в довольно зрелом возрасте. А все помнится, как будто было вчера.

Детство жены прошло в г. Оханске под присмотром бабушки. В семье было четыре дочери: Людмила, Алевтина, Нина и Диана. Алевтина, Нина и Людмила получили высшее образование. Диана Петровна пошла по стопам своей матери, работала воспитателем в Оханском детском доме. Мама — Лазарева Анна Федоровна всю свою жизнь проработала завучем в Оханском детском доме. Это был замечательный воспитатель с чутким отзывчивым сердцем, всегда веселая и жизнерадостная, все отдававшая своим детям.

Я окончил институт, получил диплом с отличием и был приглашен на работу вначале на кафедру геодезии к профессору Н.А. Назарову, а затем на кафедру землроектирования к доценту Я.П. Ротину, где я и проработал до 1958 г. до поступления в аспирантуру при Московском институте инженеров землеустройства. Моим научным руководителем в аспирантуре был академик Сергей Александрович Удачин, один из видных ученых в области организации земельных угодий.

Вот так закончились для меня два больших периода в моей жизни: период Отечественной войны и период дерзких мечтаний во время моей учебы в институте и аспирантуре. Многие мечты сбылись, я был принят на работу преподавателем в Пермский государственный университет им А.М. Горького на экономический факультет.

Жизнь шла и диктовала свои условия. В работе происходили перемены. Вскоре я стал одним из организаторов экономического факультета: вначале работал в должности заместителя декана, а затем двадцать лет деканом крупнейшего факультета в университете.

Оглядываясь на замечательное прошлое, через которое

прошел вместе со своим народом за годы советской власти, содрогаюсь при мысли — до чего омерзительны те, кто ради своих амбиций смог разрушить такую страну, разграбить ее и довести свой народ до скотского состояния. Нужно сказать честно, народ во многом сам повинен в том, что сотворили с ним криминальные демократы. Но что бы ни случилось, а жизнь продолжается!

notes

Примечания

1

В партию я вступал добровольно перед очередным боем. Какие преимущества имели коммунисты на фронте? Никаких. Единственное преимущество — под огнем встать первым и увлечь за собой солдат в атаку или на выполнение поставленной задачи.

Самоотверженно трудились члены партии и в тылу, выполняя различные хозяйственные задачи, связанные с разгромом врага. Преимуществ не имели, были дисциплинированны и достойны подражания. Все, что построено в стране за 70 лет советской власти, сделано руками народа под руководством коммунистов.